СБОРНИКЪ

Учено-Литературнаго

Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XII.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1907.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

1. Проф. М. Красноженъ. Наканунѣ церковной реформы 1—33.
2. Проф. Евгеній Бобровъ. Матеріалы для біографіи Е. А. Бѣлова . . . . . 34—72.
3. Проф. В. Алексѣевъ. Л. Г. Штрюмпель и его педагогическая система . . . . . 73—128.
4. І. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года . . . 129—186.
5. Проф. Евгеній Бобровъ. О преподаваніи философіи въ университетахъ . . . . . 187—238.

Наканунѣ церковной реформы.

(По поводу созванія помѣстнаго Собора русской православной церкви).

I.

Предварительныя замѣчанія.

Вмѣстѣ съ реформой въ области государственной наступила у насъ, въ Россіи, потребность преобразованій и въ строѣ нашей отечественной церкви. Это вполнѣ понятно. Русская православная церковь искони вѣковъ живетъ въ тѣсной органической связи съ государствомъ. Сначала православная церковь какъ-бы покрывала собою и обнимала весь русскій народъ. Подъ ея сѣнію и благословеніемъ, при ея помощи и подъ ея руководствомъ, сложилось, устроилось, расширилось и могущественно укрѣпилось русское государство во главѣ съ самодержавною царскою властью. Затѣмъ, когда русское государство вполнѣ окрѣпло, оно, обладая всѣми средствами внѣшней мощи, начало, въ свою очередь, помогать церкви въ достиженіи основной ея задачи — воспитать въ членахъ государства, гражданахъ, тѣ основы христіанской вѣры и нравственности, безъ которыхъ немыслимо всякое благоустроенное государство.

Само собою понятно, что при такой тѣсной, неразрывной органической связи между церковью и государствомъ у насъ, въ Россіи, жизнь и дѣятельность одного изъ этихъ организмовъ неизбѣжно отражается на жизни и дѣятельности другого изъ нихъ. Между тѣмъ, въ жизни нашего государства за послѣдніе годы ясно обнаружилось стремленіе къ обновленію

устарѣвшихъ и къ преобразованію признанныхъ несовершенными или несоотвѣтствующими требованіямъ современной жизни формъ и явленій. Такое преобразовательное направленіе общественно-государственной жизни, въ силу необходимости, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось извѣстнымъ образомъ и на нашей церковной жизни. И здѣсь постепенно росло, ширилось и, наконецъ, совершенно укрѣпилось общее убѣжденіе въ необходимости обновленія устарѣвшихъ и преобразованія несовершенныхъ формъ внѣшняго церковнаго строя. Ожидаемый помѣстный Соборъ православной русской церкви долженъ положить начало новому періоду въ нашей церкви и подготовить возможность лучшихъ условій для развитія церковной жизни.

Мысль о необходимости созванія помѣстнаго церковнаго Собора съ цѣлію обсужденія мѣръ по преобразованію нѣкоторыхъ сторонъ внѣшняго строя нашей церкви начала высказываться у насъ давно. Можно даже сказать, что эта мысль никогда не умирала въ сознаніи членовъ нашей церкви, начиная съ того самаго времени, какъ у насъ, по различнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, прекратились церковные соборы. Идея соборности и мысль о необходимости созванія помѣстнаго Собора особенно оживились у насъ въ сознаніи церковномъ и общественномъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка. Къ концу этого вѣка мысль о необходимости скорѣйшаго устройства церковнаго Собора въ Россіи стала глубокимъ убѣжденіемъ широкихъ круговъ въ средѣ вѣрующихъ членовъ нашей церкви; оставалось только приступить къ реальному осуществленію сознанныхъ завѣтныхъ желаній. И вотъ еще въ 1903 году Государю Императору угодно было обратить вниманіе нѣкоторыхъ іерарховъ и мірскихъ людей, близко стоявшихъ къ церковному управленію, на необходимость церковныхъ преобразованій. Въ 1905 г. мысль объ этомъ еще болѣе окрѣпла, особенно въ виду изданнаго 17 апрѣля 1905 г. закона о вѣротерпимости. Еще весною этого года Св. Сѵнодомъ была выражена мысль о необходимости созванія Собора,

съ цѣлію преобразованія церковнаго устройства на каноническихъ основахъ. Въ самомъ концѣ 1905 г. Государю Императору благоугодно было поручить первосвятителю русской церкви С.-Петербургскому митрополиту Антонію, вмѣстѣ съ митрополитами — Московскимъ Владиміромъ и Кіевскимъ Флавіаномъ, „опредѣлить время созванія этого, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемого, Собора для нѣкоторыхъ преобразованій въ строѣ нашей церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ для вящшаго утвержденія православія“ [1]).

Но сколько нужно совершить предварительной подготовительной работы! Вѣдь будущему помѣстному собору прійдется заняться переустройствомъ разныхъ сторонъ церковной жизни, требующей во многихъ отношеніяхъ обновленія и исправленія. И неудивительно! Вѣдь соборовъ на Руси не было болѣе чѣмъ 200 лѣтъ; болѣе 200 лѣтъ такой жизненный организмъ, какимъ является церковное общество, живетъ мертвою бюрократическою жизнью, не по своей, впрочемъ, винѣ.

II.

Предсоборное Присутствіе.

Для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ церковномъ Соборѣ, въ самомъ началѣ минувшаго 1906 года, съ Высочайшаго утвержденія, было учреждено особое Присутствіе, въ составъ котораго, подъ предсѣдательствомъ С.-Петербургскаго митрополита Антонія, вошли митрополиты — Московскій и Кіевскій, многіе іерархи русской церкви, представители городского и сельскаго духовенства, выдающіеся ученые канонисты, богословы, историки и, наконецъ, многіе общественные дѣятели, преданные православной церкви, а также лица, занимавшіе въ теченіе минув-

1) Профессоръ прот. Ѳ. Титовъ. Краткій обзоръ церковной жизни въ Россіи за минувшій (1906) годъ. Прибавленія къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“ № 1.

шаго года должности Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода и его Товарища.

Въ интересахъ успѣшности работъ, было образовано семь отдѣловъ, въ которыхъ подробно обсуждались различные церковные вопросы. Отдѣлы эти слѣдующіе: 1-ый отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Херсонскаго Дмитрія, занимался вопросами о составѣ помѣстнаго Собора, порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на Соборѣ и о преобразованіи центральнаго церковнаго управленія. 2-ой отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Литовскаго Никандра, — о раздѣленіи Россіи на церковные округа и организаціи ихъ, а также о преобразованіи мѣстнаго церковнаго управленія. 3-ій отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Ярославскаго Іакова, — объ организаціи церковнаго суда и пересмотрѣ законовъ по дѣламъ брачнымъ вообще и о смѣшанныхъ бракахъ. 4-ый отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Могилевскаго Стефана, — о благоустроеніи прихода, церковной школѣ, порядкѣ пріобрѣтенія церковной собственности, епархальныхъ съѣздахъ и участіи священнослужителей въ общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ. 5-ый отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Псковскаго Арсенія, — о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. 6-ой отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Волынскаго Антонія, — по дѣламъ вѣры: о единовѣріи, старообрядчествѣ и другихъ вопросахъ вѣры. 7-ой отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Финляндскаго Сергія, — о мѣрахъ къ огражденію православной вѣры и христіанскаго благочестія отъ неправыхъ ученій и толкованій, въ виду укрѣпленія началъ вѣротерпимости въ Имперіи.

Наибольшая часть работы выпала на долю перваго отдѣла, предсѣдатель котораго, архіепископъ Дмитрій, бывшій профессоръ Кіевской Духовной Академіи, является однимъ изъ выдающихся архипастырей русской церкви. Не мало работы было и на прочихъ шести отдѣлахъ. Засѣданія въ отдѣлахъ происходили утромъ и вечеромъ, такъ что нѣкоторые члены Присутствія работали по 10 и болѣе часовъ въ сутки.

Засѣданія Присутствія, членомъ котораго, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ и авторъ настоящей статьи, продолжались съ 8 марта по 13 іюня и съ 2 ноября по 15 декабря 1906 г. Большая часть постановленій выработанныхъ въ отдѣлахъ, была разсмотрѣна на общихъ собраніяхъ Присутствія, а прочіе вопросы, признанные наименѣе важными, изъ отдѣловъ переданы непосредственно на разсмотрѣніе Св. Сѵнода, вмѣстѣ съ опредѣленіями общихъ собраній Присутствія.

Между членами Присутствія опредѣлились два направленія: одни стояли на почвѣ строго канонической; другіе, желая въ преобразованіи церковной жизни итти на встрѣчу времени, находили возможнымъ измѣненіе даже тѣхъ началъ церковной жизни, которыя до сихъ поръ считались неизмѣнными. Эти два направленія въ особенности рѣзко обнаружились въ вопросѣ о составѣ будущаго помѣстнаго Собора. По церковнымъ канонамъ, право рѣшающаго голоса принадлежитъ только епископамъ; между тѣмъ сторонники новаго направленія желали, чтобы такой же рѣшающій голосъ на Соборѣ принадлежалъ всѣмъ клирикамъ и мірянамъ. Однако мнѣніе, согласное съ церковными канонами, одержало верхъ; клирики и міряне тоже, конечно, будутъ приглашены на Соборъ и въ соборныхъ коммиссіяхъ будутъ имѣть рѣшающій голосъ, наравнѣ съ епископами, но на Соборѣ они пользуются лишь совѣщательнымъ голосомъ. Не мало оживленныхъ споровъ было и по другимъ вопросамъ, предложеннымъ на обсужденіе Предсоборнаго Присутствія, въ особенности по весьма важному вопросу о будущемъ устройствѣ русскаго православнаго прихода[1]).

Послѣ обсужденія въ засѣданіяхъ общаго Присутствія выработанныхъ въ указанныхъ отдѣлахъ положеній, Присутствіе пришло къ слѣдующимъ окончательнымъ заключеніямъ.

---

1) За недостаткомъ времени рѣшеніе этого вопроса намѣчено Присутствіемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

О составѣ Собора и порядкѣ производства дѣлъ на ономъ:

1) Соборъ состоитъ изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ.

2) Епархіальные епископы обязательно присутствуютъ на Соборѣ. Викарные же и пребывающіе на покоѣ являются на Соборъ по приглашеніямъ Святѣйшаго Сѵнода.

3) Епархіальные епископы, немогущіе явиться на Соборъ по благословной винѣ, посылаютъ на Соборъ своихъ замѣстителей, съ правомъ голоса, хотя бы то были и не епископы.

4) Клирики и міряне, приглашенные на Соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ. Но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами.

5) Для предварительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, какъ они будутъ формулированы Соборомъ, образуются, если Соборъ усмотритъ въ томъ надобность, изъ членовъ Собора, какъ епископовъ, такъ и клириковъ и мірянъ, комиссіи, которыя и вносятъ свои заключенія на обсужденіе Общаго Собранія Собора.

6) Отъ каждой епархіи вмѣстѣ съ епископомъ являются на Соборъ по два члена: одинъ отъ клира и одинъ отъ мірянъ.

7) Кандидаты въ члены Собора отъ епархій по одному изъ клира и одному изъ мірянъ избираются на благочинническихъ собраніяхъ. Списокъ избранныхъ по благочиніямъ кандидатовъ представляется епархіальному архіерею для окончательнаго изъ нихъ выбора и утвержденія членовъ Собора.

8) На благочинническихъ собраніяхъ кандидаты отъ клира и мірянъ могутъ быть избираемы и изъ лицъ другихъ благочинническихъ округовъ въ предѣлахъ епархіи.

9) Желательно участіе на Соборѣ, на правахъ членовъ, представителей монастырей, духовно-учебныхъ заведеній и иныхъ церковныхъ учрежденій, а равно и частныхъ лицъ, извѣстныхъ своею богословскою ученостью или любовью къ

церковному просвѣщенію и вообще своимъ усердіемъ къ церкви, — по усмотрѣнію Святѣйшаго Сунода.

10) Предсѣдательствуетъ на Соборѣ первенствующій членъ Святѣйшаго Сунода, два же другихъ митрополита являются его замѣстителями.

11) При Соборѣ образуется секретаріатъ изъ наличныхъ служащихъ въ Сунодальныхъ учрежденіяхъ, подчиненный Предсѣдателю Собора. Въ составѣ его могутъ быть также ученые богословы и канонисты. А кто будетъ стоять во главѣ секретаріата — духовное или свѣтское лицо, безразлично.

12) Соборныя засѣданія должны быть открытыми, но нѣкоторыя засѣданія могутъ быть и закрытыми, если то признаетъ необходимымъ Соборъ.

13) Соборныя работы безъ замедленія публикуются или въ видѣ бюллетеней или стенографическихъ отчетовъ, по записямъ секретаріата или собственныхъ стенографовъ.

14) Мѣстомъ Собора избирается Москва.

О преобразованіи высшаго церковнаго управленія

1) Органомъ высшаго управленія русской церкви долженъ быть постоянный Сунодъ съ предсѣдателемъ во главѣ.

2) Въ составъ Сунода должны входить одни епископы, въ числѣ 12, кромѣ предсѣдателя, изъ коихъ одна треть постоянныхъ и двѣ трети смѣняющихся.

3) Постоянными членами Сунода, кромѣ предсѣдателя — митрополита С.-Петербургскаго, должны быть іерархи Московскій, Кіевскій, Казанскій и Литовскій.

4) Смѣняющіеся члены Сунода — епископы вызываются для присутствованія въ Сунодѣ по очереди.

5) Первый епископъ есть предсѣдатель Сунода, съ извѣстными правами, и вмѣстѣ съ тѣмъ первоіерархъ русской Церкви, съ особыми лично ему принадлежащими правами.

6) Предсѣдатель Сунода и первоіерархъ русской церкви именуется патріархомъ.

О правахъ патріарха русской церкви.

Права патріарха русской церкви, какъ предсѣдателя ея Сѵнода и какъ первоіерарха русской церкви.

Какъ предсѣдатель Сѵнода, патріархъ

1) предсѣдательствуетъ въ Сѵнодѣ и руководитъ въ засѣданіяхъ Сѵнода порядкомъ обсужденія дѣлъ;

2) наблюдаетъ за исполненіемъ постановленій Сѵнода и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ во всѣхъ состоящихъ при Сѵнодѣ учрежденіяхъ по управленію русскою церковью;

3) принимаетъ жалобы на епископовъ и даетъ имъ надлежащій ходъ (IV Всел. 9; Антіох. 14; Сардик. 14; Карѳаг. 28; ср. 37; 139);

4) сносится съ прочими церквами по частнымъ вопросамъ церковной жизни непосредственно отъ себя; по вопросамъ же общаго значенія — отъ имени Сѵнода;

5) служитъ органомъ сношеній высшаго церковнаго правительства съ высшими государственными установленіями по текущимъ дѣламъ;

6) пользуется правомъ непосредственно и лично ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, какъ покровителемъ церкви, о неотложныхъ и важнѣйшихъ ея нуждахъ;

7) по истеченіи каждаго года представляетъ Государю Императору всеподданнѣйшій отчетъ о внутреннемъ состояніи русской церкви, съ указаніемъ ея потребностей въ цѣляхъ ея благотворнаго вліянія на народную жизнь.

Какъ первоіерархъ русской церкви,

1) неукоснительно наблюдаетъ за своевременнымъ замѣщеніемъ праздныхъ епископскихъ каѳедръ (I Всел. 4; Антіох. 19; IV Всел. 25);

2) даетъ отпуски епископамъ въ предѣлахъ Россіи и внѣ ея, свыше мѣсяца (Карѳ. 32, Лаод. 41):

3) принимаетъ къ своему разсмотрѣнію дѣла по личнымъ спорамъ между собою епископовъ, добровольно обращающихся къ нему за разрѣшеніемъ распри безъ формальнаго судопроизводства; рѣшеніе его для обѣихъ сторонъ обязательно;

4) разъясняетъ частныя недоумѣнія епископовъ по вопросамъ церковнаго порядка, исключая тѣ случаи, когда таковыя недоумѣнія вызываютъ общія разъясненія и потому требуютъ обсужденія въ Сѵнодѣ;

5) съ вѣдома Сѵнода и соизволенія Государя Императора созываетъ всероссійскіе соборы и предсѣдательствуетъ на нихъ;

6) имѣетъ высшее наблюденіе за порядкомъ и благоустройствомъ въ русской церкви и въ нужныхъ случаяхъ предлагаетъ Сѵноду принять соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка (VII. 11);

7) имѣетъ право посылать учительныя посланія и пастырскія воззванія ко всей русской церкви (Ап. 34);

8) пользуется преимуществомъ чести предъ всѣми епископами русской церкви, и имя его поминается при богослуженіи во всѣхъ церквахъ Россіи (Ап. 34; Двукр. 15);

9) по нарушенію правъ и обязанностей своего служенія, подлежитъ суду Собора епископовъ русской церкви, созываемаго Сѵнодомъ по благоусмотрѣнію Государя Императора (III всел. 1).

О повременныхъ соборахъ россійской церкви.

1) Высшее управленіе русской церкви принадлежитъ созываемому періодически помѣстному собору епископовъ, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

2) Составъ помѣстныхъ соборовъ россійской церкви долженъ быть такой же, какъ и предположенный составъ перваго чрезвычайнаго Собора, т. е. изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ, и съ тѣми же ихъ правами, кромѣ случаевъ, когда, по каноническимъ правиламъ, не только рѣшеніе, но и обсужденіе дѣлъ въ соборахъ можетъ принадлежать однимъ епископамъ.

3) Помѣстному Собору русской церкви принадлежитъ власть законодательная, руководительная, ревизіонная и высшая судебная.

4) Къ полномочіямъ помѣстнаго Собора должно быть отнесено и право избранія патріарха.

5) На должность всероссійскаго патріарха указываютъ кандидатовъ: одного мѣстная епархіальная паства, одного Сѵнодъ и троихъ всѣ епископы, собравшіеся на соборѣ.

6) Патріархъ избирается Соборомъ однихъ епископовъ.

7) Повременные соборы должны созываться по мѣрѣ надобности, но не рѣже, какъ черезъ 10 лѣтъ.

Объ отношеніи высшаго правительства православной россійской церкви къ Верховной государстенной Власти:

1) Православная русская церковь имѣетъ право издавать для себя новыя постановленія съ соизволенія Государя Императора, постановленія предстоящаго чрезвычайнаго Собора всероссійской церкви и имѣющихъ послѣдовать за онымъ повременныхъ соборовъ, а также распоряженія постояннаго Священнаго Сѵнода руководственнаго характера.

2) Постановленія чрезвычайнаго всероссійскаго собора, повременныхъ соборовъ и постояннаго Священнаго Сѵнода, связанныя съ расходованіемъ средствъ изъ государственнаго казначейства или съ предоставленіемъ церковнымъ учрежденіямъ и лицамъ правъ государственныхъ, воспріемлютъ силу закона въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

3) Православная русская церковь въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ управляется свободно своими учрежденіями, подъ верховной защитой Государя Императора.

4) Государю Императору представляется отчетъ о дѣлахъ церковныхъ за истекшій годъ.

5) Съ соизволенія Государя Императора созывается установленнымъ порядкомъ повременный Соборъ.

6) Повременный соборъ представляетъ на благоусмотрѣніе Государя Императора о своемъ выборѣ патріарха; въ случаѣ суда надъ патріархомъ, приговоръ суда также представляется на благоусмотрѣніе Государя.

7) Чрезвычайный всероссійскій Соборъ и повременные соборы представляютъ свои постановленія на благовоззрѣніе Государя Императора чрезъ патріарха. Равнымъ образомъ и постоянный Священный Сѵнодъ входитъ съ своими докладами къ Государю Императору въ потребныхъ случаяхъ также чрезъ своего предсѣдателя — патріарха.

8) Въ чрезвычайномъ всероссійскомъ Соборѣ и на повременныхъ соборахъ, если на нихъ Государю Императору не благоугодно присутствовать лично, съ Его соизволенія, присутствуетъ представитель Его Величества.

9) Въ Священномъ Сѵнодѣ Государь Императоръ имѣетъ своего представителя въ лицѣ Оберъ-Прокурора, который наблюдаетъ за согласіемъ постановленій и рѣшеній Сѵнода съ требованіями закона; при несоотвѣтствіи таковыхъ съ закономъ, обращаетъ на это вниманіе Сѵнода и за тѣмъ, въ случаѣ несогласія Священнаго Сѵнода съ высказаннымъ заключеніемъ, всеподданнѣйше о семъ докладываетъ Его Величеству.

10) Какъ представитель Государя — защитника церкви, Оберъ-Прокуроръ Священнаго Сѵнода участвуетъ въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ въ обсужденіи и въ соотвѣтствующихъ случаяхъ и рѣшеніи церковно-общественныхъ дѣлъ и вопросовъ какъ законодательнаго, такъ и исполнительнаго характера, подлежащихъ разсмотрѣнію сихъ установленій.

11) Оберъ-Прокуроръ Священнаго Сѵнода не входитъ въ составъ Совѣта Министровъ, дабы смѣна Министерства, вслѣдствіе колебанія внутренней политики, не влекла за собой съ необходимостью и смѣны Оберъ-Прокурора Священнаго Сѵнода[1]).

---

1) Уже послѣ Предсоборнаго Присутствія, въ январѣ 1907 г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода внесъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ предположенія свои по вопросу объ отношеніи государственной власти къ православной церкви, сводящіяся къ необходимости установленія слѣдующихъ основныхъ положеній:

1) Неуклонно проводя въ жизнь дѣйствіе Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, правительство обязано силой основныхъ законовъ неизмѣнно

О раздѣленіи русской церкви на округа.

1) Учрежденіе митрополичьихъ округовъ въ русской церкви признается желательнымъ, но не въ значеніи судебно-административныхъ установленій, а для цѣлей пастырскихъ.

2) Центрами округовъ на первое время признаются: Иркутскъ для Сибири, Тифлисъ для Грузинскаго экзархата,

---

стоять на стражѣ правъ и преимуществъ православной церкви, какъ господствующей въ государствѣ.

2) Ограждая интересы православія въ соотвѣтственной области церковно-государственныхъ правоотношеній, правительство признаетъ за православною русскою церковью полную свободу внутренняго управленія и самоустроенія на основаніи соборныхъ правилъ и ея собственныхъ установленій и узаконеній, наблюдая лишь за соотвѣтствіемъ церковныхъ распоряженій общимъ законамъ государства.

3) Признавая необходимость широкихъ реформъ во всѣхъ сторонахъ внутренней жизни православной русской церкви, правительство всецѣло относитъ это великое и святое дѣло въ вѣдѣніе самой церкви, въ лицѣ предстоящаго помѣстнаго всероссійскаго церковнаго Собора. Содѣйствовать успѣшному осуществленію Собора и проведенію въ жизнь его будущихъ постановленій, по мѣрѣ государственной въ томъ необходимости, правительство почитаетъ своимъ долгомъ.

4) Въ виду особой важности дѣла устроенія православныхъ приходовъ, правительство, поскольку предстоящая церковно-приходская реформа будетъ касаться государственнаго вѣдѣнія, считаетъ долгомъ пойти въ этомъ дѣлѣ навстрѣчу заботамъ церкви и оказать полное свое содѣйствіе къ осуществленію тѣхъ церковныхъ предначертаній, которыя потребуютъ санкціи государственной власти и закона.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство считаетъ своею обязанностью не только предъ господствующей церковью, но и предъ самимъ народомъ и государствомъ имѣть неотложную заботу о должномъ обезпеченіи матеріальнаго быта приходскаго православнаго духовенства путемъ ассигнованія на этотъ предметъ необходимыхъ суммъ изъ средствъ государственнаго казначейства.

6) Считая духовно-школьное образованіе дѣтей православнаго духовенства, какъ кандидатовъ на пастырство, дѣломъ свободнаго усмотрѣнія и распоряженія самой церкви, правительство, съ своей стороны, признаетъ справедливымъ и полезнымъ предоставленіе воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній свободнаго выхода въ свѣтскія учебныя заведенія; а равно и другихъ предоставленныхъ этимъ учебнымъ заведеніямъ правъ, подъ условіемъ соотвѣтствія общаго уровня образовательнаго курса духовной школы курсу свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

7) Признавая, что дѣло просвѣщенія народа составляетъ не только неотъемлемое право церкви, но и священную ея обязанность,

Кіевъ для юго-западныхъ епархій, Вильна для сѣверо-западнаго края, Москва для центральныхъ епархій, Казань для приволжскихъ и сѣверо-восточныхъ епархій и С.-Петербургъ для сѣверныхъ.

3) Митрополитъ имѣетъ первенство чести, заботится о подготовленіи вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію митрополичьихъ соборовъ, созываетъ соборы, предсѣдательствуетъ на нихъ и имѣетъ наблюденіе за исполненіемъ соборныхъ рѣшеній.

О порядкѣ избранія епархіальныхъ епископовъ.

1) Избраніе епископовъ на вакантныя каѳедры въ томъ или другомъ митрополичьемъ округѣ производится въ каѳедральномъ городѣ вдовствующей епархіи.

2) Избраніе епископовъ принадлежитъ собору епископовъ съ митрополитомъ во главѣ при участіи клира и мірянъ въ указаніи кандидатовъ.

3) Клиръ и міряне участвуютъ въ указаніи кандидатовъ на епископскія каѳедры чрезъ епархіальные съѣзды или собранія.

4) Объ избранномъ епископѣ соборъ представляетъ Священному Сѵноду, для утвержденія его, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

О преобразованіи епархіальнаго управленія.

1) Наименованіе Консисторіи замѣняется наименованіемъ „Епархіальное Правленіе“.

2) Міряне не могутъ быть членами Епархіальнаго Правленія.

правительство полагаетъ, что какъ существующія, такъ равно и вновь открываемыя церковныя школы должны, наравнѣ со школами другихъ наименованій и вѣдомствъ, войти, какъ отдѣльная крупная величина, въ общую сѣть тѣхъ разсадниковъ народнаго просвѣщенія, которыми государство обязано удовлетворить назрѣвшую нужду всеобщаго народнаго образованія въ Россіи.

3) Члены Епархіальнаго Правленія частію избираются, частію назначаются, и тѣ и другіе утверждаются Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

4) Предсѣдатель Епархіальнаго Правленія избирается мѣстнымъ Преосвященнымъ изъ членовъ Правленія и утверждается Священнымъ Сѵнодомъ.

5) Секретарь Епархіальнаго Правленія избирается Епархіальнымъ Епископомъ и утверждается Священнымъ Сѵнодомъ.

О преобразованіи церковнаго суда.

1) Церковный судъ производится особыми церковными установленіями, при соблюденіи всей полноты правъ и власти Епископа.

2) Органами церковнаго суда служатъ: Благочинническій Судъ, Епархіальный Судъ, Судебное Отдѣленіе Священнаго Сѵнода и Общее Собраніе Священнаго Сѵнода и Судебнаго его Отдѣленія.

3) Епархіальный Судъ составляетъ судебное учрежденіе, отдѣльное отъ Епархіальнаго Правленія и отъ него независимое. Онъ состоитъ изъ коллегіи пресвитеровъ съ предсѣдателемъ во главѣ.

4) Депутаты допускаются только на предварительномъ слѣдствіи.

5) Члены Епархіальнаго Суда частію избираются, частію назначаются; и тѣ и другіе утверждаются Священнымъ Сѵнодомъ.

6) Предсѣдатель Епархіальнаго Суда избирается Преосвященнымъ изъ членовъ Суда и утверждается Священнымъ Сѵнодомъ.

7) Всѣ рѣшенія Епархіальнаго Суда представляются Епархіальному Архіерею на утвержденіе.

8) Судебное Отдѣленіе Священнаго Сѵнода рѣшаетъ дѣла, касающіяся лицъ архіерейскаго сана, а также разсматриваетъ апелляціи на рѣшенія Епархіальнаго Суда.

9) Для разсмотрѣнія дѣлъ по жалобамъ на приговоры Судебнаго Отдѣленія Священнаго Сѵнода, постановленные

онымъ въ качествѣ первой инстанціи, и для суда надъ членами Священнаго Сѵнода составляется Общее Собраніе Священнаго Сѵнода.

10) Преданіе суду производится по рѣшенію Епархіальнаго Архіерея, основанному на данныхъ предварительнаго слѣдствія.

11) Обвинительный докладъ на судѣ поручается одному изъ членовъ суда, не участвующему въ составѣ присутствія по данному дѣлу.

12) Защитниками въ церковномъ судѣ допускаются только священнослужители.

13) Призводство слѣдствія по дѣламъ, подсуднымъ Епархіальному Суду, поручается одному изъ членовъ суда, а по дѣламъ Благочинническаго Суда предварительнаго слѣдствія не производится.

14) Каждое дѣло по существу рѣшается не болѣе, какъ въ двухъ инстанціяхъ.

15) Въ церковное судопроизводство вносятся слѣдующія основныя начала: непосредственность оцѣнки судебныхъ доказательствъ и отмѣна теоріи формальныхъ судебныхъ доказательствъ.

16) Постороннія лица не допускаются въ засѣданія церковнаго суда.

Объ устройствѣ православнаго прихода.

1) Православный приходъ есть церковное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи епископа, для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ опредѣленнаго въ числѣ собранія православныхъ христіанъ, подъ пастырскимъ руководствомъ священника и при назначенномъ для того церковною властью храмѣ.

2) Православная россійская церковь является собственникомъ всего церковнаго, причтоваго и приходскаго имущества. Въ приходахъ же завѣдываніе мѣстнымъ церковно-приходскимъ имуществомъ ввѣряется приходу, какъ юридическому лицу, состоящему изъ причта и прихожанъ мѣстнаго

храма, находящихся въ канонической зависимости отъ мѣстнаго епископа.

О томъ, по какому типу должно быть начато преобразованіе духовной школы[1]).

При обсужденіи означеннаго вопроса выяснились два главныхъ мнѣнія. Одни изъ членовъ высказались за необходимость полнаго отдѣленія пастырской школы отъ общеобразовательной, другіе же признали возможнымъ соединеніе пастырской школы съ общеобразовательной въ одной нераздѣльной школѣ. Большинство членовъ высказалось за единую духовную школу — пастырскую въ соединеніи съ общеобразовательной, съ необходимымъ преобразованіемъ оной.

III.

Предсоборная литература.

Не малую пользу въ дѣлѣ выясненія нѣкоторыхъ подлежавшихъ обсужденію Предсоборнаго Присутствія вопросовъ принесла также печать, удѣлившая, не смотря на нынѣшнее тревожное на Руси время, достаточно вниманія и интереса къ предстоящему въ русской церкви знаменательному событію: въ теченіе короткаго времени появилось нѣсколько весьма цѣнныхъ трудовъ по разнаго рода церковнымъ вопросамъ, стоящимъ въ связи съ созваніемъ Собора. На нѣкоторые изъ этихъ трудовъ мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе. Печать служитъ отображеніемъ пожеланій и надеждъ общества, знакомство съ которыми является не излишнимъ; не безъинтересно также видѣть, насколько взгляды на предстоящія церковныя реформы, выраженные въ печати, совпадаютъ съ составленными уже заключеніями Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія.

---

1) Прочіе вопросы, за недостаткомъ времени, не были разсмотрѣны Предсоборнымъ Присутствіемъ.

Н. Д. Кузнецовъ, присяжный повѣренный. Церковь, духовенство и общество. Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ, въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. Москва. 1905. Стр. 60.

Онъ же. Преобразованія въ русской церкви. Разсмотрѣніе вопроса по оффиціальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. Москва. 1906. Стр. 164.

Н. Д. Кузнецовъ является однимъ изъ немногихъ свѣтскихъ лицъ, серьезно интересующихся современною церковною жизнью и желающихъ своими трудами помочь, по мѣрѣ силъ, православной русской церкви въ разрѣшеніи многихъ назрѣвшихъ церковныхъ вопросовъ.

Изданный, подъ вышеприведеннымъ названіемъ: „Церковь, духовенство и общество“, новый трудъ почтеннаго автора, въ которомъ онъ приходитъ къ заключенію о необходимости въ настоящее время живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ, отличается весьма стройною системою изложенія. Въ началѣ своей книги Н. Д. Кузнецовъ отмѣчаетъ характерныя черты отношенія къ религіи и духовенству въ Западной Европѣ и, между прочимъ, констатируетъ фактъ отрицательнаго отношенія къ нимъ новаго общественнаго явленія — соціализма, въ основѣ котораго лежитъ чистѣйшій атеизмъ. Вѣра въ личнаго живого Бога сторонниками соціальныхъ реформъ разсматривается какъ начало и главная причина бѣдственнаго общественнаго положенія: не будетъ спасенія на землѣ, внушаютъ они, пока человѣкъ будетъ стремиться къ небу (стр. 12). Соціализмъ разными способами старается пріучать къ мысли, что самое наступленіе его мечтаній находится въ зависимости отъ ослабленія и уничтоженія теперешнихъ религіозныхъ стремленій въ людяхъ: какъ только громадная масса пролетаріата, по его разъясненію, перестанетъ безпокоиться о небесномъ отечествѣ, то прибли-

зится часъ, когда разрушится преобладаніе однихъ классовъ общества надъ другими. Сказанное о Западной Европѣ вполнѣ примѣнимо и къ намъ. Какъ только проникъ въ Россію потокъ европейскихъ идей, въ формѣ философіи XVIII вѣка, идеи эти нашли широкое распространеніе въ культурьной и вліятельной части общества. Среди него даже образовалось особое направленіе, представители котораго получили названіе „вольтеріанцевъ“. Между прочимъ, характеристической чертой вольтеріанцевъ служило легкое насмѣшливо-скептическое отношеніе къ христіанской религіи и рѣшенію ею высшихъ вопросовъ жизни. Уже въ XVIII вѣкѣ взаимное довѣріе и необходимая духовная связь между духовенствомъ и обществомъ оказались подорванными (стр. 15—28). То же явленіе, еще въ большей степени, замѣчается и въ позднѣйшее время. И вотъ, уже не одно поколѣніе въ Россіи воспиталось въ томъ убѣжденіи, что интересы религіозные есть дѣло исключительно духовенства и правительства, а каждому человѣку вполнѣ достаточно посѣщенія въ мѣру богослуженій, участія въ таинствахъ и въ признанныхъ правительствомъ пожертвованіяхъ на Церковь. Такъ стали думать болѣе или менѣе вѣрующіе. Невѣрующіе же въ подобномъ положеніи церковныхъ дѣлъ стали находить подтвержденіе раздѣляемымъ и проводимымъ ими европейскимъ взглядамъ на религію, какъ на политическое средство (стр. 29). Въ видахъ прекращенія этого печальнаго явленія и возстановленія истиннаго христіанства, авторъ настаиваетъ на необходимости широкаго активнаго участія мірянъ въ церковной жизни: міряне, говоритъ онъ, должны входить въ составъ церковнаго тѣла не менѣе крѣпко и жизненно, чѣмъ и духовные (стр. 44). Вотъ почему и въ наши дни, когда столь ясно назрѣла потребность коренныхъ преобразованій почти во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія, особенно нужно помнить, что при церковной реформѣ прежде всего должно быть возстановлено подобающее значеніе міряпъ въ дѣлахъ церковныхъ и не

иначе, какъ при ихъ участіи производима самая реформа. Было бы большимъ несчастьемъ для русской церкви, если бы предполагаемый и дѣйствительно столь необходимый для нея помѣстный Соборъ состоялся безъ достаточнаго участія мірянъ. Если, вмѣсто церковнаго собранія, требуемаго самымъ понятіемъ соборности, Соборъ этотъ окажется лишь обширнымъ съѣздомъ духовенства, то ожидаемыя отъ него важныя рѣшенія легко могутъ быть не признаны за голосъ всей русской церкви и не получатъ надлежащаго авторитета въ глазахъ народа, а это можетъ подать поводъ къ большимъ церковнымъ несогласіямъ и новымъ раздѣленіямъ. Пора православной церкви въ Россіи „начать жить всею полнотою своей жизни и въ основаніе своего устройства положить древнее соборное начало“ (стр. 58—60).

Въ своемъ второмъ трудѣ, подъ заглавіемъ: „Преобразованія въ русской церкви,“ Н. Д. Кузнецовъ ставитъ себѣ цѣлью познакомить русское общество съ положеніемъ дѣла о столь ожидаемыхъ преобразованіяхъ нашего церковнаго строя. Онъ приводитъ въ подлинникѣ рядъ документовъ, относящихся къ вопросу о церковной реформѣ, и даетъ рядъ критическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ сдѣланную постановку вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ съ точки зрѣнія современныхъ церковныхъ нуждъ и потребностей (стр. 3).

По мнѣнію г. Кузнецова, дѣло реформы должно начаться съ немедленнаго исправленія самой церковной жизни, возстановленія въ Церкви соборнаго начала, чтобы не только епископамъ, но и другому духовенству и мірянамъ была предоставлена возможность живого участія въ дѣлахъ церковныхъ и чтобы самая реформа была проведена не иначе, какъ соборно. Между тѣмъ соборное начало почти никогда не дѣйствовало въ русской церкви, какъ этого требовала идея христіанской Церкви (1 Кор. XII) и какъ это устанавливается вселенскими соборами. По разнымъ причинамъ въ Россіи сейчасъ же стала усиливаться власть митропо-

лита въ ущербъ развитію областнаго управленія окружныхъ соборовъ, самостоятельности епархіальной жизни и т. п., составляющихъ необходимыя черты соборности. Съ полученіемъ русскою церковью независимости отъ Константинопольскаго патріарха значеніе и власть митрополита сдѣлалась еще больше, а начало соборности еще незамѣтнѣе. Не соборы, собиравшіеся на Руси, руководили митрополитомъ, а онъ самъ оказывалъ на нихъ то или иное вліяніе (стр. 31—33). Введеніе патріаршества, нисколько не содѣйствовавшаго созданію у насъ истиннаго свободнаго народнаго архипастырства (стр. 56), сопровождалось на Руси образованіемъ такой политической единоличной церковной власти, да при томъ еще смѣшанной съ воздѣйствіемъ и на чисто мірскія стороны, что власть эта совершенно обезличила передъ собой не только духовенство вообще, но и самихъ епископовъ и при ней сдѣлалось почти уже невозможнымъ какое-либо живое проявленіе соборнаго начала (стр. 37). Г. Кузнецовъ вообще является противникомъ возстановленія на Руси патріаршества — этого проявленія роста іерархіи въ высоту. Въ наше время, пишетъ онъ, при значительномъ разъединеніи общества и духовенства, такой ростъ іерархіи не только не нуженъ, но и прямо вреденъ. Созданіе духовнаго главы съ особымъ званіемъ еще болѣе выдѣлитъ его изъ окружающаго общества, а широкія полномочія патріарха въ дѣлахъ церковныхъ, которыя, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ, при желаніи, можетъ увеличить, могутъ способствовать еще большему закрѣпленію мыслей, что дѣла церковныя составляютъ лишь обязанность духовенства, и, кромѣ того, все это можетъ доставить значительную опору столь пагубному для насъ клерикализму, возможному при сосредоточеніи церковнаго управленія исключительно въ рукахъ духовенства (стр. 64).

Уже и теперь, еще до фактическаго введенія въ Россіи патріаршества, одинъ изъ русскихъ епископовъ, участвовавшихъ въ составленіи Всеподданѣйшаго доклада Св.

Сѵнода, поясняетъ, что при патріаршествѣ высшая церковная власть будетъ получена однимъ, а всѣ остальные архіереи „изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его послушниками: семеро не посредственными, а прочіе послушниками митрополита, а затѣмъ уже патріарха".

Недостаточнымъ проведеніемъ соборнаго начала объясняются недостатки и нестроенія въ церкви, включая и самый строй управленія, сложившійся въ XVIII вѣкѣ. Вредъ для церкви отъ крайней слабости соборнаго начала очень ярко успѣлъ обнаружиться при патріархахъ въ печальномъ раздѣленіи въ русской церкви, извѣстномъ подъ именемъ старообрядчества (стр. 14). Такимъ образомъ обращеніе къ до Петровскому церковному строю не гарантировало бы для русской церкви свободнаго развитія въ ней соборнаго начала (стр. 38).

Весьма интересными являются разсужденія почтеннаго автора по весьма важному вопросу о составѣ предстоящаго всероссійскаго помѣстнаго Собора. Изъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ онъ дѣлаетъ выводъ о необходимости допущенія на Соборъ, кромѣ епископовъ, клира и мірянъ (стр. 121). Прежде императоры считались представителями народа на соборахъ. При теперешнемъ положеніи государей и ихъ отношеніи къ задачамъ Церкви участіе ихъ однихъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ уже не можетъ достаточно гарантировать принятіе церковныхъ постановленій народомъ и даже государствомъ. Для обезпеченія рецепціи соборныхъ постановленій всею церковью должно допустить на Соборъ по возможности всѣхъ ея членовъ и отнюдь не устранять отъ него мірянъ. Присутствіе мірянъ въ настоящее время особенно необходимо, въ виду значительнаго духовно-нравственнаго разъединенія между ними и духовенствомъ, такъ что голосъ мірянъ по дѣламъ церковнымъ всего лучше можетъ быть выраженъ только ими самими и всего менѣе, повидимому, епископами (стр. 126).

И дѣйствительно въ настоящее время институтъ на-

роднаго представительства является уже достаточно развитымъ и вошедшимъ въ жизнь многихъ православныхъ церквей, какъ то: церкви Константинопольской, Болгарской, Сербской, Румынской, въ Карловицкой митрополіи въ Венгріи, въ Сибинской митрополіи въ Австро-Угріи. Относительно того, съ какимъ голосомъ явятся на Соборъ клиръ и міряне, съ рѣшающимъ или совѣщательнымъ, авторъ проводитъ слѣдующій взглядъ. Строго говоря, въ исторіи вселенскихъ соборовъ мы не находимъ вполнѣ достаточно данныхъ для рѣшенія такого современнаго вопроса. Это вполнѣ и понятно. На соборы, какой-бы составъ ихъ ни былъ, отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на что-то въ родѣ нашихъ парламентовъ. Въ жизни парламента дѣйствительно играетъ важную роль большинство, которое только въ силу своего числа подавляетъ соображенія меньшинства, хотя бы меньшинство не только не согласилось съ большинствомъ, но и питало къ его мнѣніямъ самую непримиримую вражду. При такихъ условіяхъ вопросъ о правѣ голосованія, естественно, получаетъ громадное значеніе и выступаетъ на первый планъ. Церковные же соборы прежде всего покоились на духовно-нравственной основѣ и ставили своей задачей, какъ это можно подтвердить многими документами того времени, чтобы, при общемъ согласіи всѣхъ, по изслѣдованіи всей истины и по устраненіи всякаго пристрастія, яснѣе открылась истина и чтобы уже не могло быть никакого сомнѣнія и разномыслія. Соборы имѣли цѣлію установить въ томъ или иномъ отношеніи духовно-нравственное единеніе членовъ Церкви и отъ соборовъ-то по преимуществу требовалось исполненіе наставленія апостола Павла блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3) (стр. 136). Во всякомъ случаѣ, допущенные на Соборъ представители духовенства и мірянъ не должны играть роль молчаливо-внимающихъ людей (стр. 137).

Между прочимъ, г. Кузнецовъ касается вызвавшаго въ предсоборномъ Присутствіи продолжительные споры вопроса о

признаніи прихода юридическимъ лицомъ. Авторъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ это признаніе, т. е. образованіе изъ прихода субъекта правъ въ обыкновенныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, поведетъ къ развитію въ приходѣ любви къ ближнимъ, въ формѣ благотворительности, къ оживленію прихода и правильной и устойчивой организаціи его жизни. Не признаніе прихода юридическимъ лицомъ съ имущественными правами сообщитъ ему устойчивость организаціи и единеніе въ преслѣдованіи церковныхъ цѣлей, а наоборотъ, нравственное объединеніе прихожанъ и духовенства на почвѣ служенія церкви должно повести къ оживленію прихода и устойчивости его организаціи, и тогда уже дѣйствительно можетъ потребоваться признаніе прихода лицомъ юридическимъ (стр. 19).

По богатству содержанія, по оригинальности и искренности взглядовъ сочиненія Н. Д. Кузнецова, написанныя имъ съ цѣлью способствовать разрѣшенію назрѣвшихъ и волнующихъ современное общество вопросовъ о церковной реформѣ, найдутъ, конечно, большой кругъ читателей.

Іаковъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій. Ожидаемый Соборъ всероссійской церкви 1906 года и предметы его занятій. Ярославль. 1906. Стр. 79.

Въ своемъ трудѣ высокопреосвященный Іаковъ даетъ обстоятельные и весьма цѣнные отвѣты не только на тѣ вопросы, которые намѣчены Святѣйшимъ Синодомъ для обсужденія на предстоящемъ всероссійскомъ помѣстномъ Соборѣ, но также касается цѣлаго ряда другихъ вопросовъ вѣры и жизни христіанской, вопросовъ обрядовыхъ, касающихся богослуженія, и вопросовъ церковнаго домостроительства (о пересмотрѣ постановленій собора 1667 года, о клятвѣ на раскольниковъ, о смѣшанныхъ бракахъ православныхъ со старообрядцами и инославными христіанами и др.).

Говоря о составѣ ожидаемаго помѣстнаго Собора въ

русской церкви, почтенный авторъ, на основаніи цѣлаго ряда доказательствъ, основанныхъ на церковныхъ правилахъ и церковной практикѣ (см. стр. 3—13), приходитъ къ тому заключенію, что рѣшающій голосъ на церковныхъ соборахъ имѣли только епископы, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что „желательно и благопотребно, чтобы на этомъ Соборѣ присутствовали пресвитеры, и другіе клирики, монашествующіе, міряне съ правомъ совѣщательнаго голоса, каковымъ пользовались подобныя лица въ древности“ (стр. 16).

Особенно интересными являются замѣчанія архіепископа Іакова о преобразованіи церковнаго суда. Совершенно справедливо замѣчаетъ онъ, что первая и существенная потребность духовнаго суда состоитъ въ пересмотрѣ, обработкѣ и приведеніи въ систему нашего дѣйствующаго церковнаго права и въ изданіи церковнаго уложенія, которое бы устраняло произволъ судебной власти и личное ея усмотрѣніе какъ въ опредѣленіи состава проступковъ, такъ и въ примѣненіи къ нимъ мѣръ взысканія и исправленія (стр. 41). Что касается дѣйствующаго церковнаго судоустройства, въ которомъ мы находимъ крайнюю централизацію власти, а также церковнаго судопроизводства, въ которомъ формы слѣдствія устарѣли, не отличаются опредѣленностью и не обезпечиваютъ достаточными гарантіями интересовъ ни сторонъ, ни суда, — то авторъ рѣшительно настаиваетъ на необходимости реформы того и другого, примѣнительно судебнымъ уставамъ 1864 года.

Не менѣе интереснымъ является взглядъ высокопреосвященнаго Іакова на реформу духовно-учебныхъ заведеній, находящихся нынѣ въ печальномъ положеніи. Архіепископъ Іаковъ предлагаетъ существующія мужскія духовныя училища преобразовать въ шестиклассныя или семиклассныя гимназіи съ гимназическимъ курсомъ наукъ такъ расположенныхъ, чтобы всегда возможенъ былъ безпрепятственный переходъ изъ духовныхъ училищъ въ министерскія гимназіи, и наоборотъ, а по окончаніи курса выходъ въ универ-

ситетъ и въ другія высшія заведенія, наравнѣ съ министерскими гимназіями; но при этомъ въ духовныхъ училищахъ преподаваніе катихизиса, въ виду исключительной важности этого предмета, должно быть поставлено, какъ можно болѣе прочно и основательно. Нынѣшнія шестиклассныя семинаріи авторъ предлагаетъ преобразовать въ трехклассныя пастырскія училища, что дастъ возможность устроить въ нихъ не только общежитія для всѣхъ учащихся, но и квартиры для всѣхъ преподавателей и воспитателей (стр. 54 – 58).

Весьма было бы желательно, чтобы всѣ эти пожеланія были осуществлены на дѣлѣ.

И. М. Лихницкій. Освященный Соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ. Спб. 1906 года. Стр. 74.

Работа И. М. Лихницкаго, въ виду предстоящаго созванія русскаго помѣстнаго Собора, представляетъ большой интересъ. Особенно любопытны тѣ страницы труда г. Лихницкаго, на которыхъ почтенный авторъ трактуетъ о составѣ „освященнаго Собора“, о мѣстѣ и времени и обычномъ порядкѣ соборныхъ засѣданій. Въ этомъ отношеніи исторія прошлаго можетъ служить наилучшимъ примѣромъ для будущаго.

Освященный Соборъ, какъ соборъ русской помѣстной церкви, по своему первоначальному идейному замыслу долженъ былъ олицетворять въ себѣ всю помѣстную русскую церковь, а потому требовалъ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ всѣхъ наличныхъ іерарховъ русской церкви (стр. 23). Какъ учрежденіе церковно-государственное, освященный Соборъ состоялъ, съ одной стороны, изъ членовъ духовныхъ, и при томъ лицъ всѣхъ іерархическихъ степеней русской церкви — какъ высшихъ (епископовъ), такъ и низшихъ (лицъ бѣлаго и чернаго духовенства), а съ другой, изъ членовъ свѣтскихъ — царя, наслѣдника престола, членовъ

боярской думы (послѣдніе присутствовали преимущественно на тѣхъ соборахъ, на которыхъ обсуждался какой-нибудь вопросъ, близко касавшійся и свѣтскаго правительства, напр. вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ и т. п.). Непремѣнными членами, безъ которыхъ не могъ пройти ни одинъ освященный Соборъ, былъ ли онъ созванъ по малому или великому дѣлу, считались епископы, призываемые на Соборъ такъ называемыми „извѣстительными граматами“ за подписью и печатью царя. Только получивши такъ называемую „извѣстительную грамату“, епископъ могъ явиться на Соборъ; въ противномъ случаѣ епархіальному епископу строго воспрещалось оставлять мѣсто своего служенія, даже въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлаетъ это для соборныхъ цѣлей.

Соборы происходили въ Москвѣ (стр. 31—32), обыкновенно въ патріаршей палатѣ, рѣже въ Успенскомъ соборѣ, или, какъ тогда выражались, „въ дому Пречистыя Богородицы пречестнаго Ея и славнаго Успенія“, а иногда въ палатахъ царскаго дворца, золотой и столовой. Соборы собирались не періодически, а совершенно произвольно Можно сказать, что тутъ все зависѣло отъ того или другого состоянія церковно-религіозной жизни въ извѣстный историческій моментъ: былъ поводъ, стоялъ на очереди вопросъ — созывался Соборъ, повода не было, дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ — и соборная жизнь замирала на долгое время. Отсюда приходится наблюдать въ исторіи нашихъ освященныхъ соборовъ XVI—XVII вв. такой фактъ, что въ иное время, когда религіозная жизнь и дѣятельность повышается, какъ, напр., въ началѣ XVI вѣка и въ срединѣ XVI и XVII вв., то соборная дѣятельность такъ учащается, что соборы устраиваются не только ежегодно, но даже по нѣсколько разъ въ годъ; и наоборотъ, какъ только въ жизни, благодаря тѣмъ или другимъ неблагопріятнымъ условіямъ, наступаетъ пониженіе церковной дѣятельности, какъ, напр., въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вв., то и соборная жизнь на долгое время прекращается (стр. 59).

Въ самый день открытія Собора совершалось въ соборной церкви Успенія Богородицы торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовали всѣ члены Собора и боярская знать во главѣ съ царемъ. Послѣ литургіи совершался торжественный молебенъ съ молитвеннымъ воззваніемъ о небесной помощи въ предстоящемъ важномъ дѣлѣ. По окончаніи богослуженія, всѣ направлялись въ палаты государя. Здѣсь, при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи членовъ боярской думы и всей чиновной знати, и происходило самое торжество открытія Собора. Вся важность событія заключалась въ тѣхъ рѣчахъ, которыя, съ одной стороны, произносилъ царь, а съ другой — въ отвѣтъ ему, кто-либо изъ членовъ предстоящаго собора. Обѣ рѣчи, какъ царская, такъ и отвѣтная, имѣли одинъ смыслъ указать цѣль и значеніе предстоящаго Собора и затѣмъ характеръ тѣхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ желательно на данномъ Соборѣ. Выслушавъ рѣчь царя и совершивъ всѣ предварительныя церемоніи, члены Собора приступали къ самымъ совѣщаніямъ, началу которыхъ предшествовало чтеніе особой рѣчи, обращенной къ соборнымъ людямъ; въ этой рѣчи подробно излагалась сущность предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Собора. Послѣ прочтенія докладной рѣчи, соборнымъ людямъ предлагалось „поразмыслить“ о всемъ слышанномъ и высказать по обсуждаемымъ вопросамъ свое мнѣніе, при этомъ свобода мнѣній — иногда даже очень рѣзкихъ и обидныхъ для присутствующихъ на Соборѣ лицъ — не нарушалась, и высказываться дозволялось не только лицамъ, занимающимъ важныя іерархическія положенія въ церкви, но и обыкновеннымъ клирикамъ, лишь бы только высказываемыя мнѣнія имѣли существенное и прямое отношеніе къ дѣлу. Самая аргументація соборныхъ сужденій носила на себѣ характеръ строгой каноничности и стояла въ тѣсной и непосредственной связи съ тѣми нормами канона, которыми управлялась вся тогдашняя дѣятельность въ русской церкви (стр. 64—68).

Послѣ того, какъ всѣ нужныя справки были сдѣланы и предварительное сужденіе вопроса было доведено до той полноты, какая оказывалась, по мнѣнію присутствующихъ, достаточной, Соборъ приступалъ къ окончательной формулировкѣ своихъ постановленій, стараясь отыскать такую форму, которая бы удовлетворила по возможности всѣхъ присутствующихъ.

Окончательное закрытіе засѣданій освященнаго Собора ознаменовывалось обычно составленіемъ соборнаго акта или протокола, въ которомъ болѣе или менѣе подробно излагался весь ходъ дѣла на освященномъ Соборѣ.

Засвидѣтельствованіемъ, путемъ приложенія печатей и такъ называемыхъ „рукоприкладствъ“, соборнаго акта заканчивалась вся соборная процедура, и члены Собора, надѣленные копіями протоколовъ, разъѣзжались по мѣстамъ своего постояннаго жительства (стр. 72—74).

Проф. А. П. Лебедевъ. Объ участіи мірянъ на соборахъ. Москва. 1906. Стр. 47.

С. Б. Троицкій. Церковный Соборъ и міряне. Спб. 1905. Стр. 20.

Однимъ изъ важнѣйшихъ, подлежащихъ предварительному разрѣшенію, вопросовъ, является вопросъ о составѣ будущаго помѣстнаго Собора русской церкви. Не подлежитъ сомнѣнію, что членами тѣла Церкви является не только епископы и духовныя лица вообще, но и міряне: силы и крѣпость Церкви зависятъ отъ живого непосредственнаго общенія между всѣми ея членами. Нельзя также отрицать самаго дѣятельнаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; между прочимъ, права участія ихъ на соборахъ. Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какой характеръ должно носить это участіе, съ точки зрѣнія церковныхъ правилъ и данныхъ исторіи.

Попытку выяснить этотъ вопросъ мы находимъ въ

названныхъ двухъ статьяхъ проф. А. П. Лебедева и С. В. Троицкаго.

Проф. А. П. Лебедевъ, на основаніи цѣлаго ряда фактовъ изъ исторіи древнихъ соборовъ, которые онъ подробно излагаетъ въ своемъ трудѣ, приходитъ къ тому заключенію, что „мірской элементъ на церковныхъ соборахъ въ древности представленъ былъ вообще слабо“ (стр. 40), епископы были представителями народа, который вполнѣ довѣрялъ и безпристрастію, и компетентности своихъ духовныхъ руководителей, — епископы рѣшили „такъ“, значитъ „такъ“ и нужно, разсуждалъ соборъ (стр. 40—41). При одномъ случаѣ отцы Халкидонскаго собора заявляли: „Зачѣмъ кричатъ клирики? Соборъ составляютъ епископы, а не клирики“. При другомъ же случаѣ они выражали слѣдующее требованіе: „Мы просимъ вонъ выгнать лишнихъ. Императоръ созывалъ епископовъ: соборъ составляютъ епископы, лишніе зачѣмъ кричатъ?“ (стр. 33). Относительно предстоящаго помѣстнаго Собора проф. А. П. Лебедевъ держится того взгляда, что безопаснѣе будетъ собрать первый русскій Соборъ изъ епископовъ, при чемъ каждый изъ нихъ могъ бы пріѣхать въ сопровожденіи лица пресвитерскаго чина, лица свободно избраннаго епархіальнымъ духовенствомъ. Рѣшающій голосъ пусть принадлежитъ епископамъ, а пресвитерамъ — совѣщальный. Этотъ Соборъ долженъ разрѣшить очень сложный вопросъ объ участіи мірянъ въ дальнѣйшихъ соборахъ (стр. 45).

С. В. Троицкій, вопреки проф. А. П. Лебедеву, отмѣчаетъ широко практиковавшееся участіе мірянъ на соборахъ въ древности (стр. 17) и приходитъ къ тому заключенію, что составлять Соборъ изъ однихъ епископовъ также противно духу христіанства, какъ и богослуженіе безъ народа. Въ борьбѣ съ враждебными силами церковь должна имѣть свою единую и потому могучую организацію. Первымъ шагомъ къ созданію такой организаціи долженъ быть помѣстный Соборъ, состоящій изъ епископовъ, клира и мірянъ.

О томъ, какой характеръ должно носить участіе мірянъ въ этомъ Соборѣ, авторъ не говоритъ.

Н. Заозерскій. Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патріаршества. Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906. Стр. 54.

Возстановленіе патріаршества является завѣтнымъ желаніемъ большинства русскихъ людей. Совершенно справедливо, сказалъ одинъ изъ выдающихся русскихъ іерарховъ, архіепископъ Волынскій, Антоній (въ засѣданіи предсоборнаго Присутствія 1 іюня 1906 г.), по поводу возстановленія на Руси патріаршества, между прочимъ, слѣдующее: „Коллегія (т. е. нынѣшній Св. Сѵнодъ) не можетъ замѣнить Божія Пастыря, и безъ главы не бываетъ Церковь въ очахъ Божіихъ, но церковь наша пребывала въ двухвѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишенъ права ихъ проявлять, такъ что и узнать его было бы трудно христіанамъ. Церковь помѣстная казалась обезглавленною, а потому она не имѣла приличествующаго ей одушевленія и дерзновенія, а лучшія силы ея удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ и люди, лишенные свѣта въ храминѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды церкви. Но вотъ въ ночи нашей засіяла утренняя звѣзда надежды . . . И какъ лишеніе церкви ея главы положило начало отступленію отъ благочестія, такъ возстановленіе главы ея положитъ начало возвращенію общественной жизни къ истинно христіанскимъ началамъ. И да будетъ это возвращеніе еще болѣе славно, чѣмъ въ древней Руси!“

Проф. Н. А. Заозерскій взялъ на себя трудъ представить самую общую конструкцію какъ должности патріарха, такъ и цѣлаго устройства русской церкви, съ одной стороны, согласно съ началами каноническаго права, а съ другой, удовлетворяющую настоятельно заявляемымъ потреб-

ностямъ времени. Свой трудъ авторъ дѣлитъ на двѣ части. Въ первой — онъ пытается установить каноническія основанія патріаршей должности, въ частности, разсмотрѣть: что есть патріархъ, какъ церковная должность, — права и полномочія патріарха, способъ примѣненія этихъ полномочій, избраніе и удаленіе отъ должности. Во второй части представляетъ планъ устройства всей русской церкви. Общая формула правительственныхъ полномочій патріарха, по мнѣнію проф. Заозерскаго, такова: патріархъ есть высшій въ помѣстной церкви духовный сановникъ „отецъ отцевъ“. Управляя своею епархіею, какъ обыкновенный епископъ, онъ въ то же время имѣетъ непосредственную власть надъ митрополитами, ближайшими къ нему духовными сановниками — по рукоположенію, исполненію законовъ и суду, таковую же, какую митрополиты надъ епископами своей области, и посредственную надъ всѣми членами помѣстной церкви. Изъ этого логически вытекаетъ и то преимущество чести патріарха, что имя его возносится на литургіи во всѣхъ митрополіяхъ, епископіяхъ, приходахъ и монастыряхъ помѣстной церкви (стр. 20). Въ концѣ первой части своего труда проф. Заозерскій подробно останавливается на вопросѣ объ избраніи патріарха, удаленіи его отъ должности и совершенномъ лишеніи сана (стр. 28—33). Вторая часть труда г. Заозерскаго заключаетъ въ себѣ проектъ организаціи церковнаго устройства на началахъ патріархіи — соборной формы. По вопросу о составѣ помѣстнаго Собора авторъ держится того взгляда, что въ составъ членовъ Собора должны входить всѣ епископы (лично и чрезъ представителей), опредѣленное количество клира, монашества и мірянъ. Голосомъ рѣшающимъ обладаютъ епископы, прочіе — только совѣщательнымъ. Предсѣдателемъ помѣстнаго Собора долженъ быть патріархъ. Должности Оберъ-Прокурора и его Товарища, въ смыслѣ представителей церкви въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, упраздняются (36—39).

Епископъ Евдокимъ. Царь и патріархъ (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906. Стр. 29.

Насколько неосновательны возраженія противъ возстановленія патріаршества, дѣлаемыя нѣкоторыми лицами, опасающимися, что патріархъ не только будетъ давить своимъ авторитетомъ простыхъ епископовъ и пресвитеровъ, но даже будетъ представлять опасность для самой свѣтской власти, лучше всего явствуетъ изъ небольшой, но весьма содержательной статьи преосвященнаго Евдокима. Авторъ приводитъ весьма интересное письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону, бывшему тогда еще митрополитомъ Новгородскимъ, по поводу кончины патріарха Іосифа. Изъ этого письма видно, какъ высоко въ прежнія времена стояла власть нашихъ архипастырей и какъ сыновне-внимательна была къ ней наша гражданская власть (стр. 2). Въ свою очередь, и патріархъ, какъ видно изъ древнихъ памятниковъ русской исторіи, относился столь же внимательно и любовно къ царю. Оба они дѣлили вмѣстѣ радость и горе народныя, запросто ходили другъ къ другу, какъ два хорошихъ равноправныхъ знакомыхъ, обмѣнивались даже различными подарками. Царь и патріархъ, олицетворявшіе собою Церковь и государство, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, были не господинъ и слуга, не господинъ и подчиненный, а два великихъ равноправныхъ строителя русской земли. Первый — строитель по преимуществу ея земной стороны, второй — благодатный строитель земно-небесной стороны. Помогая непрестанно другъ другу, эти двѣ великія власти и силы не путаются, не вмѣшиваются въ дѣла другъ друга, не переступаютъ извѣстной четры, рѣзко разграничивающей круги ихъ дѣятельности. Одинъ занимаетъ первое мѣсто въ Церкви, другой въ государствѣ. Патріархъ не раболѣпствуетъ, не трепещетъ и не унижается передъ царемъ, и царь не унижается передъ патріархомъ. У насъ не было ни крайностей Рима, ни крайностей Византіи . . .

(стр. 16). Пусть же, восклицаетъ глубокоуважаемый архипастырь, возстанутъ во всей своей былой силѣ и живой непосредственности Государь и патріархъ, эти двѣ великія, могучія, живыя, зиждущія силы, эти два великихъ строителя русской земли, два центра народно-церковной жизни, эти какъ-бы двѣ совѣсти и какъ-бы два разума народные, эти какъ-бы два ока, смотрящія въ глубь и ширь земли, и въ высь небесъ, обнимающія собою всю совокупность земно-небесныхъ человѣческихъ отношеній!

Будемъ же надѣяться, что всѣми ожидаемый всероссійскій церковный помѣстный Соборъ не отложится надолго и что скоро наступитъ желанный моментъ обновленія церковной и общественной жизни нашей родины . . . . .

Профессоръ **М. Красноженъ.**

Матеріалы для біографіи Е. А. Бѣлова.

Среди лицъ, посвятившихъ свои труды разработкѣ русской исторіи, есть одинъ труженикъ, который, хотя и не занималъ каѳедры въ университетѣ и вообще не былъ цеховымъ ученымъ, однако, въ своихъ статьяхъ проявилъ значительныя познанія и оригинальность направленія. Мы разумѣемъ извѣстнаго педагога Евгенія Александровича Бѣлова (род. 20 января 1826 г., † 2 ноября 1895 г.), автора большого курса русской исторіи, статей о значеніи русскаго боярства, о расколѣ и патріархѣ Никонѣ и др. Особеннымъ же признаніемъ знатоковъ пользуются его статьи о Грозномъ, о московскихъ смутахъ конца XVII в., о смерти царевича Дмитрія. Здѣсь Бѣловъ сильно уклоняется отъ обычнаго шаблона въ пониманіи лицъ и оцѣнкѣ историческихъ явленій и событій.

Единственнымъ сколько-нибудь полнымъ очеркомъ жизни названнаго нами историка желаетъ быть статья П. Л. Юдина въ журналѣ „Русская Старина“ за 1905 г., декабрь, стр. 489—512. Статья эта написана ея авторомъ отчасти по собственнымъ матеріаламъ, но, преимущественно, по документамъ, собраннымъ Г. Г. Дыбовымъ, по письмамъ: дочери историка, Евгеніи Евгеніевны Бѣловой, бывшаго директора саратовской гимназіи М. А. Лакомте, по разсказамъ В. А. Никольскаго и др.

Статья г. Юдина представляетъ кое-что интересное, но въ изложеніи своемъ въ разныхъ частяхъ въ отношеніи полноты вовсе неравномѣрна и страдаетъ значительными пробѣлами. Кромѣ того, многіе факты изъ біографіи Е. А. Бѣлова въ

этой статьѣ приведены и изложены совершенно неправильно и даже прямо невѣрно, какъ оказывается при повѣркѣ ихъ документами [1]).

Располагая различными архивными выписками къ біографіи Евгенія Александровича Бѣлова, а также письмомъ дочери его Евгеніи Евгеніевны Бѣловой отъ 15 января 1907 г., къ которой мы обращались за уясненіемъ нѣкоторыхъ неясныхъ для насъ вопросовъ, мы и рѣшились составить этотъ этюдъ, отчасти ради пополненія юдинской біографіи Бѣлова новыми данными, отчасти же для исправленія ошибокъ перваго біографа. Рамки нашего этюда не заходятъ такъ далеко, какъ очеркъ г. Юдина. Мы доводимъ нашего героя только до саратовскаго періода его жизни. Ради связности разсказа намъ приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользоваться чужими сообщеніями, введенными въ статью г. Юдина, хотя отвѣтственность за вѣрность ихъ мы оставляемъ на немъ и не беремъ на себя . . .

Евгеній Александровичъ Бѣловъ по мѣсту своего рожденія и первоначальнаго воспитанія былъ кореннымъ нижего-

---

1) Кромѣ того, въ соображеніе были нами приняты еще слѣдующія статьи того же автора въ „Историческомъ Вѣстникѣ“: „Н. И. Костомаровъ въ ссылкѣ“ (1905 г., IV), „Н. Г. Чернышевскій въ Саратовѣ“ (1905, X), „Мордовцевы въ Саратовѣ“ (1907, III) и въ „Русской Старинѣ“ (1905, III) „Изъ исторіи учебной реформы шестидесятыхъ годовъ“. Въ качествѣ общей характеристики юдинскихъ статей надобно отмѣтить ихъ хлесткость и большія претензіи, отнюдь не оправдываемыя малымъ образованіемъ автора; недостатокъ общаго, да и спеціальнаго литературнаго развитія нерѣдко сказывается въ цитированныхъ выше статьяхъ. Къ чужимъ литературнымъ указаніямъ г. Юдинъ весьма придирчивъ и постоянно пытается исправлять въ нихъ самыя мелочныя ошибки, хотя эти мнимыя „ошибки“ обыкновенно являются плодомъ его собственнаго невнимательнаго чтенія. За то, увѣряя, что его данныя „безусловно вѣрны“, г. Юдинъ наполняетъ свои этюды массою непровѣреннаго и подчасъ крайне сомнительнаго матеріала, почерпаемаго имъ даже отъ „прислугъ“ (см. стр. 884 въ статьѣ о Чернышевскомъ).

родцемъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ служили и его отецъ, Александръ Васильевичъ, и его дядя, Николай Васильевичъ Бѣловы, оба — изъ кантонистовъ, повидимому изъ солдатскихъ дѣтей, какъ предполагаетъ дочь историка. Отецъ историка, А. В. былъ женатъ на Евфросиніи Порфирьевнѣ Квашниной, дочери простого солдата, заслужившаго въ суворовскихъ походахъ офицерскій чинъ. Дабы стереть слѣды демократическаго происхожденія, молодую Квашнину воспитали, какъ барышню, въ корсетѣ и за пяльцами. Она не получила, однако, никакого образованія, ничего не могла дать и своему сыну, историку, который унаслѣдовалъ отъ нея только безсребренничество, безхарактерность и крайнюю вспыльчивость.

Родился Е. А. 20 января 1826 г. Въ метрическомъ его свидѣтельствѣ обозначено такъ: „Евгеній — сынъ нижегородскаго баталіона аудитора Александра Васильева Бѣлова, молитвованъ 21-го и крещенъ 24 генваря 1826 г.“ Отсюда слѣдуетъ еще и то, что обозначеніе рода службы отца Бѣлова у г. Юдина неправильно: отецъ Бѣлова былъ не военнымъ топографомъ, какъ онъ пишетъ, а военно-судебнымъ чиновникомъ, аудиторомъ. Въ такой же должности аудитора состоялъ и его братъ, дядя писателя, Николай Васильевичъ.

Аудиторъ А. В. Бѣловъ, по семейному преданію, былъ человѣкъ очень умный и любилъ читать, но воспитать своихъ дѣтей, Евгенія и еще другого сына, Николая, не успѣлъ, потому что умеръ рано, — когда будущему историку едва минуло девять лѣтъ. Съ его смертью дѣти остались на рукахъ матери и безъ всякаго руководства.

Въ судьбѣ мальчика Евгенія принялъ участіе названный выше дядя его по отцу, Николай Васильевичъ, который помѣстилъ племянника въ Нижнемъ же въ дворянскій пансіонъ, состоявшій при тамошней губернской гимназіи. Надо думать, что Е. А. поступилъ въ пансіонъ съ самаго его основанія. Нижегородскій благородный пансіонъ, объ учрежденіи котораго дворянство ходатайствовало еще съ самаго основанія гимна-

зіи, въ чемъ получило въ 1811 году отказъ, основанъ былъ въ 1836 году. До тѣхъ поръ предложена была петербургскимъ начальствомъ такая мѣра: „чтобы сдѣлать отличіе благороднымъ дѣтямъ, то во время ученія сажать ихъ особо на правой, а прочихъ (разночинцевъ) на лѣвой сторонѣ; до начатія же ученія, чтобы они не имѣли сообщенія, можно держать ихъ въ особыхъ классахъ". Дворяне жаловались на то, что де „дѣти крѣпостныхъ и разночинцевъ крайне непріятны, и на сидящихъ рядомъ съ ними дворянскихъ дѣтей переползаютъ извѣстныя насѣкомыя, столь обыкновенныя на дѣтяхъ низшихъ сословій." Е. А. Бѣловъ былъ отданъ своимъ дядею Николаемъ Васильевичемъ Бѣловымъ не къ этимъ ужаснымъ разночинцамъ, въ гимназію, а именно въ привиллегированный, дворянскій пансіонъ, состоявшій при гимназіи. Пансіонъ въ 1844 г. былъ преобразованъ въ Александровскій дворянскій институтъ, существующій и донынѣ. Но пребываніе Е. А. Бѣлова въ пансіонѣ среди „благородныхъ", какъ увидимъ ниже, не пошло ему на пользу.

Учился въ дворянскомъ пансіонѣ Е. А., какъ видно, неважно и по успѣхамъ, и по поведенію. Гимназія, хотя и считалась одною изъ лучшихъ въ округѣ, но въ общемъ ничѣмъ не отличалась отъ большинства тогдашнихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Учителя ничего не объясняли, задавали — даже математику — „до энтихъ", спрашивали, держась строго текста учебника, и исправно колотили и драли своихъ питомцевъ. По субботамъ директоръ производилъ гекатомбу, т. е. грандіозную поголовную порку всѣхъ имѣвшихъ въ спискѣ дурные баллы.[1])

Единственнымъ учителемъ, который, правда, самъ о томъ мало заботясь, производилъ на своихъ учениковъ большое впечатлѣніе и пробуждалъ въ нихъ особенный интересъ къ сво-

1) Эти субботы въ нашихъ школахъ были реминисценціею „субитокъ" старыхъ южнорусскихъ школъ, когда перепарывали всѣхъ учениковъ поголовно, и правыхъ, и виноватыхъ: это называлось „давать субитки."

ему предмету — исторіи, былъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, впослѣдствіи великій русскій беллетристъ, прославившійся подъ псевдонимомъ „Андрея Печерскаго“. Павелъ Ивановичъ мало занимался своею учительскою службой; его интересы были иные, и онъ тогда уже работалъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, собирая статистику, сотрудничая въ мѣстномъ органѣ, редактируя „Губернскія Вѣдомости“ и т. д. Но можно представить, какъ разсказывалъ онъ свои уроки, если мы знаемъ, что вообще, наравнѣ съ Н. С. Лѣсковымъ, Мельникова надобно въ русской литературѣ признать величайшимъ мастеромъ разсказа. Притомъ онъ охотно принималъ учениковъ у себя на дому и снабжалъ ихъ книгами, чѣмъ Бѣловъ и пользовался широко. Вообще въ несомнѣнную заслугу автору классическихъ хроникъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ надо поставить то, что онъ за сравнительно краткое время своей педагогической дѣятельности увлекъ къ наукѣ исторіи трехъ талантливыхъ юношей, имена которыхъ потомъ въ этой области прославились, Е. А. Бѣлова, К. Н. Бестужева-Рюмина и С. В. Ешевскаго. Первый поворотъ къ русской исторіи данъ былъ Бѣлову именно Мельниковымъ, и нѣкоторыя воззрѣнія учителя до конца дней отражались въ статьяхъ ученика, напр., симпатія къ Грозному, которую высказывалъ Мельниковъ и на урокахъ, и въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Самымъ значительнымъ событіемъ въ гимназической жизни Е. А. Бѣлова было, кажется, его сближеніе съ однимъ изъ названныхъ лицъ, а именно, съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, который шелъ въ гимназіи двумя классами ниже Бѣлова.

Это сближеніе показываетъ благородство натуры Бѣлова. По тогдашнему обычаю истязать новичковъ какой-то дубина изъ числа одноклассниковъ Бестужева, уже просидѣвшихъ безъ движенія нѣсколько лѣтъ, сталъ было колотить худенькаго и слабаго Константина Николаевича. Бѣловъ увидѣлъ это, пожалѣлъ новичка и запретилъ его бить. Но велико-

возрастный не повиновался приказу даже ученика старшаго класса. Тогда Бѣловъ здорово отдубасилъ самого обидчика и принудилъ его оставить новичка-пансіонера въ покоѣ. Такая заступа имѣла величайшую цѣнность при тогдашнихъ грубыхъ нравахъ, какъ видно, напр., изъ четвертаго „Очерка бурсы“ Н. Г. Помяловскаго, описывающаго подобный же случай заступы старшаго по отношенію къ нему самому („Карася“ защитилъ Силычъ отъ „Паникадила“, — „гнувшаго Карасю салазки“). Бѣловъ и Бестужевъ заключили между собою дружбу, продолжавшуюся всю ихъ жизнь. Встрѣтились они потомъ уже въ шестидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ, гдѣ Бестужевъ оказался очень полезнымъ Бѣлову, введя его въ литературно-научные кружки и посадивъ за ученую работу.

Передъ окончаніемъ курса съ Бѣловымъ стряслась бѣда. Онъ что то очень сильно напроказилъ. Въ чемъ состояла самая эта проказа, мы не знаемъ, не знаетъ и его дочь, слышавшая, впрочемъ, что къ Бѣлову сталъ сильно придираться одинъ изъ преподавателей, послѣ того, какъ мать Бѣлова его нѣсколько обидѣла. Стоитъ ли это въ связи съ постигшею нашего героя бѣдою, мы тоже не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, проказа Бѣлова выходила, очевидно, изъ ряду вонъ, потому что для наказанія его не удовольствовались обычною тогда панацеею — поркой, но исключили его. При системѣ тѣлесныхъ наказаній исключеніе было наказаніемъ чрезвычайно рѣдкимъ. Поэтому г. Юдинъ неправильно сообщаетъ, будто бы Е. А. Бѣловъ окончилъ Нижегородскую гимназію шестнадцати лѣтъ отъ роду въ 1842 г. Онъ былъ исключенъ изъ нея въ 1841 году, какъ видно изъ слѣдующей помѣтки на его метрическомъ свидѣтельствѣ: „На основаніи правилъ относительно учениковъ гимназіи, исключенныхъ за дурное поведеніе, утвержденныхъ г. Министромъ народнаго просвѣщенія 19 мая 1836 г., учинена сія надпись въ томъ, что значущійся въ семъ свидѣтельствѣ Евгеній Бѣловъ, бывшій воспитанникъ нижегородскаго благороднаго пансіона и ученикъ VI класса

нижегородской гимназіи, исключенъ изъ сихъ заведеній за дурное поведеніе. Нижній Новгородъ, февраля 24 дня 1841 г. Директоръ училищъ Нижегородской губерніи Михаилъ Грацинскій.“ Это тотъ М. Ф. Грацинскій, который вскорѣ послѣ того и самъ былъ удаленъ отъ должности директора и жилъ въ Нижнемъ, почти нищенствуя, потому что ему приходилось уплачивать изъ скуднаго своего пенсіона большой начетъ за разваливавшееся зданіе гимназіи. Ранѣе онъ что то преподавалъ въ Казанскомъ университетѣ, и старинная студенческая пѣсня воспѣваетъ его: „Вотъ Грацинскій Мишка съ шишкой“.[1])

Въ 1842 году семья Бѣловыхъ перебралась изъ Нижняго въ Казань. Дядя, не оставлявшій Бѣловыхъ и ранѣе своею помощью, не прекратилъ помощи имъ и въ Казани. Г. Юдинъ сообщаетъ, что Е. А. Бѣловъ въ Казани съ матерью и съ братомъ Николаемъ поселился въ одной изъ Горшечныхъ улицъ, неизвѣстно, на Старой или Новой Горшечной. Въ то время, въ началѣ сороковыхъ годовъ, да и позже, въ концѣ пятидесятыхъ[2]) Горшечною называлась, собственно говоря, только одна улица, именно та, которая теперь именуется Старо - Горшечною; и на ней - то, надо думать, и жило семейство Бѣловыхъ.

Е. А. Бѣловъ намѣревался, очевидно, какъ-нибудь пристроиться къ университету. Брата Николая Александровича, по скудости средствъ не получившаго никакого образованія, прихватили съ собою съ цѣлью опредѣлить его въ Казани на царскую службу. Послуживъ въ какомъ-то казенномъ учрежденіи въ Казани, Николай Александровичъ переѣхалъ потомъ въ Нижній, на родину, выгодно женился, купилъ домъ и долгое время былъ гласнымъ городской думы. Евгеній же Александровичъ попалъ таки въ университетъ.

Нѣкоторые документы о поступленіи Бѣлова въ казан-

---

1) Мелодію и слова пѣсни можно видѣть у А. П. Аристова, въ его сборникѣ казанскихъ студенческихъ пѣсенъ, стр. 16.

2) См. книгу Н. Я. Аристова, Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ, стр. 42.

скій университетъ и объ его ученіи тамъ мы приведемъ ниже особо. Теперь же отмѣтимъ только, что Бѣловъ состоялъ студентомъ казанскаго университета съ 20 августа 1842 г. до 18 апрѣля 1844 г. и съ 12 сентября 1844 г. до 2 іюня 1849 г. (въ званіи дѣйствительнаго студента до 17 сентября 1849 г.), а стало быть, окончилъ курсъ въ университетѣ не черезъ пять[1]) лѣтъ по вступленіи, а черезъ семь лѣтъ. Его младшій товарищъ по гимназіи, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ некрологѣ Бѣлова („Журналъ Министерства Народнаго просвѣщенія“, т. 302, за 1895 г., декабрь, Современная лѣтопись, стр. 103) объясняетъ этотъ перерывъ въ его университетскихъ занятіяхъ тѣмъ, что „домашнія обстоятельства (?) вызвали Бѣлова въ Нижній.“ Г. Юдинъ предполагаетъ, что онъ былъ либо замѣшанъ въ одномъ изъ студенческихъ волненій, вынудившихъ его покинуть на время Казань, либо скудныя средства родныхъ его помѣшали безпрерывному прохожденію курса. Студенческихъ волненій въ сороковыхъ годахъ еще не бывало, и тогдашніе люди даже и не воображали такія вещи возможными въ Россіи. Второе предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ.

Приведемъ теперь нѣкоторые архивные документы. Въ университетъ Бѣловъ поступилъ волонтеромъ, по вступительному экзамену. Въ августѣ 1842 г. „оберъ-офицерскій сынъ“ Е. А. Бѣловъ подалъ слѣдующее прошеніе ректору казанскаго университета, знаменитому геометру Николаю Ивановичу Лобачевскому, который тогда занималъ это мѣсто.

„Послѣ смерти покойнаго родителя моего, Нижегородскаго внутренняго гарнизоннаго баталіона аудитора 9-го класса Александра Васильева Бѣлова, оставшись въ сиротствѣ и въ крайней бѣдности, не имѣвъ еще и десяти лѣтъ отъ роду, я впослѣдствіи, по вниманію благодѣтельнаго правительства, помѣщенъ былъ въ Нижегородскій Благородный Пансіонъ при

1) Какъ указываетъ г. Юдинъ.

гимназіи, въ которой обучался со стараніемъ и успѣхами; но 24 февраля 1841 г., оканчивая уже курсъ въ VI-мъ классѣ, имѣлъ несчастіе быть выключеннымъ за шалость. Между тѣмъ, узнавъ всю цѣну образованія, я и въ самомъ исключеніи, безъ посторонняго пособія, старался успѣть въ окончаніи курса наукъ гимназическихъ, въ которыхъ съ Божіею помощію надѣюсь теперь выдержать испытаніе. А потому пріемлю смѣлость покорнѣйше просить распоряженія Вашего Превосходительства объ испытаніи и объ опредѣленіи меня въ студенты Казанскаго университета по факультету восточной [1]) словесности, если же почему-либо нельзя удовлетворить моей покорнѣйшей просьбы, то удостоить принять меня на одинъ годъ для удостовѣренія въ моей нравственности, хотя вольнымъ слушателемъ. При семъ представляю свидѣтельство: 1) о рожденіи и крещеніи, 2) свидѣтельство о здоровьѣ моемъ и о томъ, что на мнѣ была оспа прививная, 3) копію съ формулярнаго списка о службѣ родителя моего; а свидѣтельство о хорошемъ моемъ поведеніи послѣ выключки изъ гимназіи я обязываюсь представить въ этомъ же мѣсяцѣ.“

Н. И. Лобачевскій, „Воображаемая Геометрія“ котораго пользуется теперь такою славой, былъ человѣкъ весьма жестокій и притомъ же алкоголикъ [2]), подвергавшій въ уни-

---

1) Кажется, эта восточная словесность была только уловкою. Охотниковъ изучать оріенталистику находилось немного, а потому можно было съ бо̀льшимъ вѣроятіемъ разсчитывать на пріемъ по этому малопосѣщаемому факультету. При первой же возможности, всего черезъ мѣсяцъ Бѣловъ перечисляется на общесловесное отдѣленіе философскаго факультета.

2) Объ алкоголизмѣ его поетъ та же старая студенческая пѣсня: „Лобачевскій съ важнымъ тономъ, запивая сельди ромомъ, громко хохоталъ“ etc. Въ молодости пьянство и буйство его не разъ доводило до края гибели: ему грозило исключеніе изъ университета и даже еще худшая участь. Несомнѣнно, что натура Лобачевскаго была неуравновѣшенная и съ сильными задатками психическаго разстройства. Жестокость лежала у Лобачевскихъ въ крови. Невыносимымъ варваромъ былъ и братъ его, Алексѣй Ивановичъ, о которомъ Н. Я. Агафоновъ въ статьѣ: „Какъ добились себѣ

верситетѣ чужихъ, мастеровыхъ людей пыткамъ, истязаніямъ, и лично своею геометрическою рукою колотившій въ присутствіи передъ зерцаломъ по зубамъ подрядчиковъ на торгахъ въ правленіи университета.[1]) На его милость и снисхожденіе расчитывать было трудно. Но, то-ли на него нашелъ добрый стихъ, то-ли его всетаки тронула энергія юноши и его горемычное положеніе, — была положена ректорская резолюція на прошеніи Бѣлова такая: „допустить и свидѣтельство о поведеніи вытребовать, безъ чего онъ не можетъ быть при-

воли казанскіе суконщики“ (сборникъ „Первый шагъ“, стр. 427—428) пишетъ вотъ что: „Съ 1827—1837 г. суконная фабрика находилась въ десятилѣтнемъ содержаніи у А. И. Лобачевскаго. Это десятилѣтіе было самымъ невыносимымъ временемъ для суконщиковъ. Арендаторъ имѣлъ крутой и необузданный нравъ и притѣснялъ рабочихъ чрезмѣрною строгостію. Рабочіе за каждый прогульный день подвергались штрафамъ; за самовольную отлучку съ фабрики во время работъ и за нѣкоторые другіе, иногда очень незначительные проступки имъ надѣвали на голову желѣзные рога. Это было кольцо изъ шиннаго желѣза съ тремя вертикально прикрѣпленными къ нему рогообразными отводами, такъ что удостоившійся имѣть дѣло съ этимъ средневѣковымъ головнымъ уборомъ, кромѣ жестокой боли, лишался возможности спать. Ножныя деревянныя колодки и даже кандалы были вещью обыденною и составляли для суконщиковъ плевое дѣло. Лобачевскій окружилъ себя такими же суровыми людьми, какимъ былъ и самъ. Шпіонство при Лобачевскомъ усилилось до громадныхъ размѣровъ“. О другихъ изобрѣтателяхъ въ подобной области см. мою книгу „Дѣла и люди“, особенно стр. 37. Ректоръ Лобачевскій примѣнялъ въ университетѣ особый пыточный стулъ. Извѣстный другъ Грановскаго Я. М. Невѣровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о крѣпостномъ правѣ („Русская Старина“, т. 40, 1883 г. ноябрь, стр. 439) такъ описываетъ эту машину „стулъ“: „На шею надѣвался широкій желѣзный ошейникъ, запиравшійся на замокъ; къ ошейнику прикрѣплялась небольшая желѣзная цѣпь, оканчивавшаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что, хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усиліемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое, но по большей части это дѣлалось не иначе, какъ съ стороннею помощью; вверхъ ошейника торчали желѣзныя спицы, которыя препятствовали наклону головы, такъ что несчастный долженъ быть сидѣть неподвижно.“ Эта машина была въ многихъ помѣщичьихъ домахъ и считалась орудіемъ домашней дисциплины. Сажали въ стулъ иногда на мѣсяцъ . . . .

1) См. статью „Изъ прошлаго казанскаго университета“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ т. 86, сентябрь 1900 г.

нятъ.“ Свидѣтельство о благонравіи Бѣлова было выдано за № 590 за подписомъ нижегородскаго градского главы и печатью Сиротскаго суда. Бѣловъ былъ принятъ въ казанскій университетъ вольнослушателемъ, а 23 сентября 1842 г. былъ по его прошенію переведенъ изъ разряда восточной словесности на разрядъ общей словесности, по 1-му отдѣленію философскаго факультета. Наконецъ 30 сентября того же 1842 г. послѣ донесенія инспектора студентовъ о хорошемъ поведеніи Бѣловъ былъ по распоряженію попечителя принятъ въ число своекоштныхъ студентовъ.

Въ 1844 г. Бѣловъ выбылъ изъ Казанскаго университета, уѣхалъ въ Нижній, а оттуда хотѣлъ-было перейти въ Московскій университетъ. 18 апрѣля 1844 г. онъ былъ отчисленъ изъ университета, а 14 іюня того же года философскій факультетъ давалъ въ правленіе справку объ успѣхахъ Бѣлова, какіе онъ оказалъ при переходѣ изъ перваго во второй курсъ въ $184^{2}/_{3}$ учебномъ году. Отличныя отмѣтки (5) выставлены по исторіи, по церковно-библейской исторіи и исторіи литературы; хорошія отмѣтки (4) имѣются по логикѣ и психологіи и по французскому языку. По языкамъ латинскому и нѣмецкому и по теоріи краснорѣчія баллы — достаточные (3), а по греческому языку — и тогда уже, какъ и послѣ, баллъ средственный — 2! Очевидно, греческій языкъ Бѣловъ зналъ вообще очень плохо. Находясь во второмъ курсѣ, онъ посѣщалъ, какъ видно изъ справки, лекціи только въ первое полугодіе и ни на репетиціяхъ, ни на экзаменахъ не былъ.

26 іюля 1844 г. Бѣловъ опять подалъ прошеніе о томъ, что, имѣя желаніе перейти въ Московскій университетъ, онъ просилъ казанскаго попечителя объ увольненіи, но перемѣнившіяся обстоятельства понуждаютъ его утруждать просьбою о дозволеніи снова вступить въ число студентовъ на второй курсъ. Прошеніе Бѣлова было уважено, и его снова приняли въ университетъ, оставивъ его на второмъ курсѣ на повторительный годъ. На прохожденіе предстоявшихъ ему еще

трехъ курсовъ Бѣловъ употребилъ пять лѣтъ, оставаясь и на каждомъ послѣдующемъ курсѣ по два года.

Остановимся на тѣхъ профессорахъ, лекціи которыхъ произвели особенное впечатлѣніе на Бѣлова во время прохожденія имъ университетскаго курса. Кромѣ К. К. Фойгта [1]), у котораго Бѣловъ слушалъ русскую словесность, и латиниста Н. М. Благовѣщенскаго[2]), особенно благотворное вліяніе г. Юдинъ, вслѣдъ за Н. И. Карѣевымъ, приписываетъ профессору философіи Мейеру, который былъ извѣстенъ проповѣдью началъ гуманности, и о которомъ Бѣловъ всегда де вспоминалъ съ благоговѣніемъ, будучи обязанъ ему, по собственному признанію, первоначальными своими научными и общественными воззрѣніями. О знаменитомъ Мейерѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ, столь вліявшій на Бѣлова, никогда не былъ профессоромъ философіи, и вообще не принадлежалъ къ числу профессоровъ историко-филологическаго факультета. Д. И. Мейеръ былъ юристъ, занималъ каѳедру гражданскихъ законовъ, и Бѣловъ могъ посѣщать его лекціи въ Казанскомъ университетѣ только приватно, по собственной охотѣ, какъ чужакъ. Мейеръ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ 15 февраля 1845 г., на должность и. д. адъюнкта и прибылъ въ Казань 14 апрѣля этого года. Въ Казани Мейеръ получилъ ученыя степени магистра (въ 1846 г.) и доктора (въ 1848 г.) и званія экстраординарнаго (съ 1848 г.) и ординарнаго профессора (съ 1852 г.). Временно по порученію факультета Мейеръ преподавалъ еще энциклопедію права, дипломатію, общенародное право и исторію

1) К. К. Фойгтъ, сынъ перваго профессора философіи въ казанскомъ университетѣ, иностранца Карла Фойгта (о немъ см. мою книгу „Дѣла и люди"),былъ потомъ ректоромъ Харьковскаго университета, попечителемъ харьковскаго учебнаго округа, предсѣдателемъ ученаго комитета, членомъ совѣта м. н. пр.

2) Потомъ профессоръ въ Петербургскомъ университетѣ, ректоръ Варшавскаго университета, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Благовѣщенскій до конца дней поддерживалъ сношенія со своимъ талантливымъ ученикомъ.

русскаго права. Въ 1853 г. Мейеръ занялъ должность декана своего факультета. Въ Казани онъ оставался до 1855 г., когда былъ перемѣщенъ по той же каѳедрѣ въ Петербургскій университетъ. Труды Мейера по русскому гражданскому праву считаются классическими до сихъ поръ, и все еще переиздаются (послѣднее изданіе этого курса, первоначально возстановленнаго послѣ смерти автора по студенческимъ записямъ А. И. Вицынымъ въ 1858 г., вышло — VIII-е — въ 1902 г. съ дополненіями А. Х. Гольмстена). По переѣздѣ въ Петербургъ 18 января 1856 года Мейеръ скончался. Въ своихъ устныхъ лекціяхъ съ большимъ мужествомъ для того времени Мейеръ громилъ крѣпостное право, взяточничество чиновниковъ[1]), различіе въ правахъ

1) В. Н. Назарьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ „Люди былого времени“ („Историческій Вѣстникъ“, т. 42, декабрь 1900 г., стр. 719) сохранилъ для насъ слова его прощальной лекціи въ Казанскомъ университетѣ: „Предчувствіе не обманываетъ меня, я вѣрю въ близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, въ комъ есть человѣческое сердце, невольно сознаетъ всю нелѣпость крѣпостного права . . . Для васъ должно быть ясно, что крѣпостнымъ необходимо дать свободу, но одного сознанія и чувства еще мало, — на васъ, на васъ первыхъ, лежитъ обязанность облегчить участь вашихъ крѣпостныхъ... вы первые должны стать въ ряды ихъ защитниковъ . . . Существуетъ другая язва, позорящая русскую жизнь, это — взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудіемъ . . . Мало одного пассивнаго отношенія ко злу, вы обязаны бороться съ нимъ на каждомъ шагу, въ каждый моментъ вашей жизни, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями.“ Болѣе всего врѣзались въ моей памяти воспоминанія Мейера, говоритъ Назарьевъ (стр. 717), объ Остзейскомъ краѣ и раздраженіе, съ которымъ онъ говорилъ о жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвалившихся избушекъ рядомъ съ грандіозными замками бароновъ. Обладая рѣдкимъ въ то время чутьемъ Мейеръ ясно видѣлъ отрицательныя, вѣками выращенныя стороны русской жизни и не мирился съ ними. Такой искренній, правдивый, впервые встрѣченный протестъ открывалъ глаза на многое, что не замѣчалось до того времени, и я уходилъ домой, подавленный массой новыхъ, никогда не приходившихъ въ голову мыслей и вопросовъ.“ Студенты, столь увлекавшіеся лекціями Мейера, впрочемъ, не замедлили отблагодарить его по свойски, а именно явились на его экзамены съ поддѣльными билетами . . . .

по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Самъ онъ былъ незнатнаго происхожденія, сынъ придворнаго музыканта. Замѣчательно еще, что Мейеръ особенно заботился объ устройствѣ практическихъ занятій, или особой „юридической клиники“, гдѣ, подобно римскому юристу, давалъ въ присутствіи учениковъ консультаціи всѣмъ желающимъ. Въ Петербургѣ Мейеръ, больной, изнуренный, безвозмездно бралъ на себя ходатайство по интересовавшимъ его гражданскимъ процессамъ. Его квартиру то и дѣло осаждали люди всѣхъ сословій съ неотступными просьбами совѣта, и ему не разъ приходилось просиживать цѣлыя ночи за разборомъ тяжебныхъ дѣлъ и писаніемъ просьбъ и докладныхъ записокъ. Озабоченный успѣхомъ одного особенно интересовавшаго его и вопіющаго гражданскаго дѣла, Мейеръ, вопреки настойчивыхъ требованій врача, собралъ послѣднія силы и отправился въ Сенатъ, чтобы присутствовать при докладѣ, а возвратившись, слегъ въ постель, чтобы не покидать ее до самой кончины. Хорошіе люди, по народной поговоркѣ, Богу самому надобны.

У Мейера Бѣловъ набирался высшихъ чувствъ и правильныхъ взглядовъ на русскую дѣйствительность. Впрочемъ, по сообщенію г. Юдина, Бѣловъ студентомъ былъ юноша очень безпечный и нисколько не заглядывавшій въ будущее. Онъ любилъ повеселиться, попировать, почитать, поспорить горячо о прочтенномъ (эта черта осталась за нимъ на всю жизнь), но долго, серьезно, усидчиво онъ не могъ еще заниматься науками. При своихъ блестящихъ способностяхъ онъ успѣвалъ лишь по нѣкоторымъ особенно интересовавшимъ его предметамъ и у особенно любимыхъ профессоровъ. Главнымъ его любимцемъ-спеціалистомъ была натура въ общемъ загадочная, проф. русской исторіи Н. А. Ивановъ, авторъ классической книги о хронографахъ.

О своемъ учителѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Ивановѣ Бѣловъ вспоминаетъ въ статьѣ „Къ исторіи русскаго просвѣщенія“ въ журналѣ „Древняя и новая Россія“ за 1877 г.,

II, № 7, стр. 274—276. Бѣловъ слушалъ у него не только русскую, но и всеобщую исторію, а такъ же исторію философіи, философію исторіи и исторіоматію. Бѣловъ замѣчаетъ о личности Иванова: „Его тяжелый характеръ много создалъ ему враговъ, много принесъ ему бѣды и горя при жизни, и мнѣ нѣтъ охоты говорить объ этомъ предметѣ.“ Ивановъ, воспитанникъ казанскаго университета и дерптскаго профессорскаго института, профессорствовалъ сначала въ Казани, потомъ въ Дерптѣ. Алкоголизмъ и неудачный бракъ погубили этого даровитаго и много обѣщавшаго ученаго. Онъ потерялъ каѳедру въ Дерптѣ, попалъ въ учителя въ Митаву, былъ, благодаря помощи профессора А. А. Котляревскаго, выбранъ опять въ Дерптскій университетъ при каѳедрѣ Котляревскаго въ доценты русскаго языка, но, не вступая въ эту должность, померъ гдѣ-то подъ заборомъ. Ивановъ былъ не только тяжелый, но и нехорошій, злой человѣкъ. Онъ хладнокровно вредилъ и студентамъ, и молодымъ ученымъ, какъ напр., В. И. Григоровичу, П. И. Мельникову и др. Живучи въ Дерптѣ, еще въ качествѣ профессоранта, онъ сблизился съ пресловутымъ Ѳаддеемъ Булгаринымъ и поступилъ въ партію „Сѣверной Пчелы“. По порученію Булгарина и Греча онъ писалъ въ нѣмецкія газеты, браня недруговъ „Пчелы“ и обругалъ, между прочими, Гоголя, Шевырева, Мельгунова. Вмѣстѣ съ Булгаринымъ онъ написалъ сочиненіе „Россія“, гдѣ Ивановъ принялъ на себя обработку статистической части. Позднѣе, не безъ участія самого же Иванова, возникла нѣкая грязная басня, въ которую вѣрили и Котляревскій (въ некрологѣ Иванова), и Бестужевъ-Рюминъ. Послѣдній въ своемъ некрологѣ Бѣлова пишетъ (стр. 102): „Лучшее произведеніе Иванова вышло подъ чужимъ именемъ“. Басню о мнимомъ плагіатѣ Булгаринымъ Ивановской книги разоблачилъ пишущій эти строки въ своей книгѣ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи“, т. II. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Ивановъ былъ человѣкъ очень широко образованный, знавшій хорошо фило-

годы въ Саратовѣ случайно оказалось довольно много образованныхъ и даровитыхъ молодыхъ людей. Въ кругъ этихъ людей и попалъ Бѣловъ, въ ихъ обществѣ онъ окончательно сформировался, и благодаря имъ, саратовскій періодъ жизни Бѣлова сталъ въ его воспоминаніяхъ свѣтлымъ и дорогимъ.

Остановимся сначала на обстоятельствахъ служебной и семейной жизни Е. А. Бѣлова. Въ Саратовѣ служилъ онъ до переѣзда въ Петербургъ, до 5 декабря 1864 г., всего болѣе двѣнадцати лѣтъ, — подъ конецъ въ должности инспектора классовъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; отъ гимназіи онъ отчислился еще 6 мая 1859 г. Въ гимназіи Бѣлову какъ то не повезло: онъ не сошелся съ начальствующими лицами гимназіи, двумя нѣмцами, директоромъ и инспекторомъ.

„Суровый нѣмецъ", Андрей Андреевичъ Мейеръ, директоръ Саратовской гимназіи и „желчный педантъ", Эрихъ Христіановичъ Ангерманъ, инспекторъ той же гимназіи, режимомъ которыхъ очень тяготились преподаватели гимназіи Н. Г. Чернышевскій и Е. А. Бѣловъ, вовсе не были питомцами Казанскаго университета въ пору „блаженной памяти стяжавшаго себѣ печальную извѣстность Магницкаго", какъ полагаетъ г. Юдинъ. Мейеръ учился въ Казанскомъ университетѣ съ 1833—1837 г., когда духомъ Магницкаго въ Казани уже и не пахло, а Ангерманъ съ 1839 г. по 1843 г., т. е. даже былъ старшимъ товарищемъ Бѣлова по университету.

Мейеръ былъ классикъ-филологъ, а Ангерманъ математикъ, оба кандидаты. Учениковъ, да отчасти и учителей они держали въ ежовыхъ рукавицахъ. Относились они къ Бѣлову лично, кажется, не вполнѣ доброжелательно. Серьезныхъ столкновеній съ директоромъ онъ не имѣлъ, но не былъ съ

общественнаго садика; не было растительности и вокругъ зданій и домовъ горожанъ. Низменная мѣстность, обиліе болотъ и овраговъ вокругъ города способствовали развитію разныхъ болѣзней, какъ напр., intermittens. Саратовъ, какъ и теперь, славился своимъ нездоровымъ климатомъ.

нимъ и въ дружбѣ, поддерживая только оффиціальныя отношенія.[1])

Ненормальность положенія дѣлала Бѣлову гимназію постылою, и это отзывалось, къ сожалѣнію, даже и на его преподаваніи тамъ. Онъ мало интересовался преподаваніемъ своего предмета — географіи и подолгу молча ходилъ изъ угла въ уголъ по классу.

Среди сослуживцевъ своихъ, преподавателей, Бѣловъ имѣлъ одного незауряднаго человѣка, котораго онъ зналъ еще въ университетѣ въ студенческую пору, съ которымъ онъ служилъ потомъ, правда, не въ одномъ учебномъ заведеніи, но въ одномъ городѣ — Пензѣ, и съ которымъ въ Саратовѣ ему пришлось даже скоро породниться. Это былъ учитель русской словесности при той же Саратовской гимназіи В. Г. Варенцовъ. Съ Варенцовымъ Бѣловъ былъ очень близокъ, и дружба ихъ длилась вплоть до самой смерти Виктора Гавриловича.

О Варенцовѣ есть мой біографическій очеркъ въ „Русской Старинѣ“ за 1903 г. (декабрьская книжка), а потому я не стану здѣсь о немъ распространяться. Человѣкъ возвышенной и добрѣйшей души, прекрасный педагогъ, Варенцовъ впослѣдствіи по указанію его учителя В. И. Григоровича получилъ мѣсто адъюнкта русской словесности при Казанскомъ университетѣ, издалъ два сборника русской народной поэзіи, занималъ потомъ директорскія мѣста въ разныхъ городахъ, былъ подъ конецъ окружнымъ инспекторомъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ и умеръ сравнительно въ нестаромъ возрастѣ отъ водянки.

Въ Саратовскую гимназію Варенцовъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ русской словесности съ перемѣщеніемъ

1) Шпіонство и розги процвѣтали въ гимназіи при Мейерѣ. Мейеръ и самъ расправлялся съ учениками, дралъ ихъ за уши и давалъ по шеѣ. Въ маѣ 1862 г., какъ сообщаетъ г. Юдинъ, ученикъ Катинъ-Ярцевъ ударилъ директора по лицу, результатомъ чего явился судебный процессъ и причисленіе Мейера къ министерству.

изъ Пензы, какъ и Бѣловъ, — 20 декабря 1852 г. по прошенію. Его товарищемъ по каѳедрѣ въ Саратовѣ былъ человѣкъ, получившій потомъ громкую извѣстность, несмотря на запретъ его имени[1]), Н. Г. Чернышевскій.

Въ 1854 г. Бѣловъ получилъ еще мѣсто учителя географіи, а потомъ и исторіи въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ начальницей была О. И. Швенцонъ, которую потомъ замѣнила Л. К. Эрнстъ, урожденная Конради. Въ этомъ институтѣ съ 1 мая 1859 г. Бѣловъ былъ инспекторомъ классовъ. Въ томъ же 1854 г. Бѣловъ сталъ давать уроки исторіи въ частномъ дѣвичьемъ пансіонѣ Флеммъ, что́ сталъ потомъ гимназіею Ульрихъ. Въ числѣ воспитанницъ этого пансіона были двѣ нѣмки, сестры Марпургъ, на которыхъ потомъ женились Варенцовъ и Бѣловъ.

Готхардъ Алексисъ Марпургъ, тесть Е. А. Бѣлова по его второй женѣ, Матильдѣ Алексѣевнѣ, — и В. Г. Варенцова, такъ же по второй его женѣ, Бертѣ Алексѣевнѣ, былъ родомъ изъ Лифляндіи, учился въ Дерптскомъ университетѣ на теологическомъ факультетѣ (№ матрикула 2661) съ 1829 по 1835 годъ, окончилъ курсъ со званіемъ дѣйствительнаго студента и занималъ мѣсто пастора въ селѣ Олешно Саратовской губерніи.

Въ пансіонѣ Бѣловъ преподавалъ не такъ, какъ въ гимназіи. Уроки его превращались въ лекціи, и воспитанницы заслушивались молодого учителя. Лекціи Бѣлова помнились его ученицамъ спустя много лѣтъ, напр., лекціи о реформаціонной дѣятельности Лютера. Матильда Алексѣевна Марпургъ, на которую лекціи Бѣлова производили особенное впечатлѣніе, по окончаніи курса въ 1857 г. осталась при

1) Даже студенты, въ своей пѣснѣ „Золотыхъ нашихъ дней“ прибавившіе одинъ куплетъ въ его честь, не называли его по имени:

Выпьемъ мы за того,
Кто „Что дѣлать“ писалъ,
За героевъ его,
За его идеалъ!

пансіонѣ классною дамой, и знакомство ея съ Бѣловымъ окрѣпло. Въ это время умерла жена Бѣлова. До этого еще овдовѣлъ и Варенцовъ: 14 октября 1856 г. умерла родами его первая жена, Евдокія Дороѳеевна, урожденная Ардашева, дочь пермскаго инспектора врачебной управы. Оба вдовца были потрясены своими утратами. Потомъ стали они утѣшаться понемногу. Первымъ увлекся Е. А. Бѣловъ. Въ августѣ 1857 г. состоялась его свадьба съ Матильдою Алексѣевною, а 16 августа 1859 г., черезъ два года женился на ея сестрѣ Бертѣ Алексѣевнѣ Варенцовъ.

Корсаковъ („Литературный Сборникъ „Волжскаго Вѣстника“ за 1898 г., стр. 348) сообщаетъ слѣдующее: „Варенцовъ, будучи уже профессоромъ, женился и бывалъ у насъ съ женой. Разница въ годахъ и въ наружности между ними была очень значительна: мужу было лѣтъ за сорокъ[1]), женѣ лѣтъ семнадцать; она была маленькаго роста, голубоглазая блондинка, типичная представительница сентиментальной нѣмки“.

Оба брака имѣли одинаковую судьбу: и Бѣловъ, и Варенцовъ разъѣхались со своими супругами. По сообщенію г. Юдина (стр. 503 и 506) осенью 1865 г. жена Бѣлова съ дочерью отъ перваго брака пріѣхали въ Петербургъ, а уже въ 1867 г. Бѣловъ поселился съ одиннадцатилѣтнею дочерью отдѣльно отъ жены[2]).

---

1) Корсаковъ ошибается здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ своихъ мемуаровъ: Варенцову шелъ тогда всего тридцать четвертый годъ, а не было за сорокъ! См. статью К. Н. Бестужева-Рюмина въ „Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія“, декабрь 1895 г. т. 325, стр. 158.

2) По смерти В. Г. Варенцова его супруга вышла замужъ за А. А. Рихтера. Судьба послѣдняго, какъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ Пантелѣевъ (стр. 327), была замѣчательная. Авторъ мемуаровъ передавалъ Рихтеру прокламаціи по тайному обществу „Земли и воли“. Съ осени 1861 г. до конца 1862 г. Рихтеръ служилъ мировымъ посредникомъ въ Самарской губерніи, гдѣ съ 1860 г. Варенцовъ былъ директоромъ училищъ. Въ концѣ 1862 г. Рихтеръ, вернувшись въ Петербургъ, управлялъ книжнымъ магазиномъ извѣстнаго Серно-Соловьевича, гдѣ библіотекаршею слу-

софію. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ дерптскаго профессорскаго института. Но въ литературномъ отношеніи Ивановъ остался малопродуктивнымъ; какія-то загадочныя причины мѣшали ему развернуть свой несомнѣнный талантъ. Для полноты отмѣтимъ еще, что Ивановъ былъ горячимъ націоналистомъ, представителемъ такъ называемой „оффиціальной народности“.

Къ молодому Бѣлову, быть можетъ, и отчасти, какъ къ своему земляку-нижегородцу, Н. А. Ивановъ отнесся благожелательно. Получивъ вкусъ и интересъ къ исторіи еще въ гимназіи на урокахъ Мельникова, Бѣловъ съ увлеченіемъ занялся русскою исторіею и привлекъ на себя вниманіе угрюмаго и злобнаго своего учителя. Ивановъ прочилъ своего земляка Бѣлова даже къ оставленію при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Этому помѣшала, однако, двойка, полученная Бѣловымъ на выпускномъ экзаменѣ изъ греческаго языка у профессора-иностранца Фатера.

Узнавъ отъ Бѣлова о его неудачѣ, Ивановъ настолько раздосадовался, что съ размаха швырнулъ бывшій у него въ рукахъ кулекъ съ провизіей — и такъ сильно, что тотъ перелетѣлъ на другой конецъ комнаты.

Объ ученой карьерѣ Бѣлову нечего было уже и думать, потому что его выпустили только второю степенью, дѣйствительнымъ студентомъ. Правда, былъ еще исходъ: въ слѣдующемъ году передерживать экзаменъ на кандидата въ качествѣ экстерна. Но Бѣловъ не рѣшился на это повтореніе экзамена, боясь, очевидно, что Фатеръ все равно не пропуститъ его, не поставитъ требующейся четверки или пятерки — тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, Бѣловъ зналъ по гречески, кажется, и въ самомъ дѣлѣ плоховато.

О Фатерѣ, погубившемъ профессорскую карьеру Бѣлова, тоже сто́итъ сказать нѣсколько словъ.

Профессоръ греческаго языка, Фридрихъ Фатеръ[1]),

1) О немъ см. мои книжки „Изъ переписки барона Александра Гумбольдта“ и „Борисъ Ивановичъ Ордынскій“.

своею двойкою испортившій Бѣлову всю жизнь (Бѣловъ былъ въ жизни вообще неудачникъ и свое настоящее мѣсто могъ бы, очевидно, найти лишь на каѳедрѣ), былъ видный ученый-филологъ. Заграничный нѣмецъ, получившій по протекціи Александра Гумбольдта и попечителя казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, въ очень юныхъ годахъ, и не имѣя еще даже и заграничной степени доктора, прямо каѳедру въ Казанскомъ университетѣ со званіемъ ординарнаго профессора, онъ прославилъ себя рядомъ ученыхъ трудовъ, но оказался вреднымъ въ университетѣ по своему чрезвычайному нѣмецкому націонализму. Фатеръ ненавидѣлъ всѣхъ русскихъ, считая ихъ за существа низшей сравнительно съ германцами расы; опираясь на многочисленную тогда еще въ Казанскомъ университетскомъ совѣтѣ профессоровъ-нѣмцевъ, онъ, какъ главарь нѣмецкой партіи, велъ ожесточенную борьбу противъ русскихъ профессоровъ и студентовъ. Ивановъ же былъ вмѣстѣ со знаменитымъ потомъ химикомъ, академикомъ Н. Н. Зининымъ, однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей русской партіи, и двойка, поставленная Фатеромъ его любимому ученику и предполагаемому преемнику, Бѣлову, помимо слабыхъ знаній послѣдняго, могла быть и однимъ изъ эпизодовъ борьбы двухъ университетскихъ партій. Впрочемъ, Фатеръ былъ вообще весьма строгимъ экзаменаторомъ и въ 1844 г. завелъ большое дѣло въ совѣтѣ, протестуя противъ халатности [1]) вступительныхъ въ университетъ экзаменовъ, причемъ эта халатность, несомнѣнно, имѣла причиною взяточничество и продажность нѣкоторыхъ лицъ изъ числа университетскихъ преподавателей. Кончилъ Фатеръ плохо. Постоянная борьба подломила его нравственныя силы, онъ сошелъ съ ума, утопилъ свою библіотеку въ рѣкѣ Казанкѣ, бросилъ службу, уѣхалъ въ Берлинъ и самъ утопился тамъ въ рѣкѣ Шпре.

1) О лихоимствѣ старыхъ профессоровъ см. II томъ моего сочиненія „Литература и просвѣщеніе“.

Какъ бы то ни было, личность Фатера явилась злымъ геніемъ нашего Евгенія Александровича. Въ университетскую колею онъ не попалъ, а пришлось ему искать мѣста либо учительскаго, либо просто канцелярскаго. Разумѣется, получи Бѣловъ званіе не дѣйствительнаго студента, а кандидата, и будь онъ, какъ предполагалъ его учитель Н. А. Ивановъ, оставленъ при университетѣ, жизнь Бѣлова сложилась бы совсѣмъ иначе, и его научное наслѣдіе было бы несравненно бо́льшимъ. Впрочемъ, и теперь взгляды Бѣлова на различныя явленія русской исторіи всетаки остаются оригинальными и важными. Подводя итоги университетскому періоду жизни Бѣлова, мы должны отмѣтить два на него сильныя вліянія со стороны университетскихъ педагоговъ: этическое — отъ лекцій Д. И. Мейера — и спеціально-научное — по русской исторіи — со стороны Н. А. Иванова. Слѣды этихъ вліяній, разумѣется, оставались цѣлы въ душѣ Бѣлова всю жизнь. Но подъ вліяніемъ непроходимой пошлости тогдашней провинціальной среды эти искры, возженныя учителями Бѣлова, легко и скоро могли бы и заглохнуть въ немъ, — и онъ превратился бы въ зауряднаго педагога-ремесленника. Подновлены, усилены были университетскія вліянія въ Бѣловѣ пребываніемъ его въ Саратовѣ и знакомствомъ съ замѣчательными литераторами, о чемъ у насъ будетъ рѣчь потомъ, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Какъ увидимъ ниже, Бѣловъ по окончаніи университетскаго курса, дѣйствительно, какъ указываетъ его дочь, поступалъ на службу въ Казанскую палату — казенную, а не гражданскаго суда, хотя это и не отмѣчено въ его формулярномъ спискѣ, почему г. Юдинъ и усумнился въ дѣйствительности факта.

Бѣловъ подалъ прошеніе въ Казанскую казенную палату, ходатайствуя объ опредѣленіи его въ штатъ палаты и объ истребованіи изъ правленія университета его документовъ.

Казенная палата просила университетъ доставить ей свидѣтельство Бѣлова на званіе дѣйствительнаго студента и

акты объ его происхожденіи для предварительнаго разсмотрѣнія оныхъ при разрѣшеніи просьбы его объ опредѣленіи въ штатъ казенной палаты.

Бѣловъ былъ принятъ въ палату и прослужилъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Правленіе университета по осени черезъ палату взыскивало съ него пять рублей за напечатаніе свидѣтельства. 12 января слѣдующаго 1850 г. палата сообщила правленію, что деньги остались не взысканными съ Бѣлова, ибо онъ перемѣнилъ свое желаніе служить въ сей палатѣ, а намѣренъ поступить учителемъ географіи въ гимназію, почему и документы его были по требованію отосланы попечителю Казанскаго учебнаго округа того же 12 числа. Учительскаго мѣста Бѣлову пришлось дожидаться около полугода. Только 16 іюня 1850 г. онъ былъ назначенъ учителемъ географіи въ Пензенскій дворянскій институтъ.

Жалованье Бѣлова въ Пензѣ едва превышало триста рублей серебромъ въ годъ, но прожить было всетаки можно при тогдашней дешевизнѣ, и Бѣловъ получилъ даже возможность жениться — на Варварѣ Ивановнѣ Петровой, дочери мѣстнаго, пензенскаго архитектора. Жена Бѣлова, Варвара Ивановна, получила хорошее домашнее воспитаніе, играла на роялѣ, говорила по французски. Молодые супруги жили дружно, но счастью ихъ довольно скоро положенъ былъ предѣлъ. 21 іюня 1852 г., т. е. черезъ два года службы Бѣловъ былъ перемѣщенъ на должность учителя того же предмета въ Саратовскую гимназію. Здѣсь черезъ четыре года жена его послѣ родовъ дочери Евгеніи Евгеніевны опасно занемогла и тихо скончалась. Хозяйствомъ вдовца и воспитаніемъ дочери завѣдывала мать его. Въ Саратовѣ же Бѣловъ вступилъ во второй бракъ.

Саратовъ[1]) въ интеллектуальномъ отношеніи тогда вообще не представлялъ собою ничего особеннаго. Но въ эти именно

1) Въ городѣ было 25 тысячъ населенія, но благоустройство его стояло на низкомъ уровнѣ. Мостовыхъ не было, на улицахъ высились кучи мусора и навоза. Въ городѣ не было ни одного

Всѣ названныя лица въ большей или меньшей степени сочувствовали либеральнымъ вліяніямъ времени, увлекались новыми идеями, критиковали прошлое, ждали небывалыхъ благъ отъ будущаго. На практическую почву въ смыслѣ какой-либо организаціи, однако, эти увлеченія не переходили. Въ провинціи административный надзоръ былъ очень строгъ, и г. Юдинъ приводитъ примѣры того, что даже въ либеральную эпоху шестидесятыхъ годовъ были высланы изъ Саратова два врача и учитель Саратовской гимназіи Дмитріевъ. Къ стати сказать, этотъ учитель Дмитріевъ, высланный изъ Саратова, по словамъ г. Юдина, будто бы за то только, что пользовался „въ городѣ популярностію“, есть, если не ошибаемся, Павелъ Ѳедотовичъ Дмитріевъ, состоявшій потомъ преподавателемъ математики при Уфимской гимназіи, а затѣмъ въ Екатеринбургской гимназіи и. д. инспектора съ 30 сентября 1876 г., и. д. директора съ каникулъ 1881 г. и директоромъ съ 24 августа 1882 г.; съ 5 сентября 1885 г. онъ считался въ отставкѣ и поселился въ своемъ имѣніи на башкирскихъ земляхъ.[1])

Но, помимо печальной участи врачей и учителя Дмитріева, предъ глазами бѣловскаго кружка былъ живой примѣръ человѣка, пострадавшаго за тайное общество, сосланнаго въ Саратовъ на службу и подъ надзоръ полиціи послѣ содержанія въ Петропавловкѣ. Мы разумѣемъ Николая Ивановича Костомарова, извѣстнаго историка, бывшаго адъюнкта Кіевскаго университета, попавшаго въ бѣду за устрой-

дѣтей, Виктора, Клавдію и Наталію, впослѣдствіи вышедшую замужъ за варшавскаго профессора Перольфа. Отъ брака съ Мордовцевымъ Анна Никаноровна имѣла дочь, Вѣру. Пасхалова была богатая женщина, имѣла домъ и деньги, которыя она пускала въ ростъ и подъ закладныя. Впослѣдствіи она разорилась, а Мордовцевъ покинулъ ее и уѣхалъ въ Петербургъ. Умерла она въ 1885 г. Ея послѣдующая довольно горькая судьба описана у г. Юдина, не знаемъ, впрочемъ, насколько достовѣрно.

1) См. Н. К. Діомидова Историческую записку къ двадцатипятилѣтію Екатеринбургской гимназіи и Н. В. Ремезова Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. II изданіе, 1889 г., стр. 289, подъ рубрикою „Просвѣщеніе“.

ство Кирилло-Меѳодіевскаго общества. Костомаровъ былъ въ Саратовѣ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Чернышевскому и Бѣлову людей, и послѣ переѣзда Чернышевскаго въ Петербургъ въ началѣ 1854 г. послѣ женитьбы на г-жѣ Васильевой, дочери врача, на Костомарова перенесъ Бѣловъ всю свою дружбу и привязанность. Эта дружба тоже длилась до самой смерти Костомарова.

Костомаровъ сидѣлъ въ Саратовѣ не даромъ. Онъ усиленно занимался изслѣдованіями по русской исторіи, и самыя свѣжія и вдохновенныя его работы написаны имъ именно въ Саратовѣ.[1]) Здѣсь создавались его „Богданъ Хмельниц-

1) Послѣ изданія „Славянской Миѳологіи“ въ литературной дѣятельности Костомарова произошелъ семилѣтній перерывъ до 1855 г., когда въ „Москвитянинѣ“ М. П. Погодина, книга 19—20, появилась статья „Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка.“ Такъ указываютъ библіографы, напр., Д. Д. Языковъ, „Учено-литературная дѣятельность Н. И. Костомарова“ (библіографическій обзоръ) — „Историческій Вѣстникъ“, т. 20, за 1885 г. іюль, стр. 678. Но это ошибка, которую намъ удалось обнаружить. Литературную дѣятельность Костомаровъ пытался возобновить гораздо ранѣе, еще за полтора года передъ тѣмъ; въ „Москвитянинѣ“ же, за 1855 г., т. Ш, № 9, стр. 174) — см. замѣтку „Средство отъ холеры (письмо къ редактору)“ съ подписью Н. Кастомаровъ и датою „августа 30, 1854 года, Саратовъ“. Такъ какъ эта замѣтка невелика и упущена изъ виду всѣми библіографами, то мы помѣщаемъ ее здѣсь:

„Покорнѣйше прошу Васъ слѣдующее извѣстіе удостоить напечатанія въ „Москвитянинѣ“.

Во время повсемѣстнаго посѣщенія Божія считаю долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія объ испытанномъ мною противъ холеры цѣлебномъ свойствѣ цвѣтовъ растенія, извѣстнаго подъ названіемъ девясила (inula), которые, какъ извѣстно, неупотребительны въ медицинѣ. Я настаивалъ ихъ въ спиртѣ, мѣшая цвѣты различныхъ видовъ этой растительной породы (inula helenium, inula salicina — преимущественно же перваго вида), и давалъ холернымъ больнымъ, страдавшимъ сильнѣйшими судорогами и уже посинѣлымъ, отъ 20—40 капель этой жидкости въ полрюмкѣ воды черезъ полчаса и черезъ двадцать минутъ. Обнаруживались слѣдующія явленія: 1) прекращалась жгучая боль и давленіе подъ ложечкой, 2) появлялся потъ, и постепенно усиливаясь, чрезъ два или три пріема лилъ, какъ говорится, градомъ, 3) ослабѣвали судороги и послѣ нѣсколькихъ пріемовъ совершенно исчезали; при чемъ для ускоренія дѣйствія я приказывалъ тереть пораженныя мѣста тою же настойкою, 4) наступалъ глубокій, спокойный

кій“, „Бунтъ Стеньки Разина“, статьи о внутреннемъ бытѣ Московскаго государства и др. Его вліяніе сказалось сейчасъ же и на Бѣловѣ, который потомъ съ особенною любовью занимался именно тѣми же періодами русской исторіи, XVI и XVII вѣками. Костомаровъ повліялъ и на Мордовцева, который началъ разрабатывать темы подобнаго же характера, какъ Костомаровъ: „Политическія движенія русскаго народа“, „Гайдамачина“, „Самозванцы и понизовая вольница“, и т. п., труды появлявшіеся въ разныхъ журналахъ, преимущественно во „Всемірномъ Трудѣ“ доктора Хана, а потомъ и отдѣльными изданіями и едва не послужившіе поводомъ къ замѣщенію Мордовцевымъ каѳедры русской исторіи въ Петербургскомъ университетѣ.[1]) Всѣ эти труды были, конечно, навѣяны Костомаровымъ въ Саратовѣ. Изъ Саратова же Костомаровъ дѣлалъ попытку занять въ Казанскомъ университетѣ особо для него созданную каѳедру исторіи русской культуры, о чемъ впервые было разсказано у меня въ моей статьѣ о Костомаровѣ въ „Русской Старинѣ“ за 1904 г., мартъ. Изъ Саратова Костомаровъ переѣхалъ въ Петербургъ на каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ,[2]) которую, къ сожалѣнію, ему пришлось занимать такъ недолго.

сонъ, очень благодѣтельный, какъ оказывалось послѣ пробужденія. Средство это узнано мною въ началѣ августа настоящаго года, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ Саратовѣ надъ бѣдными людьми, которые не въ состояніи были обращаться къ врачамъ и аптекамъ, я нашелъ умѣстнымъ немедленно сдѣлать общеизвѣстнымъ это открытіе, дабы гг. профессора медицины и ученые врачи почтили его своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ для пользы страждущаго человѣчества. Да испытаютъ и увидятъ!“

Этой замѣткой Костомаровъ изъ ссылки вторично дебютировалъ въ литературѣ. Изъ нея открывается еще одна сторона Саратовской дѣятельности его. Но любопытно, что замѣтка провалялась въ портфелѣ редакціи чуть не съ годъ, тогда какъ она должна была появиться немедленно! Очевидно, цензора не допускали подписи ссыльнаго, а безъ подписи статейка не имѣла убѣдительности...

1) Впрочемъ, о научныхъ трудахъ Мордовцева Костомаровъ, по свидѣтельству С. С. Окрейца („Историческій Вѣстникъ“, апрѣль 1907 г., стр. 75), отзывался „нѣсколько неопредѣленно“ . . .

2) Вступительная его лекція была напечатана въ „Русскомъ Словѣ“ за 1859 г., кн. 12. Въ Саратовъ прибылъ Костомаровъ 24

Костомаровъ вносилъ много оживленія и поэзіи въ саратовскій либеральный кружокъ, о которомъ мы говоримъ. Нѣсколько, правда, омрачалось иногда общеніе съ Костомаровымъ его странностями. Какъ извѣстно, Костомаровъ былъ въ психическомъ отношеніи не совсѣмъ нормаленъ, унаслѣдовавъ, вѣроятно, эту ненормальность своего отца, въ концѣ концовъ убитаго крѣпостными своими людьми, поваромъ и кучеромъ. На Костомарова иногда находило какое то изступленіе, вродѣ того, напр, что, излагая бунтъ Стеньки Разина, онъ перебилъ всю посуду въ домѣ и кидался на всѣхъ входившихъ къ нему людей, принимая ихъ за Стенькиныхъ враговъ, воеводъ, москалей. И вообще сочиняя что-либо, онъ бѣгалъ по комнатѣ, стучалъ по столу, колотилъ себя кулакомъ въ грудь, ломалъ стулья, билъ окна и т. д.

На почвѣ малороссійскаго національизма сошелся въ Саратовѣ съ Костомаровымъ Д. А. Мордовцевъ, бывшій притомъ сослуживцемъ Костомарова.[1]) Впрочемъ, насколько эта дружба, длившаяся тоже до конца дней Костомарова, была со стороны Мордовцева искреннею, мы не можемъ сказать. Напр., г. Юдинъ обвиняетъ Мордовцева въ нѣкоторой фальшивости характера и даже въ томъ, что, ведя дружбу съ Костомаровымъ и работая совмѣстно съ нимъ надъ „Памятными книжками Саратовской губерніи“ за 1858—1860 годы и „Малороссійскимъ литера-

іюня 1848 г. Жилъ онъ здѣсь въ домѣ архиваріуса духовной консисторіи Николая Дмитріевича Прудентова, который помогалъ ему при собираніи матеріаловъ о Стенькѣ Разинѣ. Домъ этотъ на углу Константиновской и Ильинской улицъ. Костомаровъ занималъ мѣста: завѣдывающаго казначейскою частью въ канцеляріи губернатора, переводчика губернскаго правленія, начальника газетнаго стола, редактора „Губернскихъ Вѣдомостей“ неоффиціальной части и т. д. Должности всѣ Костомаровъ правилъ халатно, дѣлопроизводство задерживалъ и часто не ходилъ на службу подъ предлогомъ болѣзни.

1) Мордовцевъ поступилъ на службу при губернаторѣ Игнатьевѣ и исправлялъ разныя должности, начальника газетнаго стола, переводчика, редактора неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“, секретаря губернскаго статистическаго комитета, чиновника особыхъ порученій (при губернаторѣ Е. Н. Барановскомъ), члена разныхъ коммиссій, ассессора губернскаго правленія. Не сойдясь съ губернаторомъ В. А. Щербатовымъ, уволился въ

Умственныя вліянія, которымъ подчинился въ Саратовѣ Е. А. Бѣловъ, и которыя укрѣпили университетскія впечатлѣнія, исходили отъ двухъ лицъ, Н. Г. Чернышевскаго и Н. И. Костомарова.

Н. Г. Чернышевскій былъ прирожденный саратовецъ, сынъ тамошняго протоіерея и служилъ первоначально преподавателемъ словесности при мѣстной гимназіи.[1]) Бѣловъ еще засталъ его на службѣ, прослуживъ съ нимъ вмѣстѣ около году. За это время Бѣловъ горячо привязался къ своему весьма чудаковатому коллегѣ. Чернышевскій жилъ въ Саратовѣ, въ домѣ своихъ родителей, и дружба его съ Бѣловымъ все росла и крѣпла. Подъѣхавшій тогда въ Саратовъ Варенцовъ тоже примкнулъ къ этой компаніи.

Чернышевскій значительно превосходилъ Бѣлова широтою образованія и силою характера. Немудрено поэтому, что онъ возъимѣлъ на своего пылкаго и экспансивнаго друга огромное вліяніе. Чернышевскій привлекалъ Бѣлова къ интересамъ науки и публицистики; общественное міровоззрѣніе Бѣлова окончательно формировалось именно въ этотъ періодъ его

жила пресловутая—по публичному чтенію „Египетскихъ Ночей“ Пушкина — г-жа Толмачева изъ Перми (урожденная Эверсманъ, дочь казанскаго профессора зоологіи), а конторщицей — Анна Николаевна Энгельгардтъ. Поступивъ потомъ на государственную службу, Рихтеръ дослужился въ министерство Бунге до поста директора департамента неокладныхъ сборовъ.

1) Опредѣленъ въ Саратовскую гимназію старшимъ учителемъ 6 января 1851 г. По смерти своей матери Евгеніи Егоровны (19 апрѣля 1853 г.) женился въ маѣ того же года и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ по протекціи Иринарха Введенскаго назначенъ былъ съ 24 января 1854 г. учителемъ 3-го рода при II кадетскомъ корпусѣ. На его мѣсто былъ переведенъ изъ Пензы младшій учитель Масальскій. Чернышевскій былъ очень любимъ учениками, не прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и былъ душою устраиваемыхъ имъ литературныхъ бесѣдъ на темы, задаваемыя учебнымъ округомъ. По свидѣтельству г. Лекомте, и директоръ, и инспекторъ отзывались о Чернышевскомъ съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ съ дарованіями; но служебнымъ его успѣхамъ по преданію вредило сближеніе съ ссыльными поляками и ссыльнымъ Костомаровымъ. Объ учительствѣ Чернышевскаго собирался писать Бѣловъ, но не исполнилъ своего намѣренія.

жизни, въ Саратовѣ. Для яснаго представленія дѣла, однако, отнюдь нельзя забывать, что саратовскій Чернышевскій совсѣмъ еще не Чернышевскій петербургскій. Онъ не игралъ еще никакой общественной роли, не занимался еще политическою экономіею и спеціально крестьянскимъ вопросомъ, не сотрудничалъ еще въ „Современникѣ“. Это былъ скромнѣйшій и застѣнчивѣйшій молодой человѣкъ со всѣми признаками духовнаго происхожденія и семинарскаго воспитанія, состоявшій вдобавокъ въ полномъ распоряженіи своей матери, которая даже не всегда и не ко всѣмъ пускала его въ гости... Объ этомъ періодѣ своей жизни Чернышевскій потомъ самъ писалъ такъ: „тогда всѣ думали, что онъ (т. е. я) пролежитъ весь свой вѣкъ на диванѣ, съ книгою въ рукахъ, вялый, сонный“, и „ему казалось, что у Левицкаго (Добролюбова) такой же флегматичный характеръ, какъ у него самого; онъ вспоминалъ, какъ мирно лежалъ онъ, почитывая книги, пока не пришла надобность работать. Ему казалось, что Левицкій будетъ такъ же спокойно лежать и зѣвать или ходить и зѣвать“ („Прологъ Пролога“, новое изданіе, стр. 77 и 166, слова Волгина-Чернышевскаго). Въ Саратовѣ Чернышевскій, дѣйствительно, очень много читалъ и накопилъ себѣ большой фондъ начитанности въ различныхъ областяхъ знанія, чѣмъ потомъ и пользовался. Впослѣдствіи при кипучей журнальной дѣятельности читать большіе и основоположительные труды было уже некогда.

Литературныя работы Чернышевскаго носили совершенно спеціальный характеръ. Онъ мечталъ еще объ ученой, академической дѣятельности на каѳедрѣ русской словесности, готовился къ магистерскому экзамену у А. И. Никитенка, составлялъ словарь къ Ипатьевской лѣтописи для И. И. Срезневскаго и писалъ магистерское сочиненіе объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности, причемъ рѣшалъ дѣло въ пользу дѣйствительности, ибо при сравненіи яблока съѣдобнаго съ яблокомъ нарисованнымъ всякій де ухватится за настоящее яблоко и т. п. Въ

Саратовѣ Чернышевскій женился, перейдя изъ-подъ господства матери подъ башмакъ жены[1] (см. „Прологъ пролога“), и послѣ женитьбы переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ искать себѣ литературной работы ради увеличенія своихъ матеріальныхъ средствъ, самъ еще вовсе не предвидя той руководительной роли, которую онъ игралъ всего черезъ пару лѣтъ, въ русской литературѣ конца пятидесятыхъ годовъ.

Но и въ Саратовѣ у Бѣлова съ Чернышевскимъ нашлось одно общее литературное дѣло: они стали вмѣстѣ переводить Шлоссера Исторію XVIII столѣтія. Этотъ ихъ переводъ былъ потомъ напечатанъ. По сохранившемуся преданію, въ Саратовѣ всѣхъ ближе, не считая Костомарова, къ Чернышевскому былъ именно Бѣловъ (сообщеніе г. Юдина).

Дружба эта не прекратилась и съ переѣздомъ Чернышевскаго въ Петербургъ. Бѣловъ, въ 1861 г. пріѣхавъ туда, останавливался у Чернышевскаго.[2] Потомъ, когда тотъ попалъ въ бѣду, Бѣлову эта дружба обошлась недешево: его самого отдали подъ негласный надзоръ и угрожали ему запрещеніемъ педагогической дѣятельности. Но Бѣловъ не забывалъ своего несчастнаго друга, и получивъ извѣстіе объ его кончинѣ, Бѣловъ заперся въ своей комнатѣ и долго тамъ плакалъ.

Когда Бѣловъ вторично женился и сталъ принимать знакомыхъ у себя, онъ самъ сдѣлался средоточіемъ кружка Саратовскихъ либераловъ. Въ Саратовѣ было тогда много интеллигентной молодежи и прогрессивно-настроенныхъ дѣятелей болѣе зрѣлаго возраста. Они водили компанію съ Бѣловыми и посѣщали Бѣловскіе „вторники“. Г. Юдинъ перечисляетъ

1) Очень характерны въ этомъ отношеніи выдержки изъ саратовскаго дневника. Г. Юдинъ увѣряетъ, будто Чернышевскаго „скрутили“, и будто за нимъ барышни Васильевы сильно ухаживали, какъ за сыномъ богатаго протоіерея.

2) Въ журналѣ „Былое“, февральская книжка с. г., стр. 166 въ письмѣ А. Н. Плещеева къ Н. Г. Чернышевскому отъ 12 іюля 1862 г. изъ Москвы въ Петербургъ сказано: „Бѣловъ написалъ недавно, что ѣдетъ въ Нижній и будетъ потомъ въ Москвѣ.“

А. Ф. Леопольдова, Н. А. Мордвинова, управлявшаго Саратовскою удѣльною конторой, — М. А. Лакомтє, старшаго учителя исторіи, потомъ директора Саратовской гимназіи,—Ивана Алексѣевича Гана, предсѣдателя Саратовской казенной палаты, автора брошюры „О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи“, врача С. Ѳ. Стефани, Александра Павловича Ровинскаго (зимою 1857—1858 гг.).[1]) Наконецъ въ Саратовѣ же жилъ съ 1854 г. Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ, позднѣе авторъ ученыхъ трудовъ и безчисленныхъ романовъ, тогда редакторъ провинціальной газеты, „Губернскихъ Вѣдомостей“, а потомъ ожесточенный врагъ провинціальной прессы (см. о полемикѣ, возгорѣвшейся между ними и К. В. Лаврскимъ, въ изданномъ въ Казани сборникѣ „Первый шагъ“ 1876 г.). Мордовцевъ былъ въ шестидесятые годы въ передовыхъ рядахъ, и его романъ „Знаменія времени“, одно время даже запрещенный, чуть не соперничалъ по своему вліянію съ „Что дѣлать“. Д. Л. Мордовцевъ въ Саратовѣ же женился на замѣчательной женщинѣ, поэтессѣ и музыкантшѣ, Аннѣ Никаноровнѣ, по первому мужу Пасхаловой, и дослужился со временемъ до мѣста правителя губернской канцеляріи.[2])

1) Сюда же г. Юдинъ относитъ и начальника отдѣленія казенной палаты Вознесенскаго.

2) Д. Л. Мордовцевъ родился 7 декабря 1830 г. въ Донской области. Его настоящая фамилія была Мордовецъ. Отецъ его управлялъ имѣніемъ господъ Ефремовыхъ. Происхожденіе его сомнительное и недавно служило предметомъ споровъ. Г. Юдинъ считаетъ его купцомъ, г. Горизонтовъ — казакомъ, г. А. Карасевъ („Происхожденіе Д. Л. Мордовцева“ — „Историческій Вѣстникъ“, за 1907 г., апрѣль, стр. 368) — крестьяниномъ-вольноотпущенникомъ; Н. Я. Агафоновъ въ Казани увѣрялъ меня, что Мордовцевъ — еврей. Ср. еще статью Я. Я. Полферова („Историческій Вѣстникъ“ за 1906 г., февраль, стр. 608 и д.). Учился Д. Л. въ Саратовской гимназіи, которую окончилъ въ 1850 г., затѣмъ въ Казанскомъ и Петербургскомъ университетахъ. По окончаніи курса два года, 1854—1856, жилъ въ Саратовѣ безъ занятій, въ крайней нуждѣ, перебиваясь уроками. По мнѣнію г. Юдина, „очень критическія обстоятельства“ побудили его къ браку съ женщиной старше себя, вдовой коллежскаго ассессора Никандра Васильевича Пасхалова, Анной Никаноровной, урожденной Залетаевой, имѣвшей уже троихъ

турнымъ сборникомъ“ 1859 г., съ произведеніями обоихъ, онъ будто бы сильно недолюбливалъ Костомарова и въ обществѣ не ихъ круга отзывался о немъ не совсѣмъ одобрительно, чѣмъ едва ли не помѣшалъ якобы служебной карьерѣ Костомарова въ Саратовѣ. Для характеристики нравственной личности Мордовцева не лишенъ интереса и разсказъ г. Юдина о самоубійствѣ юнаго поэта-гимназиста, искавшаго редакторскаго одобренія отъ Мордовцева.

Какъ бы, однако, ни было, самымъ точнымъ лѣтописцемъ Саратовскаго кружка либераловъ оказался всетаки Д. Л. Мордовцевъ, и одинъ изъ его романовъ посвященъ именно этому кружку. Вѣрность изображеній въ этомъ біографическомъ романѣ - мемуарахъ Мордовцева можно подтвердить и другими данными. Поэтому нельзя не пожалѣть, что г. Юдинъ не воспользовался этимъ романомъ Мордовцева для своего этюда о Бѣловѣ. Мы разумѣемъ романъ „Профессоръ Ратмировъ“,[1]) печатавшійся въ „Книжкахъ Недѣли“, но не за 1867 г., какъ думаетъ г. Юдинъ, а за 1889 г., кн. 1 и 2 (январь, стр. 1—71 и февраль, стр. 73—136).

„Профессоръ Ратмировъ“ не былъ допечатанъ до конца. Онъ появился, какъ сказано, въ январской и февральской книжкахъ, въ мартовской продолженія романа не было, а въ апрѣльской книжкѣ на первой страницѣ было помѣщено обширное „заявленіе“ Даніила Лукича. Авторъ извинялся передъ редакціею въ томъ, что „нѣкоторыя обстоятельства,

---

1864 г., служилъ потомъ въ Петербургѣ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ 1867 г. Мордовцевъ служилъ опять въ Саратовѣ секретаремъ коммиссіи народнаго продовольствія, газетнымъ цензоромъ, секретаремъ тюремнаго комитета, помощникомъ правителя канцеляріи губернатора, правителемъ дѣлъ, секретаремъ статистическаго комитета. Дарованія его, какъ видно, были разнообразны. Вышелъ Д. Л. въ отставку въ 1872 г., когда опять не сошелся съ губернаторомъ, съ М. Н. Галкинымъ-Врасскимъ, Съ женою онъ разошелся еще въ 1855 г, Жена очень жаловалась на его безсердечіе — см. у г. Юдина въ соотвѣтствующей статьѣ.

1) Кое-что найдется о Саратовѣ и въ романѣ Мордовцева „Новые русскіе люди“.

которыхъ онъ не предусмотрѣлъ, приступая къ своему роману", вынуждаютъ его пріостановиться дальнѣйшимъ его печатаніемъ. Онъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что напечатанныя главы знакомятъ читателей съ такими чертами изъ жизни знаменитаго ученаго, которыя большинству неизвѣстны. Читатели, прибавляетъ Мордовцевъ, вѣроятно, догадались, кто этотъ ученый, и замѣтили, что мой романъ есть въ сущности біографія въ беллетристической формѣ.

Д. А. Мордовцевъ задумалъ написать въ этомъ романѣ біографію своего друга, Н. И. Костомарова,[1]) начиная съ момента его ареста за два дня до свадьбы въ 1848 г. по дѣлу о „Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ". Далѣе изображается его сидѣніе въ Петропавловской крѣпости и водвореніе въ ссылку въ Саратовъ, гдѣ онъ встрѣтился съ Мордовцевымъ. Значительную часть романа занимаетъ дѣло объ загадочномъ исчезновеніи мальчиковъ Ѳеофана Шерстобитова и Михаила Маслова, въ убіеніи которыхъ подозрѣвали участіе евреевъ.[2]) По этому дѣлу Костомаровъ давалъ историческую справку объ употребленіи евреями крови христіанскихъ дѣтей.

Это „саратовское" дѣло получило потомъ широкую огласку, и ему посвящена особая статья П. Левенсона

---

1) Краткій біографическій очеркъ Н. И. Костомарова былъ помѣщенъ Мордовцевымъ въ изданіи А. О. Баумана „Русскіе современные дѣятели", т. II, стр. 93—99.

2) Объ этомъ дѣлѣ упоминаетъ въ своей „Книгѣ бытія моего" знаменитый нашъ оріенталистъ, епископъ Порфирій Успенскій (т. VII, стр. 20, подъ 2 августа 1855 г.): „Въ городѣ Саратовѣ существуетъ еврейская секта Хасидовъ. Тамъ они недавно умертвили одного христіанскаго отрока, предварительно обрѣзавъ его. Началось слѣдствіе по этому дѣлу. Оно поступило въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Директоръ сего министерства Хрущовъ (красавецъ), желая убѣдиться въ дѣйствительности ужаснаго преступленія, прислалъ мнѣ при своемъ письмѣ печатный отрывокъ изъ книги Хасидовъ и просилъ меня перевести его по русски. По этому случаю я писалъ ему письмо", — въ которомъ (прибавляетъ редакторъ „Книги") Порфирій „выражаетъ увѣренность въ существованіи факта убійства евреями христіанъ съ религіозною цѣлью."

въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ за 1880 г., книги II и III, Судебная Хроника: „Саратовское дѣло“. Любопытно, что Костомаровъ въ своей запискѣ на основаніи историческихъ данныхъ пришелъ къ непоколебимому убѣжденію, будто бы евреи дѣйствительно употребляли кровь христіанскихъ дѣтей и, несмотря на газетную полемику въ 1873 г. съ ученымъ гебраистомъ, профессоромъ Хвольсономъ,[1]) остался при своемъ убѣжденіи. Какъ видно изъ его двухъ посмертныхъ „автобіографій“, Костомаровъ до конца дней былъ убѣжденъ, что „Саратовское дѣло“ было замято евреями съ помощью большихъ денегъ, и этому „дѣлу“ въ связи съ еврейскимъ вліяніемъ приписываетъ онъ ухудшеніе своего положенія въ Саратовѣ, какъ политическаго ссыльнаго, потому де, что губернаторъ и всѣ губернскія власти, по мнѣнію Костомарова, якобы были подкуплены евреями, которыхъ онъ раздражалъ упорнымъ отстаиваніемъ своего мнѣнія о ритуальномъ убійствѣ.[2]) Мордовцевъ, какъ видно, совершенно не раздѣлялъ этого мнѣнія своего друга Костомарова. Свой романъ-біографію Костомарова онъ затѣмъ обрываетъ на любовной идиллiи Костомарова съ нѣкоею барышнею Пестовою.

Дѣйствующія лица выведены подъ псевдонимами, которые мы можемъ дешифрировать. Самого Костомарова авторъ назвалъ Ратмировымъ, потому, вѣроятно, что шаловливая дѣвушка, невѣста Костомарова, будучи еще его ученицею по кіевскому пансіону Залѣсской, въ классѣ встрѣчала его аріей Глинки „О мой Ратмиръ!“ (изъ „Руслана“). Кіевскій

1) Хвольсонъ-отецъ въ защиту евреевъ отъ этого ужаснаго обвиненія написалъ цѣлую большую книгу.

2) Кстати, г. Юдинъ сообщаетъ, якобы Н. И. Костомаровъ выдвинулся при производствѣ сенаторомъ (sic) Дурново слѣдствія объ истязаніи православнаго ребенка евреями, въ качествѣ эксперта доказывая исторически отсутствіе ритуальнаго убійства у евреевъ, что и подняло его въ глазахъ губернскаго начальства. Г. Юдинъ слышалъ звонъ . . . и не читалъ автобіографій Костомарова.

губернаторъ—Фундуклей. Помощникъ попечителя кіевскаго учебнаго округа Змѣевичъ—М. В. Юзефовичъ, Кравченко—Шевченко, Булакъ — Гулакъ, Лемишъ — Кулишъ, Черноозерскій—Бѣлозерскій, полька Елена Врубельская — Алина Леонтьевна Крагельская, въ 1875 г. черезъ 28 лѣтъ послѣ помолвки всетаки вышедшая за Костомарова замужъ, уже, правда, вторымъ бракомъ.[1]) Въ Желтогорскѣ[2]), т. е. въ Саратовѣ — губернаторъ, „черный, смуглолицый мужчина, плохо выбритый, съ хриплымъ голосомъ“, — Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ. Доноситель по еврейскому дѣлу есть Иванъ Ивановичъ Крюгеръ, учившійся въ Казанскомъ университетѣ съ 1840 по 1846 годъ, одновременно съ Бѣловымъ, и окончившій въ немъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, а потомъ и получившій степень кандидата въ 1847 г. Анна Николаевна Пасхина, экцентричная барыня, поклонница небесныхъ свѣтилъ, разошедшаяся со своимъ мужемъ, служившимъ въ Петербургѣ въ Сенатѣ, и проживавшая въ Саратовѣ со своими дѣтьми у отца, есть Анна Никаноровна Пасхалова, впослѣдствіи жена Д. Л. Мордовцева; это — мать очень извѣстнаго композитора В. Н. Пасхалова, автора романсовъ на слова Огарева, Аполлона Григорьева, Крестовскаго: „Дитятко, милость Господня“, „Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ“, „Подъ душистою вѣткой сирени“ и др. Родственники Пасхаловой, потомки саратовскаго коменданта — Юнгеры. Дѣйствительно, какъ сказано въ романѣ, три дочери и племянница Юнгера имѣли разговоръ съ Пугачевымъ, котораго просили о помощи[3]) и заступѣ. Докторъ Альтани — Святославъ Ѳедоровичъ Стефани. Николай Гавриловичъ безъ фамиліи, котораго называютъ пропащимъ человѣкомъ, за то, что онъ влюбленъ до зеленаго змѣя въ цыгановатенькую

1) По первому браку ея фамилія была Кисель.

2) Сара-тау, откуда произошло слово Саратовъ, значитъ по татарски желтая гора.

3) См. Н. Ѳ. Дубровинъ, Пугачевъ, т. III, стр. 212.

барышню Ольгу Сократовну Васильеву, — позднѣе Вѣра Павловна въ „Что дѣлать“ и Лидія Васильевна въ „Прологѣ Пролога“ — Чернышевскій. Наконецъ, Черновъ и Жаренцовъ — суть Бѣловъ и Варенцовъ. Бѣловъ выведенъ въ романѣ горячащимся изъ-за политическихъ вопросовъ, изъ-за осады Севастополя, отношеній между Гизо и Наполеономъ III и т. д. Варенцовъ въ романѣ мягко подшучиваетъ надъ разными выходками и увлеченіями Костомарова. Бѣлову же авторъ приписываетъ мужество: онъ одинъ осмѣлился пойти на встрѣчу привидѣнію и онъ же схватилъ бѣснующагося въ своемъ писательскомъ увлеченіи Костомарова.

Приведемъ общую характеристику, данную Мордовцевымъ Бѣлову и Варенцову. Ратмировъ, говоритъ Мордовцевъ, былъ съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Черновъ и Жаренцовъ были, можно сказать, неразлучны, хотя и по темпераменту, и по характеру представляли собою совершенный контрастъ. Холерикъ Бѣловъ, сильный и нѣсколько угрюмый брюнетъ, былъ рѣзокъ въ своихъ приговорахъ, горячъ и нетерпѣливъ въ спорахъ, иногда даже очень жостокъ, за что и называли его „свирѣпымъ Маратомъ“. Онъ имѣлъ слабость по части политики. Жаренцовъ же былъ олицетворенная деликатность, мягкость и уступчивость. И по внѣшности они представляли двѣ крайности. Черновъ былъ малаго или средняго роста съ широкими плечами и рѣзкими чертами лица; Жаренцовъ — длинный и тонкій съ мягкими чертами.

Насколько можно провѣрить показанія Мордовцева другими источниками, они представляются справедливыми въ отношеніи Бѣлова и Варенцова. Изъ романа Мордовцева и указаній, собранныхъ въ статьѣ г. Юдина, а такъ же и изъ другихъ источниковъ можно представить себѣ, чѣмъ занимался саратовскій кружокъ. Большинство его членовъ, Костомаровъ, Чернышевскій, Мордовцевъ занимались историческими и вообще научными изысканіями. Костомаровъ вмѣстѣ съ Пасхаловой собирали народныя пѣсни Саратовской

губерніи. Бѣловъ и Варенцовъ трудились на педагогическомъ поприщѣ и много читали. Собираясь другъ у друга,[1]) эти люди обращали свои квартиры въ „говорильни“, какъ тогда выражались, т. е. долго и горячо, съ ожесточеніемъ спорили о разныхъ вопросахъ, волновавшихъ тогда умы, политическихъ (европейская политика подъ вліяніемъ Наполеона III-го, внутреннія реформы въ Россіи), литературныхъ (споры о направленіяхъ реалистическомъ, обличительномъ, народническомъ, славянофильскомъ), педагогическихъ (реформа школы, упраздненіе тѣлесныхъ наказаній), судебныхъ; ожидалось введеніе конституціи въ Россіи; всего болѣе спорили, конечно, о предстоящемъ и чаемомъ освобожденіи крѣпостныхъ, съ землею или безъ земли, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ или безъ онаго, — послѣдніе вопросы, конечно, уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда Чернышевскій былъ уже въ Петербургѣ. Бѣловъ во всѣхъ этихъ дебатахъ принималъ самое горячее участіе и принадлежалъ къ числу наиболѣе увлекающихся спорщиковъ. И ни на комъ, быть можетъ, эти саратовскіе споры не отзывались такъ сильно въ смыслѣ опредѣленія его будущей литературной дѣятельности, какъ именно на Бѣловѣ. Демократизмъ, красною нитью проходящій чрезъ позднѣйшіе литературные труды Бѣлова, конечно, развился въ немъ именно въ Саратовѣ, въ средѣ либеральнаго кружка, въ бесѣдахъ.

Въ кружокъ входили, кромѣ мужчинъ, и дамы, и барышни, и даже гимназисты. Присутствіе дамъ и молодежи смягчало спорщиковъ и умиротворяло нравы. Мордовцевъ очень поэтически описываетъ различныя забавы и увеселенія, предпри-

---

1) Собирались еще у помѣщицы Чечелевой-Кострицкой на Дворянской или Кострижной улицѣ. И въ этомъ домѣ занимались литературою, читали новыя беллетристическія и историческія произведенія или отрывки своихъ новыхъ статей, сообщали о новыхъ находкахъ по части мѣстной археологіи, этнографіи, исторіи и т. п. Собирались еще въ домѣ матери Пасхаловой-Залетаевой на углу Царицинской и Большой Сергіевской улицъ (нынѣ домъ Калединой).

нимавшіяся членами кружка, напр., прогулки за городъ; занимались чтеніемъ, музыкою, танцами, бесѣдами, — вообще жили весело, беззаботно — и свѣтлый рой воспоминаній окружилъ потомъ въ памяти участниковъ кружка, особенно Бѣлова и Мордовцева, — саратовскую жизнь особою прелестью.

Саратовъ на вѣки скрѣпилъ узами дружбы большинство участниковъ этого кружка. Распался онъ самъ собою, естественнымъ образомъ. Одинъ за другимъ члены его покидали Саратовъ. Варенцовъ въ 1857 г. переведенъ былъ на службу, въ Нижній-Новгородъ, въ инспекторы дворянскаго института, гдѣ когда-то учился Бѣловъ. Большая часть друзей перебралась въ Петербургъ, — ранѣе всѣхъ Чернышевскій, потомъ Мордовцевъ, Костомаровъ и наконецъ самъ Бѣловъ. Въ Петербургѣ Бѣловъ уже не засталъ самаго близкаго своего друга — Чернышевскаго, но зато нашелъ Костомарова, который уже не былъ профессоромъ университета (какъ пишетъ г. Юдинъ), нашелъ и Мордовцева. Бѣловъ въ Петербургѣ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, подъ конецъ въ Александровскомъ Лицеѣ въ званіи штатнаго преподавателя исторіи въ младшихъ классахъ. Здѣсь же мы пока разстаемся съ нашимъ героемъ....

Литературная дѣятельность Е. А. Бѣлова началась уже въ Петербургѣ подъ настояніемъ его товарища и друга, К. Н. Бестужева-Рюмина. Мы разсмотрѣли лишь приготовительный періодъ жизни Е. А. Бѣлова, эпоху его юности и начала его зрѣлой поры, когда изъ безпечнаго гимназиста и бурша-студента складывался будущій серьезный ученый, замѣчательный педагогъ и полезный общественный дѣятель... Что же касается „саратовскаго кружка“, то въ виду того значенія, какое онъ имѣлъ въ жизни и литературной дѣятельности его важнѣйшихъ сочленовъ, онъ заслуживаетъ несравненно болѣе подробнаго изученія. Мы надѣемся еще современемъ возвратиться къ этому предмету. Необходимо и болѣе детальное разсмотрѣніе жизни въ Саратовѣ Н. И.

Костомарова и Н. Г. Чернышевскаго, нежели это имѣло мѣсто въ выше названныхъ очеркахъ г. Юдина. Со времени появленія послѣднихъ появилось немало новыхъ матеріаловъ, а г. Юдинъ не воспользовался и всѣми тѣми печатными данными, какія были доступны въ то время, какъ, напр. автобіографіями Костомарова.

Помимо значенія общелитературнаго, „саратовскій кружокъ“ съигралъ и выдающуюся мѣстную роль. Несомнѣнно, что именно съ этихъ поръ въ интеллектуальномъ отношеніи Саратовъ начинаетъ выдвигаться между сосѣдними городами Поволжья, съ „саратовскаго кружка“ начинается та умственная жизнь города, которая, расширяясь и окрѣпая, достойно засвидѣтельствована въ послѣдніе дни основаніемъ въ Саратовѣ новаго центра высшаго просвѣщенія, а именно десятаго русскаго университета . . . . .

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**

Л. Г. Штрюмпель и его педагогическая система.

ГЛАВА I.

Научно-педагогическая дѣятельность Штрюмпеля.

„Я продолжаю имѣть убѣжденіе, что философія Гербарта многимъ превосходитъ остальныя системы настоящаго времени своимъ спекулятивнымъ содержаніемъ и обиліемъ результатовъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ направленіи; но этимъ самымъ я не предполагаю, что она уже достигла той степени совершенства, чтобы мышленіе было вполнѣ ею довольно."

Штрюмпель [1]).

Людвигъ Генрихъ Штрюмпель родился 23-го іюня н. с. 1812 года въ небольшомъ городѣ Шёппенштэдтѣ герцогства Брауншвэйгъ.

Первоначальное обученіе Штрюмпель получилъ въ городскомъ училищѣ своего родного города. Кромѣ того, по древнимъ языкамъ занимался съ нимъ одинъ изъ мѣстныхъ пасторовъ, имѣвшій на него значительное воспитательное вліяніе. Мать Штрюмпеля, женщина весьма умная, имѣла также большое вліяніе на своего сына.

На 14-мъ году Штрюмпель поступилъ въ гимназію Catharineum въ г. Брауншвэйгѣ, гдѣ ректоромъ былъ выдающійся филологъ и педагогъ Трауготъ Фридеманъ. 17-ти лѣтъ Штрюмпель окончилъ гимназическій курсъ и сталъ по-

1) См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher" von Teubner. II. Abteilung. 1899. S. 537. Этою статьею мы пользуемся и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

сѣщать коллегію Carolinum, представлявшую собою университетъ въ небольшомъ масштабѣ. Въ этой коллегіи преподавали выдающіеся ученые Генке, Гринекерль, Эмперіусъ, Дедекиндъ, Петри и др.

Особенно большое вліяніе на студентовъ имѣлъ въ то время профессоръ Гринекерль, ученикъ и восторженный приверженецъ Гербарта, бывшій также долгое время учителемъ въ школахъ Песталоцци и Фелленберга. Этотъ профессоръ сразу увлекъ молодого Штрюмпеля, и послѣдній отдался сполна изученію философіи и педагогики. Благодаря этимъ своимъ занятіямъ Штрюмпель ближе сошелся съ Гринекерлемъ и сталъ бывать у послѣдняго въ домѣ. Здѣсь пришлось ему, когда онъ былъ уже весь проникнутъ благоговѣніемъ передъ великими педагогическими идеями Гербарта, познакомиться съ самимъ авторомъ новыхъ педагогическихъ ученій, проѣзжавшимъ въ 1830 г. черезъ Брауншвэйгъ и посѣтившимъ своего ученика Гринекерля. „Глубокое впечатлѣніе“, говоритъ Штрюмпель, „которое произвела на меня импонирующая наружность этого человѣка, можетъ быть понятно лишь тому, кто въ состояніи припомнить изъ собственнаго опыта въ юности духовное значеніе такого переживанія, гдѣ живой образъ умственно и нравственно выдающейся личности, которая уже издали чрезвычайно высоко цѣнится, предстанетъ предъ восторженною душою молодого человѣка“.

Гербартъ пригласилъ Штрюмпеля къ себѣ въ Кёнигсбергъ. Въ слѣдующемъ году Штрюмпель послѣдовалъ приглашенію Гербарта и переѣхалъ въ Кёнигсбергъ.

Два года усердно работалъ Штрюмпель въ Кёнигсбергѣ по избраннымъ имъ предметамъ — философіи и педагогикѣ. Онъ не только посѣщалъ университетскія лекціи, но и принималъ дѣятельное участіе въ педагогической семинаріи, которою руководилъ Гербартъ. Кромѣ того, Штрюмпель интересовался и нѣкоторыми другими науками, помимо своей спеціальности; это были науки филологическія, естественныя и математическія.

Въ 1833 г. Штрюмпель сдалъ свой докторскій экзаменъ и защитилъ диссертацію „De methodo philosophica“ на степень доктора философіи.

Изъ Кёнигсберга Штрюмпель переѣхалъ въ Боннъ, а затѣмъ въ Лейпцигъ для пополненія своихъ научныхъ знаній. Въ Лейпцигѣ онъ прослушалъ между прочимъ лекціи Дробиша по математической психологіи.

По отъѣздѣ изъ Кёнигсберга Штрюмпель продолжалъ поддерживать сношенія со своимъ геніальнымъ учителемъ путемъ непрерывнаго обмѣна съ нимъ письмами. Однако, эта дружба продолжалась не долго. Причиною непріязненныхъ отношеній Гербарта къ своему до того времени любимому ученику послужила попытка со стороны Штрюмпеля внести въ основаніе Гербартовской психологіи нѣкоторыя новыя начала, которыя, по его мнѣнію, дали бы возможность дополнить и развить психологическую теорію Гербарта. Эти новаторскія стремленія Штрюмпеля не могли войти въ рамку тѣхъ математическихъ методовъ, которыми такъ увлекался въ то время Гербартъ въ своихъ геніальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ міра душевныхъ представленій, и съ этой точки зрѣнія могли казаться даже ненаучными. Гербартъ осыпалъ своего ученика упреками въ томъ, что онъ „забылъ“ психологію своего учителя, что „онъ пошелъ изъ психологическаго сада по ложному пути“, и вскорѣ прекратилъ со Штрюмпелемъ всякія сношенія.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на выясненіи указаннаго недоразумѣнія, возникшаго между Гербартомъ и Штрюмпелемъ на почвѣ принциповъ, долженствующихъ лежать въ основѣ научной психологіи: объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ, но позволимъ себѣ лишь указать на аналогичный фактъ, имѣвшій мѣсто въ вопросѣ объ аксіомахъ геометріи между нашимъ геніальнымъ геометромъ Лобачевскимъ и другими выдающимися представителями математическихъ наукъ. Когда Лобачевскій предложилъ свою безсмертную систему не-эвклидовой геометріи, то многіе изъ

ученыхъ совсѣмъ не понимали ея глубокаго научнаго смысла, и нѣкоторые, какъ, напримѣръ, академикъ Остроградскій, высказывали даже сомнѣніе въ нормальности умственныхъ способностей Лобачевскаго. Нѣчто подобное случилось и съ новаторскими идеями Штрюмпеля въ области психологіи.

Разрывъ съ Гербартомъ имѣлъ пренепріятныя послѣдствія для Штрюмпеля. Послѣдній долженъ былъ оставить всякія надежды на продолженіе своей академической карьеры въ предѣлахъ Германіи, такъ какъ послѣдователи Гербарта пріобрѣли уже въ то время громадное вліяніе въ германскихъ университетахъ и поддерживали лишь сторонниковъ ортодоксальнаго гербартіанства, т. е. лицъ, не отступавшихъ ни на іоту отъ формъ, созданныхъ Гербартомъ.

Штрюмпель попытался еще разъ искать примиренія со своимъ учителемъ и для этой цѣли изложилъ свои новыя научныя идеи въ особой рукописной статьѣ съ самымъ старательнымъ ихъ обоснованіемъ. Эту статью онъ отправилъ Гербарту съ просьбою разсмотрѣть мотивы, побуждающіе его отстаивать свои принципы. Гербартъ подумалъ, что статья предназначена для печати и отвѣтилъ Штрюмпелю слѣдующимъ образомъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1835 г.: „Если бы присланная мнѣ статья была не Ваша, а кого-нибудь другого, то я отправилъ бы ее назадъ съ замѣткою, что считаю нецѣлесообразнымъ входить въ ея разсмотрѣніе. Но она отъ Васъ. Конечно, надо принять во вниманіе особенно то, что статья не есть письмо и что она ни въ какомъ случаѣ не облечена въ форму, которая предназначала бы ее лишь для Васъ и для меня. Письмо говоритъ о зрѣломъ плодѣ, который желалъ бы, чтобы его скушали. Въ статьѣ говорится обо мнѣ какъ о третьемъ лицѣ — съ кѣмъ? Прославляются такъ называемыя „доказательства“ какъ рѣшающія доказательства — чтобы импонировать, но кому? Вопросъ, хватитъ ли у меня терпѣнія прочесть статью, кажется, совсѣмъ не приходитъ на умъ автора, обратившагося со своимъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ къ постороннимъ лицамъ. При такихъ обстоятель-

ствахъ Вы не должны удивляться, если у меня срывается такое выраженіе, будто мы не одни и будто я кому-нибудь громко высказываю мое открытое мнѣніе. Вы не слишкомъ молоды (Штрюмпелю было 23 года), чтобы возможно было допустить предположеніе, что Вы не взвѣсили Вашихъ дѣйствій всесторонне и въ ихъ полномъ значеніи. И я не слишкомъ старъ и не дряхлъ, чтобы въ случаѣ, когда я молчу, молчать лишь изъ-за удобства и покоя".

Въ отвѣтъ на письмо Штрюмпеля, разъяснившаго Гербарту то, что статья совсѣмъ не предназначалась къ печати и что въ ихъ научный споръ посвященъ лишь Дробишъ, послѣдовало нѣсколько болѣе любезное письмо Гербарта:

Гёттингенъ, 13-го авг. 1835.

„Нѣсколько дней тому назадъ, дорогой г-нъ докторъ, пріѣхалъ я изъ Пирмонта и только нѣсколько часовъ, какъ я выбралъ время раскрыть Ваше письмо. Что прежде всего обратило мое вниманіе, это Вы узнаете здѣсь вполнѣ открыто."

„Ваша чувствительность не меньше, чѣмъ я предполагалъ; также и то я долженъ былъ предвидѣть, что Вы, въ Вашихъ глазахъ, будете вполнѣ правы. Но достойныя уваженія черты Вашего характера просвѣчиваютъ; это оцѣнилъ я по достоинству; и мнѣ доставляетъ удовольствіе увѣрить Васъ въ этомъ."

„Вы знаете, конечно, какъ другіе отнеслись ко мнѣ. Если бы я смѣшалъ Васъ съ ними, то несомнѣнно Вы не получили бы отъ меня отвѣта, такъ какъ Ваше удаленіе отъ меня стало ясно уже съ прошлаго ноября."

„Отвѣтъ, который я Вамъ далъ, могъ быть лищь краткимъ, такъ какъ я уже здѣсь началъ курсъ леченія минеральными водами. Цѣль отвѣта была предупредить Васъ, если Вы еще желаете слушать предупрежденія."

„То, что Ваша статья была предназначена лишь для Дробиша и для меня, Вы сообщаете мнѣ т е п е р ь! По статьѣ этого не было видно; наоборотъ, она казалась стремящейся

въ публику. Что изъ того совсѣмъ легко могло бы выйти, объ этомъ Вы должны были предвидѣть."

„Если бы я желалъ теперь Вамъ сказать что-нибудь пріятное о Вашей статьѣ, то это могло бы быть то, что Вы выбрали положеніе по отношенію ко мнѣ, какъ опытный полководецъ; именно съ этой стороны могло быть нападеніе, которое я не долженъ былъ оставить безъ вниманія, какъ это дѣлаютъ многіе другіе. Вы, конечно, знали, что я, коль скоро моя психологія и метафизика поставлены въ кажущееся взаимное противорѣчіе, не могу этого спокойно видѣть."

„Безспорно, Вамъ и каждому другому вполнѣ свободно принадлежитъ право испытать, достаточно ли мое изложеніе той и другой науки ихъ взаимно пронизываетъ, или нѣтъ. Но разъ при этомъ должно остаться дружественное отношеніе, то, конечно, необходима весьма большая осторожность, какъ въ формѣ изысканія, такъ и въ формѣ лекціи, дабы безъ основанія не смутить мнѣній.

„Почему образъ Вашей личности во мнѣ совсѣмъ измѣнился, „знаетъ только Богъ?" — Не такъ ужъ сильно это измѣненіе, какъ Вы думаете; во всякомъ случаѣ Вы не должны подозрѣвать никого третьяго. То однако несомнѣнно, что я еще раньше, чѣмъ извѣстный листъ отъ меня попалъ въ Ваши руки, изъ Вашихъ собственныхъ обнаруженій противъ меня въ письмахъ, сказалъ себѣ, что придетъ время, когда я долженъ буду выступить съ объясненіями противъ штрюмпелевской философіи. Можетъ быть я зналъ это раньше Васъ самихъ.

„Теперь позвольте мнѣ, какъ Вашему старому другу, высказать мое искреннее желаніе и просьбу, чтобы Вы въ Вашихъ отношеніяхъ были осторожнѣе, чѣмъ до сего времени. Въ другомъ мѣстѣ можетъ кончиться хуже, чѣмъ у меня. Не всегда удается съ самозащитой — и самосохраненіемъ. Коль скоро мы покидаемъ область реаловъ въ собственномъ смыслѣ, даетъ знать себя возмущеніе (Störung).

„Однако объ этомъ вопросѣ я не желаю впередъ вынудить Вашего рѣшенія. Просмотрите еще разъ мое письмо;

среди вопросовъ въ его концѣ третій покажетъ Вамъ, что Вы, коль скоро пожелали бы на него отвѣтить, имѣли бы въ своемъ распоряженіи нить къ нашему взаимному чисто научному объясненію.

„Прежде всего долженъ Васъ просить о Вашемъ адресѣ, дабы съ увѣренностью послать Вамъ Вашу статью обратно. Сообщите ли Вы тогда мнѣ подробнѣе о той формѣ, какъ вы предполагаете покинуть нѣмецкое общество, этого я буду ожидать. На самомъ дѣлѣ я начинаю вѣрить этому, такъ какъ Ваше перо, теперь по крайней мѣрѣ скорѣе, чѣмъ раньше, можетъ дать Вамъ возможность просуществовать литературнымъ трудомъ.

Вашъ Гербартъ."

Послѣ этого письма вскорѣ Гербартъ возвратилъ Штрюмпелю его рукописную статью со своими разъясненіями и замѣтками [1]), которыя однако не переубѣдили Штрюмпеля, и послѣдній пошелъ своею собственною дорогою въ области научныхъ изслѣдованій.

Подобно тому, какъ когда-то Гербартъ для разрѣшенія мучившихъ его философскихъ сомнѣній обратился къ практикѣ дѣла воспитанія, и Штрюмпель рѣшилъ провѣрить свои идеи путемъ наблюденіи надъ развитіемъ души ребенка подъ вліяніемъ обученія и воспитанія. Для этого Штрюмпель, при содѣйствіи своего пріятеля — профессора Дерптскаго университета Іеше, нашелъ себѣ въ 1835 г. мѣсто домашняго учителя у графа Медема въ Курляндіи, которое занималъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, воспитывая двухъ сыновей графа, а затѣмъ

1) Д-ръ Шпитцнеръ сообщилъ мнѣ, что означенная рукописная статья, содержанію которой много симпатизировалъ Дробишъ, была послана еще одному изъ учениковъ Гербарта — профессору Берлинскаго университета Кербаху, извѣстному издателю новаго критическаго изданія трудовъ Гербарта и „Monumenta Paedagogica", который эту рукопись не возвратилъ обратно. Годъ тому назадъ скончался проф. Кербахъ, и можетъ быть въ его бумагахъ, которыя еще не приведены въ порядокъ, найдется и эта рукопись.

онъ перешелъ домашнимъ учителемъ къ г-ну фонъ-деръ-Роопу, тоже въ Курляндіи, гдѣ оставался до 1843 г.

Д-ръ Шпитцнеръ на основаніи имѣющихся у него документовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ переходъ Штрюмпеля къ практической педагогической дѣятельности: „Не въ ‚сферы вселенной' хотѣлъ онъ устремить свой взоръ, чтобы выяснить и укрѣпить свои воззрѣнія, а въ ‚земную жизнь, городскую и домашнюю', чтобы сначала въ ихъ сферахъ понять, съ какимъ правомъ можно говорить о матеріальномъ и о духовномъ, гдѣ находится основаніе ихъ различія, какъ глубоко можетъ проникнуть разумъ, ‚чтобы психологически взвѣсить и объяснить возможность высшихъ продуктовъ человѣческаго духа: размышленія, избранія цѣлей, внутренняго нравственнаго законодательства и управленія' ".

Практическая дѣятельность Штрюмпеля въ роли воспитателя сыновей графа Медема и фонъ-деръ-Роопа дала ему много матеріала для размышленія: „полезные житейскіе опыты, душевныя заботы и радости, глубокозахватывающія побужденія къ самоиспытанію и самопознанію, въ особенности же къ научной оріентировкѣ въ наиболѣе тонкихъ соотношеніяхъ педагогической теоріи и практики". По различнымъ наброскамъ, сдѣланнымъ Штрюмпелемъ въ это время и сохранившимся до настоящаго времени (у д-ра Шпитцнера), можно заключить о замѣчательномъ стараніи Штрюмпеля въ выполненіи его воспитательскихъ обязанностей и объ его высокоталантливомъ умѣніи использовать опытный матеріалъ для построенія теоретическихъ воззрѣній. Такимъ образомъ явилась его замѣчательная работа, до сихъ поръ не напечатанная, „Der Begriff vom Individuum, herausgehoben aus dem Netze der praktischen Begriffe, welche der Pädagoge zu erzeugen hat", которую онъ представилъ лѣтомъ 1837 г. въ „Курляндское общество для литературы и искусства", при своемъ вступленіи въ члены этого общества. Главною же работою Штрюмпеля за означенный періодъ надо считать его сочиненіе „Kritik der Her-

bartschen Metaphysik", появившееся въ 1840 г., т. е. за годъ до смерти Гербарта.

Осенью 1843 г. Штрюмпель получилъ отъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа Крафтштрэма любезное приглашеніе выполнить необходимыя формальности для полученія званія приватъ-доцента Дерптскаго университета. Штрюмпель послѣдовалъ этому приглашенію и въ декабрѣ 1843 г. по защитѣ диссертаціи на званіе приватъ-доцента „de summi boni notione, qualem proposuit Schleiermacherus" былъ удостоенъ званія приватъ-доцента и въ январѣ 1844 г. открылъ уже курсъ лекцій по „Введенію въ философію, психологію и педагогику". Лекціи Штрюмпеля имѣли большой успѣхъ, и вслѣдствіе этого въ апрѣлѣ 1845 г. онъ получилъ экстраординарную профессуру теоретической и практической философіи и педагогики [1]). Въ апрѣлѣ 1849 г. Штрюмпель по-

1) Дѣло съ избраніемъ Штрюмпеля въ экстраординарные профессора прошло не особенно гладко. По видимому покровительство оказанное Штрюмпелю попечителемъ округа производило дурное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ членовъ совѣта. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, не смотря на весьма благопріятный отзывъ философскаго факультета о научной и педагогической дѣятельности Штрюмпеля, дѣло объ его избраніи въ одномъ засѣданіи совѣта (5 декабря 1844 г.) было отложено до января 1845 г. (вслѣдствіе желанія нѣкоторыхъ членовъ другихъ факультетовъ ознакомиться съ сочиненіями Штрюмпеля). 7 декабря 1844 года попечителемъ было сообщено совѣту, что министръ народнаго просвѣщенія, въ виду выдающихся достоинствъ Штрюмпеля, какъ ученаго и преподавателя, предлагаетъ совѣту занятся вопросомъ объ избраніи его въ экстраординарные профессора; въ тотъ же день ректоръ получилъ отъ попечителя предложеніе немедленно созвать совѣтъ для производства этого избранія. Совѣтъ, собравшись 11 декабря, обратился къ попечителю съ просьбой оставить въ силѣ постановленіе совѣта отъ 5 декабря, на что попечитель и согласился, предписавъ однако совѣту въ началѣ слѣдующаго семестра немедленно приступить къ избранію Штрюмпеля. Баллотировка состоялась 1 февраля 1845 г. — оказалось 13 избирательныхъ шаровъ и 13 неизбирательныхъ. Повтореніе баллотировки дало тотъ же результатъ. По обсужденіи этого дѣла въ комитетѣ министровъ, 23 апрѣля 1845 года послѣдовало Высочайшее повѣленіе о назначеніи Штрюмпеля экстраординарнымъ профессоромъ.

лучилъ, наконецъ, и ординарную профессуру по этой каѳедрѣ, которую онъ занималъ до 1871 г.

Штрюмпель читалъ въ Дерптскомъ университетѣ: логику и введеніе въ философію по Гербарту, педагогику по Гербарту и Вайцу, этику и философію права по собственному учебнику, психологію по Дробишу и Фолькману, философію религіи по Дробишу, метафизику по Гербарту и Гартенштейну, исторію философіи по Рейнгольду, исторію педагогики по Раумеру, этическія начала политической экономіи, кромѣ того онъ велъ практическія занятія въ педагогической семинаріи — по дидактикѣ и педагогикѣ.

Въ періодъ своей профессорской дѣятельности въ Дерптѣ Штрюмпель опубликовалъ слѣдующія сочиненія: Die Pädagogik der Philosophen Kant, Fichte, Herbart (1843), Die Vorschule der Ethik (844), Die Verschiedenheit der Kindernaturen (1844), Entwurf der Logik (1846), Die Universität und das Universitätsstudium (1848), Die Geschichte der griechischen Philosophie (1854—1861), Lehrpläne für Knabenelementarschulen des Dorpater Lehrbezirks mit den nötigen Erläuterungen und Ergänzungen, entworfen unter Mitwirkung erfahrener Schulmänner (1869), Erziehungsfragen (1869).

Однако, главную часть своихъ трудовъ за этотъ періодъ Штрюмпель посвящаетъ чисто практической педагогической дѣятельности по организаціи школьнаго дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Къ этой дѣятельности Штрюмпель былъ призванъ новымъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа — графомъ Кэйзерлингомъ, который сразу оцѣнилъ способности Штрюмпеля и его безграничную преданность дѣлу обученія и воспитанія юношества.

Кромѣ устройства педагогической семинаріи при университетѣ, Штрюмпель положилъ много заботъ на открытіе новыхъ школъ различныхъ типовъ и реорганизацію старыхъ гимназій, учительскихъ семинарій, окружныхъ училищъ, школъ для продолженія образованія (Fortbildungsschulen) и народныхъ школъ. Для этой цѣли Штрюмпель неоднократно ѣздилъ по

порученію русскаго правительства въ Германію, Швейцарію и Францію для изученія школьнаго дѣла и для приглашенія выдающихся педагоговъ для занятія преподавательскихъ мѣстъ въ школахъ прибалтійскаго края. На учительскихъ конференціяхъ Штрюмпель вырабатывалъ совмѣстно съ учителями новые учебные планы и обсуждалъ съ ними всевозможные вопросы педагогической практики.

Самъ Штрюмпель лично принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ обученія въ Дерптской учительской семинаріи и въ „Дерптской школѣ для продолженія образованія“. Кромѣ того, онъ читалъ многія публичныя лекціи и устраивалъ вечера для собесѣдованія съ родителями.

Эта плодотворнѣйшая дѣятельность Штрюмпеля въ дѣлѣ народнаго образованія въ январѣ 1871 г. должна была прекратиться. Штрюмпель выслужилъ 25-лѣтнюю пенсію и не былъ оставленъ на новое пятилѣтіе, такъ какъ при баллотировкѣ въ университетскомъ совѣтѣ получилъ 22 избирательныхъ шара изъ 37, а по уставу требовалось двѣ трети всѣхъ шаровъ.

Весною 1871 г. Штрюмпель переѣхалъ въ Лейпцигъ и началъ здѣсь второй періодъ своей академической дѣятельности въ качествѣ приватъ-доцента. 15-го іюля этого же года онъ былъ удостоенъ званія „ординарнаго почетнаго профессора“, а 30-го декабря былъ назначенъ „членомъ королевской испытательной комиссіи для кандидатовъ на высшія учительскія должности“.

Въ Лейпцигскомъ университетѣ Штрюмпель читалъ лекціи по весьма разнообразнымъ отдѣламъ философіи и педагогики: по исторіи философіи, логикѣ, психологіи, этикѣ, по философіи религіи и права, по общей и психологической педагогикѣ, по педагогической патологіи и др. Въ этихъ лекціяхъ Штрюмпель излагалъ весьма обоснованно и убѣдительно результаты своихъ собственныхъ изслѣдованій и многолѣтнихъ наблюденій изъ предыдущей практической дѣятельности. Замѣчательное краснорѣчіе и благороднѣйшія, въ высшей степени гуманныя

воззрѣнія Штрюмпеля собирали въ его аудиторію многочисленныхъ слушателей и приковывали сердца молодежи къ вдохновеннымъ рѣчамъ талантливаго лектора. Извѣстность Штрюмпеля, какъ выдающагося ученаго и блестящаго оратора, вскорѣ распространилась за предѣлы университетскихъ сферъ, и многія общества стали его приглашать для чтенія рефератовъ: болѣе 40 рефератовъ на различныя темы его спеціальности были имъ прочитаны такимъ образомъ — въ торговомъ и учительскомъ ферэйнахъ, въ Шреберовскихъ ферэйнахъ, въ консерваторіи, въ концертномъ залѣ и т. д.

Большую пользу принесла дѣятельность Штрюмпеля при Лейпцигскомъ университетѣ также дѣлу подготовки молодыхъ силъ для практики обученія. Въ 1872 г. въ лѣтнемъ семестрѣ Штрюмпель организовалъ при университетѣ практическія занятія по педагогикѣ и велъ ихъ безъ перерыва въ теченіе 34 семестровъ. На этихъ практическихъ занятіяхъ обсуждались всевозможные педагогическіе вопросы, какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Особенно много разнообразія вносилось въ практическія занятія, благодаря участію въ нихъ многихъ педагоговъ-практиковъ — изъ учителей народныхъ школъ, которые приносили сюда на безпристрастный судъ науки и философіи самые животрепещущіе вопросы школьнаго дѣла.

„Теорія и практика должны были идти рука объ руку и разстояніе между ними должно было по возможности уменьшаться научными путями“ — говоритъ д-ръ Шпитцнеръ объ этихъ практическихъ занятіяхъ. „Штрюмпель выше всего цѣнилъ“, говоритъ его бывшій ученикъ, директоръ семинаріи д-ръ Кааль, „свободу научнаго мышленія. Штрюмпель былъ совершенно чуждъ того старовѣрчества, того односторонняго слѣдованія собственному мнѣнію, той нетерпимости, однимъ словомъ — всего того, чѣмъ нѣкоторые изъ гербартіанцевъ, и не менѣе другихъ Циллеръ, принесли столько вреда гербартовскому направленію. У него каждый взглядъ могъ быть свободно вы-

сказываемъ, если только для дѣла онъ имѣлъ хотя нѣкоторое значеніе. Вслѣдствіе всего этого его практическія занятія столь сильно возбуждали ихъ соучастниковъ къ самодѣятельности.“

Характеръ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждались на практическихъ занятіяхъ Штрюмпеля, прекрасно изображаютъ изданія „Pädagogische Abhandlungen von Mitgliedern des von Professor Strümpell geleiteten wissenschaftlich-pädagogischen Praktikums“. Въ VI томѣ этихъ трудовъ, въ предисловіи, профессоръ Вендтъ приводитъ такъ сказать символъ вѣры учениковъ Штрюмпеля: „Мы чтимъ Гербарта и признаемъ направленіе его ученика Штрюмпеля за самый цѣлесообразный путь къ развитію и усовершенствованію гербартовской педагогики; но мы не приносимъ присяги на вѣрность словамъ Гербарта, а также и не составляетъ свойства нашего учителя — мнѣнія, не сходныя съ его воззрѣніями, объявлять несовмѣстимыми съ понятіями психологической педагогики.“

26-го апрѣля 1894 года Штрюмпель отпраздновалъ 25-тилѣтній юбилей своей академической дѣятельности при Лейпцигскомъ университетѣ. Маститый юбиляръ, имѣвшій уже 82-хъ лѣтній возрастъ, получилъ множество самыхъ теплыхъ привѣтствій отъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, являвшихся лично къ юбиляру или присылавшихъ свои привѣтствія изъ различныхъ мѣстъ Германіи и другихъ странъ.

Послѣ означеннаго юбилея Штрюмпель еще 5 лѣтъ бодро продолжалъ свою научно-педагогическую дѣятельность при Лейпцигскомъ университетѣ до своей кончины, послѣдовавшей 18-го мая 1899 года.

Мы не будемъ подробно разбирать всѣхъ весьма разнообразныхъ печатныхъ трудовъ Штрюмпеля, а ограничимся лишь краткимъ очеркомъ его наиболѣе оригинальныхъ изслѣдованій по психологической педагогикѣ. Слѣдующую же главу мы посвятимъ исключительно изслѣдованіямъ Штрюмпеля о педагогическихъ недостаткахъ дѣтей и въ ней мы покажемъ, что эти изысканія являются результатомъ строго послѣдовательнаго развитія великой гербартовской идеи о прерыв-

ной математической закономѣрности, которая въ настоящее время весьма подробно разработана трудами Московской математической школы и особенно Н. В. Бугаевымъ. Мы увидимъ, что не Штрюмпель отступилъ отъ главнаго основанія всей гербартовской философіи и педагогики, а самъ Гербартъ въ своей психолодіи увлекся простотою, точностью и механичностью изслѣдованій помощью математическаго анализа и впалъ даже въ нѣкоторое противорѣчіе со своими остальными воззрѣніями, на что было указано однимъ изъ критиковъ гербартовской психологіи — Фридрихомъ Ланге въ его сочиненіи „Geschichte des Materialismus“ (1866). Послѣдній говоритъ, что при наличности душевнаго механизма, какъ въ психологіи Гербарта, мы имѣли бы самое надежное доказательство физической закономѣрности всѣхъ психическихъ явленій, къ чему и стремится матеріализмъ. Штрюмпель въ своихъ „законахъ психическаго механизма“ исправляетъ увлеченія своего учителя, вводя въ закономѣрность психическаго механизма идеи прерывности и комбинацій въ подробномъ изложеніи четвертаго закона „образованія рядовъ“ (Gesetz der Reihenbildung), т. е. тѣ идеи, которымъ самъ Гербартъ придавалъ громадное значеніе въ другихъ отдѣлахъ своей философіи и въ педагогикѣ, но пренебрегъ въ своей психологіи, и которыя лежатъ въ основѣ новой математической науки — аритмологіи. Кромѣ того, Штрюмпель идетъ дальше и для объясненія высшихъ психическихъ явленій считаетъ необходимымъ разсматривать еще закономѣрности цѣлей или немеханическія нормирующія закономѣрности, которымъ въ математикѣ соотвѣтствуютъ закономѣрности, изучаемыя въ теоріи вѣроятностей.

Всѣ эти важныя дополненія гербартовскихъ изслѣдованій впервые были приведены Штрюмпелемъ въ систему въ его сочиненіи „Psychologische Pädagogik“ (1880 г.), содержаніе котораго мы изложимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ.

„Психологическая педагогика“ Штрюмпеля содержитъ 26 главъ и представляетъ собою въ общемъ изложеніе психоло-

гическихъ вопросовъ, имѣющихъ особенное значеніе для педагогики; вслѣдствіе этого означенному сочиненію болѣе подходящимъ названіемъ было бы „педагогическая психологія“.

Въ главахъ 1—13 излагаются основы психологіи на гербартовскихъ началахъ съ дополненіями самого Штрюмпеля. Главы 14 и 15 (Die Bildsamkeit des Kindes) служатъ переходомъ ко второй части, и въ нихъ выясняется, что основной идеѣ педагогики „способности ребенка къ образованію“ (die Bildsamkeit des Kindes) могутъ удовлетворить предыдущія воззрѣнія на психологическія явленія. Дальнѣйшія главы устанавливаютъ внутреннюю связь вопросовъ педагогики и психологіи, а также развиваютъ подробно дополненія Штрюмпеля къ гербартовской психологіи.

Изъ главъ первой части особенно важны: глава 7 — „Послѣдовательная и одновременная дѣятельность представленій. Механическій и нормированный ходъ представленій“, глава 8 — „Психическія причинности“ и глава 11 — „Границы психическаго механизма“. Въ этихъ главахъ Штрюмпель является горячимъ противникомъ матеріализма съ его стремленіемъ физическаго объясненія всѣхъ явленій духовнаго міра, но въ то же время онъ считается съ фактами, даваемыми матеріализмомъ при указаніи связи психической дѣятельности и сопутствующихъ ей физическихъ явленій. Въ главѣ 11, особенно въ ея концѣ, ясно устраняется Штрюмпелемъ всякое противорѣчіе между дѣйствующимъ механически „психическимъ механизмомъ“ и „немеханически дѣйствующими психическими причинностями“ [1]). Здѣсь же Штрюмпель поясняетъ нормирующую дѣятельность высшихъ психическихъ

1) Конецъ этой главы изображаетъ соотношеніе тѣлесныхъ и душевныхъ процессовъ человѣка почти тожественно съ полученнымъ совершенно независимо математическими соображеніями представленіемъ этого соотношенія въ моемъ сочиненіи „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы“, стр. 36. Юрьевъ. 1905.

причинностей по отношенію къ механически дѣйствующимъ причинностямъ аналогіей съ нормирующею дѣятельностью человѣка въ природѣ, когда послѣдній, пользуясь силами природы, направляетъ ихъ сообразно своимъ цѣлямъ, какъ это прекрасно изображено неизвѣстнымъ поэтомъ въ отвѣтѣ человѣка суровой природѣ въ стихотвореніи [1]), цитируемомъ Н. В. Бугаевымъ, а можетъ быть имъ же самимъ составленномъ.

Болѣе опредѣленное соотношеніе и совмѣстное существованіе въ процессахъ человѣческаго организма физико-механическихъ причинностей и немеханически дѣйствующихъ свободныхъ причинностей Штрюмпель разъясняетъ въ главѣ 18-й въ тѣхъ строкахъ, которыя приведены ниже дословно.

Во второй части разсматриваемаго сочиненія Штрюмпеля наиболѣе важною является глава 18 — „Законы психической причинности, пока она имѣетъ лишь механическій характеръ“. Эта глава даетъ точныя указанія законовъ міра душевныхъ представленій, еще ненормированнаго высшими душевными факторами, и составляетъ дополненіе къ главѣ 6, гдѣ былъ уже отмѣченъ прерывный, аритмологическій характеръ этого міра: движеніе, связь, раздѣленіе, сопротивленіе и уступчивость (Nachgiebigkeit) представленій разсматривались въ главѣ 6, какъ формальныя условія психической причинности.

Штрюмпель устанавливаетъ здѣсь четыре закона:

1. Законъ косности (инерціи) представленій и связанныхъ съ ними душевныхъ состояній (Das Gesetz der Beharrung), заключающійся въ томъ, что каждое состояніе души само по себѣ стремится быть неизмѣннымъ [2]).

---

1) См. „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 45, 1898 г. или въ моемъ сочиненіи: „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія“. 2-ое изд. Юрьевъ. 1904 г.

2) У Н. В. Бугаева, въ его монадологіи, имѣется этотъ законъ, но разчлененный на три закона: законъ косности, законъ монадологической солидарности и законъ капитализаціи прошлаго. Другіе законы Штрюмпеля въ явной формѣ не выражены въ монадологіи Бугаева.

Изъ этого закона вытекаютъ такія слѣдствія: a) не требуется допущенія никакой особой „силы души“, какъ, напримѣръ памяти, чтобы сохранить содержаніе сознанія — ощущенія, представленія, понятія, чувствованія и т. д. Услышанный тонъ звучалъ бы вѣчно въ душѣ, перенесенная боль чувствовалась бы вѣчно, если бы каждое изъ этихъ состояній было только одно въ душѣ. b) Тотъ фактъ, что наше духовное состояніе не все находится въ одно время въ сферѣ сознанія, обусловливается дѣйствіемъ другихъ причинъ — существованіемъ другихъ законовъ, которымъ душа должна подчиняться одновременно съ закономъ косности. c) Каждое состояніе души по отношенію къ другимъ въ силу косности обусловливаетъ сопротивленіе, т. е. дѣйствуетъ какъ сила, благодаря чему создаются опредѣленныя отношенія между состояніями души. d) Величина силы сопротивленія прежде всего можетъ быть принята пропорціональной силѣ сознанія или интенсивности дѣйствительно пережитаго душею въ данномъ состояніи, т. е. величинѣ участія инертной души въ данномъ ея состояніи. Изъ этого положенія должны исходить всѣ педагогическія правила и совѣты, на основаніи которыхъ развиваютъ самостоятельность воспитанника, дѣлаютъ ему что-нибудь наглядными и яснымъ, приводятъ его къ пониманію разсказаннаго и продуманнаго и, наконецъ, на основаніи которыхъ возбуждаютъ у воспитанника вниманіе, сочувствіе и углубленіе въ себя. e) Если какое-нибудь состояніе души изъ сознательнаго переходитъ подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ причинъ въ безсознательное, то по устраненіи этихъ причинъ состояніе души принимаетъ прежній сознательный характеръ. Слѣдовательно, совершенно излишне понятіе о самостоятельной душевной силѣ воспоминанія. Возникновеніе въ сознаніи прежняго состоянія души происходитъ какъ естественное стремленіе послѣдняго въ силу закона косности, коль скоро изчезаетъ для него принужденіе со стороны выйти изъ сферы сознанія.

Въ отношеніи къ представленіямъ означенное стремленіе можно условно назвать „душевною способностью репродукціи“. Терминъ Гербарта „свободно поднимающееся представленіе“ вполнѣ соотвѣтствуетъ разсматриваемому случаю. f) Наконецъ, изъ закона косности слѣдуетъ, что состоянія души, сдѣлавшись безсознательными, продолжаютъ однако вліять на сознательное душевное содержаніе и сохраняютъ, по мнѣнію Штрюмпеля, причинныя связи, которыми обладали въ сферѣ сознанія. Такимъ образомъ, сознательное душевное содержаніе детерминируется также и пережитыми душею состояніями. Отсюда вытекаетъ подтвержденіе способности души къ образованію“, какъ способности „перехода отъ неопредѣленности къ постоянству“ (Гербартъ), ибо пережитое душею въ силу вышесказаннаго, въ нѣкоторой степени опредѣляетъ ея настоящее и будущее.

2. Законъ смежности (Das Gesetz der Continuität), заключающійся въ томъ, что въ силу постулата Гербарта душа есть существо простое, недѣлимое, а посему всѣ душевныя состоянія имѣютъ взаимную связь, такъ сказать, лежатъ смежно другъ съ другомъ. Но дальше изъ словъ самого Штрюмпеля мы увидимъ, что ни терминъ „непрерывности“ (Continuität), ни терминъ, нѣсколько нами измѣненный, „смежности“ не подходятъ для 2-го закона. Здѣсь вполнѣ подходитъ другой болѣе общій математическій терминъ — терминъ „аритмологической зависимости“; это выяснится изъ дальнѣйшихъ словъ Штрюмпеля.

Изъ 2-го закона слѣдуетъ, во-первыхъ, что не требуется никакой особенной способности или силы „синтеза“ для того, чтобы установилась связь между ощущеніями, представленіями и другими отдѣльными состояніями души, такъ какъ всякое временное проявленіе единства сознанія есть естественное слѣдствіе реальнаго единства души. Затѣмъ, Штрюмпель выводитъ и другія детальныя слѣдствія изъ 2-го закона объ единствѣ сознаніи помимо всякихъ контрастовъ и противоположностей ощущеній, представленій и стрем-

леній, особенно входитъ онъ въ детали сліянія и соединенія (Verschmelzungen und Complexionen) представленій, и вытекающія отсюда усиленія или ослабленія способности сопротивленія однихъ представленій другимъ.

3. Законъ исключенія (Das Gesetz der Ausschliessung), состоящій въ томъ, что каждому содержанію сознанія принадлежитъ единственный самостоятельный актъ, исключающій всякій другой. Изъ этого закона прежде всего, какъ слѣдствіе, вытекаетъ объясненіе исчезанія представленія. Затѣмъ, изъ него совмѣстно съ закономъ смежности вытекаетъ необходимость для представленія нѣкотораго комплекса стремиться въ сферу сознанія, если одно изъ послѣднихъ уже находится въ сферѣ сознанія. И т. д.

4. Законъ образованія рядовъ (Das Gesetz der Reihenbildung), состоящій въ томъ, что подобныя представленія, т. е. имѣющія нѣкоторыя тождественныя части, образуютъ рядъ представленій. Подъ рядомъ представленій здѣсь надо понимать извѣстное число приведенныхъ въ порядокъ представленій, такъ что послѣдовательность ихъ идетъ постоянно по опредѣленному правилу и вызывается сознаніе этой совмѣстной связи ихъ по опредѣленному правилу и въ опредѣленномъ порядкѣ. Штрюмпель выясняетъ большое значеніе этого душевнаго закона, безъ котораго мы не могли бы имѣть никакого представленія о порядкѣ или правилѣ въ массѣ міровыхъ явленій. „Въ законѣ образованія рядовъ“, говоритъ Штрюмпель, „лежитъ первый регулятивный принципъ, который, будучи самъ механическимъ, вліяетъ властно на психическій механизмъ и понуждаетъ его образовывать въ продуктахъ то, что непосредственно не содержится въ факторахъ послѣдняго“.

Далѣе (стр. 229—232), мы находимъ въ разсматриваемомъ сочиненіи дѣйствительно классическое мѣсто — по глубинѣ мысли почтеннаго автора, которое позволимъ себѣ привести здѣсь дословно. Здѣсь выясняется именно свободо-

связность, аритмологичность[1]) психическаго механизма, дающая возможность высшимъ, не механически дѣйствующимъ причинностямъ проявлять свою нормирующую дѣятельность, дающая возможность человѣку проявлять свободу воли.

„Конечно должна существовать опредѣленная связь между двумя группами причинностей, изъ которыхъ одна представляетъ господствующую въ душѣ физическую необходимость, другая же — высшую, стоящую надъ физической необходимостью возможность дѣйствія и страданія души. Въ другомъ мѣстѣ была уже неоднократно выдвинута и обоснована та мысль, что всѣ механическія явленія служатъ собственно лишь для того, чтобы дать возможность проявленію болѣе глубокаго душевнаго содержанія и такимъ образомъ вызвать къ жизни содержанія сознанія и формы, въ которыхъ душа запечатлѣваетъ свою интеллектуальность (intelligible Natur) и получаетъ возможность шествовать дальше по пути высшаго и болѣе совершеннаго развитія. Когда выступаютъ эти новыя содержанія сознанія и формы, кромѣ непринимаемой нами покамѣстъ во вниманіе причинности расположенія духа (Kausalität der Stimmung), начинаютъ свою дѣятельность тѣ причинности, которыя мы по ихъ особенностямъ различали, какъ логическую, эстетическую, нравственную и какъ причинность самоопредѣленія. Между этими послѣдними и причинностями механическими долженъ существовать, какъ было уже сказано, промежуточный членъ, въ которомъ, съ одной стороны, механизмъ продолжаетъ дѣйствовать дальше, съ другой — условіе новыхъ причинностей также содержится“.

„Роль этого посредничества въ исторіи временнаго развитія души сообщается тремъ законамъ — смежности, исключенія и образованія рядовъ и именно каждому особеннымъ образомъ, при томъ сообщается она такъ, что каждый изъ нихъ

---

1) Позволяю себѣ рекомендовать читателю прочесть конецъ этой главы еще разъ послѣ прочтенія слѣдующей гл. II.

воспринимаетъ нѣкоторое участіе въ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ немеханическихъ причинностей".

„Законъ смежности имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что содержанія сознанія, ощущенія и представленія соединяются такимъ образомъ и попадаютъ въ такія извилины (Abläufe), что душа, когда все это придетъ въ полный покой, въ этомъ и черезъ это погружается въ состояніе эстетическихъ чувствованій. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, дѣлается возможнымъ проявленіе эстетической причинности" [1]).

„Законъ исключенія имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что душа, коль скоро происходитъ исключеніе между двумя или нѣсколькими содержаніями сознанія, переживаетъ черезъ это логическое чувствованіе. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, является возможность проявленію логической причинности".

„Законъ образованія рядовъ имѣетъ преимущественно то послѣдствіе, что онъ отчасти дополняетъ и расширяетъ, какъ дѣйствія смежности и исключенія, такъ и чувствованія эстетическія и логическія, отчасти же даетъ душѣ побужденіе преобразовать ихъ въ опредѣленныя содержанія представленія и перевести ихъ изъ міра чувствованій въ міръ понятій. Вслѣдствіе этого законъ образованія рядовъ вліяетъ развивающе на дѣйствія эстетическихъ и логическихъ причинностей, въ чемъ даетъ себя знать его выдающееся значеніе, какъ для эстетическаго, такъ и для интеллектуальнаго продолженія образованія (Fortbildung) души. Его значеніе для интеллектуальнаго образованія, т. е. для появленія и преумноженія знаній и познаній истинъ, выражается въ дѣйствительности въ томъ обстоятельствѣ, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи

1) Это будетъ гораздо понятнѣе, если „законъ смежности" назвать „закономъ аритмологической зависимости", какъ было мною предложено выше. Этотъ новый терминъ, собственно говоря, охватываетъ собою и „законъ образованія рядовъ".

большая часть знаній и познаній, какъ это имѣетъ мѣсто въ точныхъ наукахъ, получается логическимъ образованіемъ (Fortbildung) извѣстныхъ рядовъ, какъ именно рядовъ пространственныхъ и числовыхъ. Это значеніе закона образованія документируется особенно сильно тѣмъ, что почти всѣ объяснительныя науки, прежде чѣмъ достигнуть этого высшаго логическаго характера, работали надъ систематизаціей ихъ матеріала, т. е. подъ дѣйствіемъ закона образованія рядовъ, и что въ этихъ работахъ умъ также испыталъ первыя и продолжительныя радости и отчасти еще испытываетъ и теперь. Но съ другой стороны законъ образованія рядовъ претендуетъ на особое предпочтеніе, потому что онъ способствуетъ также появленію въ душѣ нравственной причинности и посему особенно важенъ для нравственнаго и правового образованія. Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что примитивныя нравственныя чувствованія имѣютъ ихъ начало сполна въ дѣйствіи рядовъ, образующихся среди представленій съ активною тенденціей, т. е. среди желаній и волевыхъ возбужденій. Это будетъ яснѣе, если обратить вниманіе на то, что всѣ отношенія между содержаніями сознанія, которыя обыкновенно носятъ спеціальныя названія соотношеній или пропорцій, также подходятъ подъ понятіе ряда. Нравственныя чувства преобразуются черезъ наиболѣе выразительное образованіе рядовъ въ нравственныя сужденія, а эти въ свою очередь логическою дѣятельностью снова систематизируются въ рядовой порядокъ“.

„Наконецъ, связь причинности самоопредѣленія съ психическимъ механизмомъ заключается въ томъ фактѣ, что послѣдній собираетъ представленія въ нѣкоторую группу, изъ которой проистекаетъ сознаніе утвержденія или отрицанія. Коль скоро эти представленія налицо, они могутъ сами сдѣлаться силами, такъ что будетъ проявляться то сознаніе утвержденія, то сознаніе отрицанія. Но для того, чтобы это могло произойти, долженъ быть обоимъ доставленъ

матеріалъ, а для этого служитъ также все то, что произведено другими причинностями. Къ послѣднему же принадлежитъ несомнѣнно тотъ фактъ, что человѣкъ чувствуетъ то влеченіе къ благоденственному состоянію (Wohlsein), то отталкиваніе отъ причиняющаго боль состоянія (Wehesein), онъ слѣдуетъ то однимъ мотивамъ, то противоположнымъ, то эстетическому сужденію, то голосу своей совѣсти, и какъ часто одно или другое появляется, можетъ выступить также познаніе, что утвердить и къ чему отнестись отрицательно, вмѣстѣ съ тѣмъ — что выдвинуть какъ желательное и что — какъ нежелательное. Отсюда ясно, что лишь въ самоопредѣленіи находитъ свое окончательное завершеніе соотношеніе между механическими и свободно дѣйствующими причинностями, такъ какъ въ актахъ самоопредѣленія принимаютъ участіе всѣ остальныя причинности".

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи содержанія остальныхъ главъ „Психологической педагогики" Штрюмпеля, которыя въ общемъ посвящены выводу различныхъ слѣдствій изъ предыдущихъ психологическихъ изслѣдованій, — слѣдствій, имѣющихъ значеніе для педагогики.

На изложенныхъ нами въ краткихъ чертахъ воззрѣніяхъ Штрюмпеля на взаимоотношенія тѣлесныхъ и духовныхъ процессовъ въ человѣкѣ построена также его замѣчательная классификація педагогическихъ недостатковъ дѣтей въ сочиненіи „Die pädagogische Pathologie".

Въ слѣдующей главѣ IV-й мы покажемъ, что означенную классификацію можно также вывести, исходя изъ понятій объ аритмологическихъ и вѣроятностныхъ причинностяхъ, слѣды которыхъ имѣются уже въ педагогическихъ изслѣдованіяхъ Гербарта и теорія которыхъ особенно подробно разработана въ трудахъ Московской математической школы. Такимъ образомъ, мы установимъ общее математическое основаніе педагогическихъ системъ Гербарта и Штрюмпеля.

ГЛАВА II.

Педагогическая патологія Штрюмпеля и ея отношеніе къ педагогикѣ Гербарта [1]).

> Воспитатель долженъ во всѣхъ случаяхъ придерживаться непрерывно естественныхъ потенцій, лежащихъ въ наличныхъ фактическихъ соотношеніяхъ, какъ-то: въ индивидуальности, въ семьѣ, въ обычаяхъ и привычкахъ, въ наклонностяхъ и интересахъ и т. д.; онъ долженъ приспособить свои цѣли къ опредѣленному такимъ образомъ фактически ходу развитія, даже въ томъ случаѣ, если онъ съ ними находится въ оппозиціи.
>
> Штрюмпель [2]).

Въ моей статьѣ „Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmologischen Gesetzmässigkeit in Natur- und Geisteswissenschaften“ [3]) были указаны слѣды понятія аритмологической или прерывной закономѣрности въ изслѣдованіяхъ двухъ Дерптскихъ профессоровъ: Г. Тэйхмюллера и Александра ф. Эттингена. Изслѣдованія Штрюмпеля, въ которыхъ причинныя зависимости этого рода получили уже громадное практическое значеніе, были мнѣ совсѣмъ не извѣстны и съ ними я познакомился лишь послѣднее время.

Въ настоящее время я нашелъ и первоисточникъ всѣхъ этихъ идей бывшихъ дерптскихъ профессоровъ Штрюмпеля, Эттингена и Тэйхмюллера, которые столь мужественно вели борьбу противъ сильнаго, господствовавшаго теченія послѣд-

---

1) Содержаніе этой главы предполагалось къ напечатанію въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ во вновь учреждаемомъ журналѣ „Vierteljahrsschrift für pädagogische Untersuchungen“, который предназначается, главнымъ образомъ, для изслѣдованій въ направленіи Штрюмпеля. Вслѣдствіе задержки, происшедшей съ изданіемъ этого журнала, моя статья напечатана въ журналѣ „Zeitschrift für Philosophie und Pädagogik“. H. 11, 12 — 1906, H. 1 — 1907.

2) См. статью д-ра Шпитцнера въ „Neue Jahrbücher“ von Teubner. II. Abteilung. 1899. S. 543.

3) Въ журналѣ „Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie und Sociologie. 1904“.

няго полустолѣтія, выразившагося въ физико-механическомъ представленіи міровыхъ явленій, и изслѣдованія которыхъ вслѣдствіе этого едва признаются точною наукою даже въ настоящее время.

Означенный первоисточникъ находится въ геніальныхъ философскихъ изслѣдованіяхъ Гербарта. Отсюда почерпнулъ свои замѣчательныя идеи и развилъ ихъ до громаднаго практическаго значенія ученикъ Гербарта — Штрюмпель. Отсюда же извлекъ многія положенія своего классическаго сочиненія „Moralstatistik“ А. ф. Эттингенъ, хотя не непосредственно, а лишь изъ различныхъ сочиненій Дробиша.

Независимо отъ Гербарта шло развитіе идеи аритмологической закономѣрности въ трудахъ Московской математической школы. Здѣсь эта идея была весьма подробно разработана благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ въ области теоріи чиселъ и теоріи вѣроятностей, произведеннымъ академикомъ Чебышевымъ, профессорами: Давидовымъ, Цингеромъ, Лѣтниковымъ, Бугаевымъ, Некрасовымъ и другими членами Московскаго Математическаго Общества.

Въ этой главѣ я имѣю въ виду вкратцѣ изложить нѣкоторые результаты указанныхъ изслѣдованій Московской математической школы и изъ нихъ, какъ слѣдствіе, вывести классификацію Штрюмпеля для педагогическихъ недостатковъ дѣтей, попутно же я покажу явные слѣды этихъ идей въ трудахъ Гербарта, на которыхъ въ сущности построена вся философія и педагогика послѣдняго, и лишь его математическая психологія представляетъ нѣкоторое отклоненіе отъ этихъ общихъ основаній.

Физическія причинности подлежатъ непосредственному опытному изслѣдованію и посему въ существованіи ихъ не приходится сомнѣваться. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ причинностями духовной жизни, которыя почти не поддаются внѣшнему опытному изученію и изслѣдованіе которыхъ по необходимости должно исходить изъ фактовъ внутренняго со-

знанія. Этотъ методъ однако не вполнѣ признается точной наукой, и посему возникающія изъ него понятія многими учеными считаются просто за иллюзію человѣческаго воображенія.

Блестящее развитіе физическихъ наукъ въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи вполнѣ естественно побудило ученыхъ попытаться примѣнить шаблоны физическихъ изслѣдованій также и въ наукѣ о духѣ, часто безъ достаточнаго критическаго отношенія. Такимъ образомъ произошли въ наукѣ о духѣ всевозможныя парадоксальныя гипотезы, которыхъ слѣдствія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Многіе ученые и философы стали утверждать, что всѣ міровыя явленія подчинены лишь законамъ физическихъ причинностей и что другихъ причинностей совсѣмъ не существуетъ. Какъ слѣдствіе изъ этого, явилось отрицаніе свободной воли и всѣхъ идеальныхъ стремленій человѣка: добро и зло, красота, справедливость стали разсматриваться какъ иллюзіи человѣческаго воображенія. Отсюда же явились въ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени столь распространенныя фаталистическія и пессимистическія воззрѣнія на все человѣческое существованіе. Матеріализмъ или детерминизмъ есть общее названіе всѣхъ этихъ научныхъ и философскихъ стремленій, получившихъ въ настоящее время столь господствующее значеніе и претендующихъ на названіе точной науки.

Однако, мало по малу, ученые стали замѣчать, что физико-механическое представленіе міровыхъ явленій ведетъ къ слѣдствіямъ, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и исключаютъ вполнѣ естественныя этическія и эстетическія стремленія человѣка. Нѣкоторыми учеными было допущено, „что существуетъ такая дѣятельность души, которая совершенно обособленно отъ другихъ состояній и проявленій можетъ ввести въ настоящее содержаніе сознанія изъ себя самой нѣкоторое состояніе или проявленіе и при томъ безъ всякаго посторонняго содѣйствія“ [1]). Допущеніе такой дѣятельности

1) Эти слова и нижеприведенныя взяты изъ „Psychologische Pädagogik“ Штрюмпеля. См. стр. 83.

ведетъ къ понятію о трансцендентальной свободѣ воли и къ ученію о трансцендентальномъ идеализмѣ. „Причина такого допущенія“, говоритъ Штрюмпель, „заключается въ томъ, что дѣйствующія наряду съ механическими — другія, особыя, психическія причинности не были достаточно подмѣчены, и было рѣшено устранить деспотическую власть механизма простымъ ея отрицаніемъ и допущеніемъ душевной дѣятельности, стоящей внѣ всякой связи съ фактами сознанія. Наше изложеніе однако показало, что рядомъ съ механизмомъ существуютъ въ душѣ еще и другія причинности, которыя также какъ и механизмъ вырабатываютъ нѣчто новое, однако не слѣпо и безсознательно дѣйствующими основаніями, а черезъ содержанія, въ которыхъ проявляются въ сознаніи части самой сущности души, выходящія изъ предѣловъ наличнаго и его механизма сообразно съ ихъ значеніемъ и черезъ ихъ значеніе (welche über das Tatsächliche und dessen Mechanismus wegen ihres Wertes und durch ihren Wert hinausgehen)“.

Эти слова Штрюмпеля достаточно [1]) характеризуетъ философское направленіе, которое идетъ главнымъ образомъ отъ Гербарта и которому, по моему мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ названіе „реалъ-идеализма“. Это направленіе, можно сказать, красною нитью проходитъ черезъ всѣ изслѣдованія Гербарта (въ противовѣсъ детерминизму и трансцендентальному идеализму), но его значеніе особенно выдвигается Гербартомъ въ вопросахъ педагогики, хотя не въ столь явной формѣ какъ у Штрюмпеля. Напримѣръ, въ своемъ критическомъ очеркѣ „Ueber das Verhältnis des Idealismus zur Pädagogik“ Гербартъ говоритъ [2]):

„Случайно пришлось мнѣ какъ-то снова просмотрѣть „Рѣчи“ Фихте „къ нѣмецкой націи“. Весьма охотно я останавливаюсь на этомъ дѣйствительно блестящемъ моментѣ его

1) Болѣе ясно это изложено въ словахъ Штрюмпеля, приведенныхъ въ концѣ предыдущей главы.

2) Hartenstein'sche Ausgabe Bd. XI. S. 325.

жизни. Его нравственная энергія, жизненный принципъ его ученія болѣе подходилъ именно для дѣятельности среди громадной опасности, чѣмъ для теоріи. И въ 1808 г. онъ имѣлъ случай себя оправдать, ибо его свободное, мужественное ученіе стало тогда дѣйствіемъ".

„Онъ сказалъ свое слово во время, однако это же время опредѣлило и его мысли. Песталоцци процвѣталъ, и Фихте, не предвидя истиннаго успѣха ни въ надеждахъ, ни въ сомнѣніяхъ, вдругъ сталъ педагогомъ. Конечно, весьма трудная метаморфоза для идеалиста!"

„Первое, что онъ преподнесъ, были обнаруженія полнѣйшаго детерминизма, также черезчуръ утрированныя, какъ и его ученіе о свободѣ. Новое воспитаніе, въ противоположность старому, будто должно рѣшительно и непогрѣшимо, по правиламъ образовывать и опредѣлять дѣйствительныя жизненныя побужденія и дѣйствія ея воспитанниковъ. Будто въ разсчетѣ на свободную волю воспитанника лежитъ первая погрѣшность прежняго воспитанія, ясное признаніе его безсилія и ничтожества".

Точно также въ своей рѣчи „Ueber Erziehung unter öffentlicher Mitwirkung" Гербартъ говоритъ [1]):

„Не только въ дѣйствительно-существующихъ государствахъ, но главнѣйшимъ образомъ въ идеѣ государства, какъ послѣднее должно быть, весьма важно дать себѣ ясный отчетъ правильнаго совмѣстнаго дѣйствія многихъ и различныхъ лицъ въ отношеніи управленія и культуры. Кто этого не сдѣлалъ, тотъ, конечно, долженъ быть погруженъ въ мечтанія Руссо, которыя не потому мечтанія, что не выполнимы, но потому, что не должны и не смѣютъ (dürfen) быть выполненными. Вѣдь свобода и равенство Руссо есть равный произволъ всѣхъ; неравенство Платона есть подчиненіе всѣхъ разуму и долгу".

Наконецъ, въ „Umriss der pädagogischen Vorlesungen" (Einleitung § 3) Гербартъ высказываетъ свой строгій приго-

1) Ibid. S. 367.

воръ о недопустимости детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ области педагогики:

„Философскія системы, въ которыхъ воспринятъ фатализмъ или трансцендентальная свобода, сами собою исключаются изъ педагогики. Вѣдь онѣ не могутъ безъ непослѣдовательности вмѣстить въ себѣ понятія о способности къ образованію (Bildsamkeit), которое указываетъ на переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству (zur Festigkeit)“.

Для того, чтобы наиболѣе рѣшительнымъ образомъ обнаружить недопустимость детерминистическихъ и трансцендентально-идеалистическихъ воззрѣній въ наукахъ о духѣ, обратимся къ математикѣ, какъ наукѣ, въ которой вылилась вся спекулятивная мощь человѣческаго духа. Гербартъ неоднократно выдвигаетъ въ своихъ трудахъ громадное значеніе математики при критической оцѣнкѣ философскихъ обобщеній и абстракцій: „обязанность математики“, говоритъ онъ, „предотвращать опасности философіи“. Точно также высоко оцѣнилъ математическія понятія другой знаменитый знатокъ человѣческой души — Фридрихъ Фрёбель, положившій ихъ въ основаніе своего безсмертнаго метода „дѣтскихъ садовъ“ для воспитанія дѣтей младшаго возраста.

„Человѣческій духъ“, говоритъ Фрёбель, „и математика также нераздѣльны, какъ чувствованія человѣка (Menschengemüt) и религія“. „Форма, величина, число“, говоритъ онъ же [1]), „столь важны для жизни, для пониманія ея формъ и образовъ, для прозрѣнія въ ихъ внутреннее содержаніе“.

Собственно говоря, математика есть ничто другое, какъ ученіе о всевозможныхъ математически мыслимыхъ формахъ причинностей, т. е. математика есть точная наука о причинностяхъ.

Хотя въ математикѣ исподволь строятся все новыя и новыя формы причинностей, чисто теоретически, помимо вся-

---

1) Frau Dr. H. Goldschmidt, Ideen über weibliche Erziehung. Motto zum 5. Vortrag.

кихъ практическихъ цѣлей, тѣмъ не менѣе эта въ высшей степени отвлеченная работа нашего духа имѣетъ какую-то таинственную цѣлесообразность, такъ какъ ея результаты непрестанно находятъ столь блестящія примѣненія въ другихъ наукахъ, изъ которыхъ многія имѣютъ также громадное практическое значеніе. Вышеприведенныя слова Фрёбеля о нераздѣльности человѣческаго духа и математики вполнѣ разъясняютъ означенную таинственную цѣлесообразность и значеніе отвлеченно построенныхъ въ математикѣ шаблоновъ по отношенію къ другимъ сферамъ дѣятельности человѣческаго духа.

Въ 1900 г. мнѣ удалось доказать [1]), что построенная химиками съ большимъ трудомъ и послѣ многихъ споровъ атомистическая структурная теорія, которая дала почти всѣ блестящія открытія современной химіи, своими формальными методами вполнѣ совпадаетъ съ весьма спеціальнымъ отдѣломъ математики — съ символическою теоріею инваріантовъ. Въ этой главѣ я имѣю въ виду установить подобный же фактъ относительно основъ гербартовскаго философскаго и педагогическаго направленія, въ особенности въ изслѣдованіяхъ Штрюмпеля, и относительно философско-математическихъ основъ весьма разнообразныхъ изслѣдованій Московской математической школы.

Если весьма спеціальныя теоріи математики имѣютъ уже громадное значеніе для другихъ наукъ, то мы имѣемъ полное право разсчитывать, что лежащая въ основѣ всей математики классификація математически построенныхъ причинностей можетъ служить намъ руководящей нитью при разсмотреніи научно-философскаго міровоззрѣнія съ его системою разнообразныхъ причинностей, подобно тому какъ геометрическая классификація пространственныхъ формъ служитъ намъ при наблюденіи безконечно-разнообразныхъ формъ и образовъ природы.

---

1) На русскомъ языкѣ изложено въ журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества за 1901 г. — въ статьѣ „О совпаденіи методовъ формальной химіи и символической теоріи инваріантовъ“.

Эта аналогія даетъ намъ поводъ разсматривать всю математику, какъ геометрію формъ и образовъ въ сферѣ физическихъ и духовныхъ причинностей.

Въ математикѣ каждая причинная связь между двумя или многими перемѣнными величинами x, y, z . . . . устанавливается при помощи математическихъ операцій, и понятіе „причинности“ переводится въ понятіе „функціи“. Для выясненія этого мы приведемъ слѣдующій простой примѣръ:

Если какому-нибудь тѣлу сообщить нѣкоторое количество x тепла, то его температура y измѣнится. Причина измѣненія температуры y лежитъ въ тепловомъ качествѣ тѣла и въ количествѣ x, сообщаемой ему теплоты. Для математическаго построенія этой причинной связи между x и y надо найти такую математическую функцію (т. е. нѣкоторый комплексъ математическихъ операцій), которая устанавливала бы то же соотношеніе между x и y, какое въ нашемъ примѣрѣ устанавливается тепловымъ качествомъ тѣла.

Если мы обозначимъ черезъ k удѣльную теплоту тѣла (т. е. количество k теплоты нагрѣваетъ 1 фунтъ даннаго тѣла на 1^0), черезъ p — вѣсъ тѣла въ фунтахъ, черезъ y_0 — температуру тѣла до нагрѣванія, то по сообщеніи тѣлу количества x тепла его температура y будетъ опредѣляться формулой:

$$y = y_0 + \frac{x}{kp.}$$

Въ этой формулѣ x называютъ независимой перемѣнной, а y — зависимой перемѣнной или функціей отъ x. (Въ общемъ, если y есть какая-нибудь функція отъ x, то пишутъ $y = f(x)$, или $y = F(x)$, или $y = \varphi(x)$ и т. д.).

Подобно предыдущему, дѣйствующія при расширеніи совершенныхъ газовъ причинности изображаются формулой:

$$v = \frac{v_0 p_0}{p}\left(1 + \frac{1}{273}t\right),$$

въ которой v_0, p_0 суть объемъ и давленіе, соотвѣтствующіе

температурѣ 0^0, а v, p — объемъ и давленіе при t^0. Это такъ называемый законъ Гэй-Люссака въ связи съ закономъ Маріотта. Здѣсь v есть функція двухъ независимыхъ перемѣнныхъ p и t.

Мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи безчисленныхъ типовъ математическихъ функцій, а ограничимся лишь ихъ главной классификаціей, которая приводитъ къ дѣленію всей математики на два громадныхъ отдѣла — на математическій анализъ и аритмологію.

Если независимое перемѣнное x измѣняется непрерывно, то зависимое перемѣнное y можетъ измѣняться или непрерывно, или же прерывно (скачкообразно). Въ первомъ случаѣ y называется непрерывною функціей отъ x, во второмъ — прерывной функціей отъ x.

Отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи перваго рода, называется математическимъ анализомъ; отдѣлъ математики, въ которомъ изучаются функціи второго рода, называется аритмологіей.

Функція, представляющая въ вышеприведенномъ примѣрѣ измѣненіе температуры тѣла, есть функція непрерывная, но существуютъ также функціи прерывныя. Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить весьма детально изученная Бугаевымъ функція $y = \mathrm{E}\varphi(x)$, имѣющая то значеніе, что y равняется цѣлому числовому значенію $\varphi(x)$ [1]). Для большей ясности мы разсмотримъ весьма простой случай, когда $\varphi(x)$ есть выраженіе $2x + 3$, т. е. разсмотримъ функцію $y = \mathrm{E}(2x + 3)$, которая имѣетъ числовыя значенія, равныя цѣлымъ числамъ среди числовыхъ значеній $2x + 3$. Если $x = 0$, то $y = 3$; если $x = 0{,}5$, то $y = 4$.

Если же x получаетъ какое-нибуть значеніе между 0 и 0,5, то y неизмѣнно остается при значеніи 3. Отсюда

1) E обозначаетъ первую букву французскаго слова „entier“. Теоріи функцій этого типа посвящены многія изслѣдованія Бугаева, напечатанныя въ различныхъ томахъ „Математическаго Сборника“.

слѣдуетъ, что непрерывному измѣненію x между 0 и 0,5 соотвѣтствуетъ постоянное значеніе $y = 3$, которое дѣлаетъ скачекъ на значеніе $y = 4$, когда $x = 0{,}5$. Такимъ же образомъ идетъ измѣненіе x и y дальше: x постоянно измѣняется непрерывно, а y при этомъ или остается неизмѣннымъ, или измѣняется скачками по цѣлымъ числамъ 4, 5, 6, 7 и т. д., соотвѣтствующимъ всѣмъ значеніямъ x въ промежуткахъ 0,5 и 1, 1 и 1,5 и 2, 2 и 2,5, и т. д.

Подобное соотношеніе существуетъ въ области физіологическихъ явленій между раздраженіемъ и ощущеніемъ: каждое ощущеніе (y) можетъ быть результатомъ многихъ раздраженій, или одного раздраженія (x), мѣняющагося въ извѣстныхъ предѣлахъ[1]).

Функціи вида $y = E\varphi(x)$, въ которыхъ одно перемѣнное измѣняется непрерывно, а другое — прерывно, называются полуаналитическими. Но существуютъ также функціи, въ которыхъ оба перемѣнныхъ измѣняются прерывно. Послѣднія функціи суть аритмологическія функціи въ собственномъ смыслѣ; примѣрами такихъ функцій могутъ служить числовыя функціи, въ которыхъ и независимое перемѣнное, и сама функція могутъ имѣть лишь цѣлыя числовыя значенія, т. е. могутъ измѣняться скачками по цѣлымъ числамъ.

Гербартъ придавалъ громадное значеніе изученію извѣстныхъ въ то время немногихъ аритмологическихъ функцій, что видно, напримѣръ, изъ его статьи „Pestalozzi's Idee eines ABC der Anschauung“, гдѣ онъ подробно разсматриваетъ числовыя функціи теоріи соединеній и теоріи фигурныхъ чиселъ[2]).

---

1) А. Годыцкій-Цвирко. Точное выраженіе закона Вебера-Фехнера съ помощью прерывныхъ функцій. Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. 82. 1906 г. (Эта статья содержитъ примѣненія теорія функцій $E\varphi(x)$.

2) Hartenstein'sche Ausgabe. Bd. XI, S. 112—116, 234—241. О значеніи соединеній на стр. 461 (Aphorismen zur Pädagogik).

Теорія непрерывныхъ функцій, или математическій анализъ, заимствовала изъ понятія непрерывности и связаннаго съ нимъ понятія предѣловъ ея могущественный методъ безконечно-малыхъ величинъ или дифференціальное и интегральное исчисленія.

Этотъ отдѣлъ математики, благодаря работамъ геніальныхъ математиковъ послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтій, достигъ уже весьма высокой степени развитія. Аритмологія же вслѣдствіе гораздо большей сложности ея вопросовъ, касающихся весьма разнообразныхъ формъ прерывности, въ своемъ развитіи значительно отстала отъ анализа. Наиболѣе разработанною является та часть ея, которая трактуетъ о свойствахъ функцій цѣлыхъ чиселъ и которая называется теоріей чиселъ. Лишь послѣднее время аритмологія вступаетъ въ новую фазу своего развитія и начинаетъ разсматривать вопросы болѣе общаго характера.

Кромѣ анализа и аритмологіи математика имѣетъ еще два значительныхъ отдѣла: геометрію и теорію вѣроятностей, къ которымъ вполнѣ примѣнимы методы анализа и аритмологіи. Геометрія обладаетъ также и самостоятельными методами. Теорія вѣроятностей или точная наука о случайныхъ явленіяхъ, напротивъ того, до сихъ поръ еще не выработала самостоятельныхъ методовъ и ограничивается лишь примѣненіями методовъ анализа и аритмологіи.

Вполнѣ естественно то, что математическій анализъ, вслѣдствіе своего быстраго развитія, играетъ въ настоящее время господствующую роль среди различныхъ примѣненій математики. Съ его помощію развились механика, астрономія, физика и, наконецъ, новый отдѣлъ химіи — физическая химія или химическая энергетика. Въ этомъ и кроется, по мнѣнію Бугаева, причина того, что современныя систематизаціи явленій природы носятъ слѣдующіе слѣды непрерывныхъ функцій: 1) непрерывность явленій; 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ; 3) возможность понимать и оцѣнивать явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ; 4) возможность складывать

элементарныя явленія въ одно цѣлое; 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать для всѣхъ будущихъ моментовъ времени.

Эти характерныя черты аналитическихъ причинностей и составляютъ какъ разъ сущность современнаго научно-философскаго міровоззрѣнія. Онѣ явились какъ понятія, безусловно необходимыя для примѣненія математическаго анализа къ изученію природы.

Послѣ того какъ аналитическое міровоззрѣніе утвердилось въ основныхъ наукахъ о природѣ и сообщило послѣднимъ общность и универсальность, оно стало входить постепенно въ привычку людей науки и проникать въ біологію, психологію и даже соціологію. Попытка Дарвина установить законъ непрерывнаго происхожденія видовъ есть ничто другое, какъ слѣдствіе сдѣлавшагося обычнымъ въ наукѣ аналитическаго міровоззрѣнія.

Универсальность и безусловная необходимость или фатальная неизбѣжность суть характерныя черты аналитическихъ причинностей. Наоборотъ, индивидуальность и свобода сопутствуютъ аритмологическую причинность, что особенно ясно видно на измѣненіи функціи $y = E\varphi(x)$ Бугаева.

Мы видѣли въ примѣрѣ $y = E(2x + 3)$, что каждому индивидуально стоящему значенію y (3, 4, 5 . . .) соотвѣтствуютъ свободно измѣняющіяся въ предѣлахъ 0 и 0,5, 0,5 и 1, 1 и 1,5 значенія x.

Блестящія открытія въ физикѣ и астрономіи, полученныя въ послѣднія два, три столѣтія примѣненіемъ математическаго анализа, доказываютъ вполнѣ ясно то, что физическія и астрономическія явленія носятъ характеръ универсальности и фатальной неизбѣжности, иначе они не помѣстились бы въ рамки непрерывныхъ функцій, въ схемы математическаго анализа.

Остальныя явленія, разсматриваемыя въ химіи, біологіи, психологіи и соціологіи, требуютъ уже преимуще-

ственнаго примѣненія методовъ аритмологіи, такъ какъ въ нихъ замѣтна роль индивидуальности и свободы. Конечно, совсѣмъ нѣтъ основанія навязывать этой категоріи явленій понятія универсальности и фатальной неизбѣжности, необходимыхъ лишь для примѣненій анализа и непригодныхъ для методовъ аритмологіи. Къ сожалѣнію, исторія развитія химіи, наукъ біологическихъ и соціальныхъ даетъ много примѣровъ навязыванія этимъ наукамъ, наперекоръ дѣйствительности, чуждыхъ имъ понятій непрерывныхъ причинностей. Это удалось мнѣ особенно ясно показать относительно химіи.

Въ цѣломъ рядѣ работъ, особенно же подробно въ ранѣе указанной статьѣ въ Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общества, доказано мною, что химическія изслѣдованія, не смотря на старанія знаменитаго французскаго химика Бертолле ихъ механизировать и вдвинуть въ схемы математическаго анализа, сами собою выбились на путь аритмологическій и такимъ образомъ обнаружили прерывный характеръ химическихъ причинностей.

Просматривая труды Гербарта по метафизикѣ, я недавно нашелъ и у него (Hartenstein'sche Ausgabe, Bd. II, S. 468—473) довольно пространную критику изслѣдованій Бертолле, основанную на идеѣ о прерывности. Это обстоятельство навело меня на мысль о значеніи указанной идеи для всего гербартовскаго направленія, и дальнѣйшее изученіе трудовъ Гербарта подтвердило мнѣ справедливость этой мысли относительно всей философіи Гербарта, за исключеніемъ его психологіи.

Съ этой точки зрѣнія геній Гербарта почти сто лѣтъ тому назадъ прозрѣлъ, что воззрѣнія Бертолле чужды характеру химическихъ явленій, и позднѣйшее развитіе химіи вполнѣ оправдало мысли Гербарта. Именно теорія соединеній, которой Гербартъ приписывалъ столь большое значеніе въ дѣлѣ обученія, въ ея дальнѣйшемъ развитіи въ формѣ атомистической структурной теоріи обусловила быстрое блестящее развитіе химіи за послѣднія 30 лѣтъ.

Однако самъ Гербартъ въ своихъ математико-психоло-

гическихъ изслѣдованіяхъ отступилъ отъ общей идеи своей философіи и сдѣлалъ ошибку, подобную ошибкѣ Бертолле: онъ попытался примѣнить къ изслѣдованію психическихъ процессовъ методы математическаго анализа, вслѣдствіе чего ему пришлось навязать всѣмъ психическимъ процессамъ излишнюю механичность, впасть въ несвойственный его философіи матеріализмъ. Эти изслѣдованія Гербарта вполнѣ вѣрны лишь для низшихъ психическихъ явленій, какъ показываютъ изслѣдованія Штрюмпеля, высшіе же процессы требуютъ методовъ теоріи соединеній или вообще аритмологическихъ пріемовъ, такъ какъ въ направленіи механико-аналитическомъ ни Гербарту, ни его послѣдователю Дробишу изучить ихъ не удалось. Въ нѣкоторомъ отношеніи математическую психологію Гербарта можно уподобить, по ея въ общемъ громадному значенію для психологіи, элементарной геометріи Эвклида, которая хотя и имѣетъ колосальное значеніе для всѣхъ геометрическихъ изысканій, однако ея принципы пришлось расширить и дополнить при изученіи высшихъ геометрическихъ вопросовъ, и такимъ образомъ появились новые отдѣлы геометріи: аналитическая геометрія, геометрія безконечно-малыхъ величинъ, высшая геометрія, числовая геометрія и, наконецъ, неэвклидова геометрія или воображаемая геометрія Лобачевскаго. Если сравнительно простые геометрическіе вопросы потребовали столь много научныхъ системъ для ихъ изслѣдованія, то безъ всякаго сомнѣнія область психическихъ явленій не можетъ быть сполна изучена математическими методами Гербарта, тѣмъ болѣе что послѣдніе носятъ черезчуръ механическій характеръ. Это понялъ 23-лѣтній ученикъ Гербарта — Штрюмпель и сталъ стремиться дополнить математическую психологію своего учителя извѣстными уже намъ новыми принципами немеханическаго характера.

Если даже химическіе атомы для изслѣдованія ихъ свойствъ потребовали аритмологическихъ методовъ, допускающихъ проявленіе свободы и индивидуальности изучаемыхъ элементовъ, то безспорно подлежатъ изслѣдованію по схемамъ аритмологіи

свойства и взаимоотношенія элементовъ біологическихъ и соціальныхъ, обладающихъ еще болѣе сложными индивидуальными свойствами и несомнѣнными началами свободы.

Знаменитая теорія Дарвина въ дальнѣйшихъ своихъ примѣненіяхъ служитъ прекраснымъ примѣромъ навязыванія міру живыхъ существъ неисчерпывающей всѣхъ его свойствъ непрерывной закономѣрности. И дѣйствительно, въ настоящее время въ біологіи вырабатываются уже аритмологическія теоріи — мутаціонная теорія де-Вриза и теорія гетерогенезиса покойнаго академика Коржинскаго. Все это было уже четверть вѣка тому назадъ категорически предсказано Тэйхмюллеромъ при помощи спекулятивныхъ соображеній, отчасти математическаго характера, въ его знаменитой критикѣ дарвинизма [1]).

Что касается соціологіи, то здѣсь много заблужденій и много совершенно превратныхъ воззрѣній на все человѣческое существованіе внесъ кетлеизмъ, происшедшій изъ неправильныхъ постулатовъ „соціальной физики“ знаменитаго бельгійскаго астронома и соціолога Кетле.

Само названіе „соціальная физика“ характеризуетъ сполна заблужденія, созданныя кетлеизмомъ. Попытка навязать соціальнымъ явленіямъ при ихъ изслѣдованіи шаблоны физическихъ причинностей, со свойственною послѣднимъ непрерывною закономѣрностію и фатальною неизбѣжностью, создала столько печальныхъ заблужденій, которыя уже болѣе полустолѣтія тяготѣютъ надъ интеллигентными классами. Эти заблужденія произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе отрицанія свободы воли и свободы дѣйствія человѣка и подчиненія послѣдняго фатальной необходимости.

Александръ ф.-Эттингенъ основательно возражалъ на неправильныя допущенія кетлеизма въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Moralstatistik“ [2]). Н. В. Бугаевъ показалъ при-

1) Darwinismus und Philosophie. Dorpat. 1877.

2) Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für eine Socialethik. 3. Auflage. 732-|-CLII стр. Erlangen. 1882.

веденными выше вкратцѣ философско-математическими изслѣдованіями, что понятіе свободы не исключается математическимъ детерминизмомъ, если въ послѣднемъ приняты въ разсчетъ аритмологическія функціи.

П. А. Некрасовъ совершенно разрушилъ эти заблужденія, доказавъ строго математически, что свобода воли человѣка не только совмѣстима съ грандіозною закономѣрностію соціальныхъ явленій, но есть даже conditio sine qua non существованія этой закономѣрности. Это замѣчательное предложеніе П. А. Некрасовъ получилъ, какъ прямое слѣдствіе изъ главнаго условія теоремы Чебышева о среднеариѳметической нѣсколькихъ величинъ: „Случайныя массовыя событія должны быть независимыми другъ отъ друга; только въ этомъ случаѣ примѣненіе средне-ариѳметической даетъ вѣрные результаты, въ противномъ же случаѣ — никогда“.

Такъ какъ результаты примѣненія средне-ариѳметической къ явленіямъ соціальнымъ дали правильныя, повторяющіяся изъ года въ годъ числа, то надо признать, что въ человѣческой дѣятельности имѣется такой факторъ, который раціонально изолируетъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Для поясненія этого разсмотримъ слѣдующій наглядный примѣръ.

Если въ какомъ-нибудь большомъ городѣ число пожаровъ отдѣльныхъ домовъ повторяется изъ года въ годъ лишь съ небольшими отклоненіями, то на основаніи главнаго условія теоремы Чебышева мы можемъ утверждать, что городъ имѣетъ раціонально организованную изоляцію (брандмауэрами, значительными разстояніями, хорошими пожарными средствами и т. д.), т. е. что пожаръ одного дома есть случайное явленіе, независимое отъ пожара сосѣдняго дома.

Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ методовъ теоріи вѣроятностей — аритмологическій методъ среднихъ величинъ примѣнимъ только въ томъ случаѣ, когда случайныя событія соціальной жизни матеріально разграничены, индивидуализированы, а ихъ связь остается лишь внѣ нашего чувственнаго міра, связь метафизическая, однако вполнѣ закономѣрная, такъ

какъ она поддается точному изслѣдованію при помощи теоріи вѣроятностей. Эта связь р а ц і о н а л ь н а я, потому что она, какъ мы видимъ, познается при помощи теоріи вѣроятности, которая, по словамъ Л а п л а с а, „есть ничто другое, какъ здравый смыслъ переложенный на счеты: она доставляетъ средства опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не отдавая себѣ сознательнаго отчета“. Слѣдовательно, случайныя явленія въ соціальной жизни людей, кажущіяся на первый взглядъ неподчиненными никакому закону, при ближайшемъ разсмотрѣніи обладаютъ закономѣрностью, но закономѣрностью совсѣмъ особаго характера, не основанною на законѣ причинности, а покоющеюся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ ограниченному уму человѣка абсолютнымъ Интеллектомъ.

Несмотря на то, что эти новыя формы причинностей, проявляемыхъ духовною жизнью людей, подлежатъ аритмологическимъ и даже аналитическимъ методамъ изслѣдованія, для нихъ будутъ несомнѣнно выработаны спеціальные вѣроятностные методы, которые дадутъ возможность еще глубже проникнуть въ ихъ таинственныя свойства.

Современная теорія вѣроятностей убѣждаетъ насъ лишь въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые наиболѣе простые случаи этихъ формъ причинностей мыслимы математически. Въ геометріи тоже имѣются спеціальные вопросы, которые не поддаются рѣшенію съ помощью аналитическихъ и аритмологическихъ методовъ, а требуютъ особыхъ чисто геометрическихъ пріемовъ изслѣдованія.

Наши предыдущія изслѣдованія приводятъ насъ къ тому заключенію, что всего существуетъ т р и г л а в н ы х ъ класса математическихъ причинностей: 1) а н а л и т и ч е с к і я или н е п р е р ы в н ы я, 2) а р и т м о л о г и ч е с к і я или п р е р ы в н ы я и 3) в ѣ р о я т н о с т н ы я или с в о б о д н ы я п р и ч и н н о с т и с ъ х а р а к т е р о м ъ т е л е о л о г и ч е с к и м ъ.

Дабы избѣжать вредной односторонности въ научныхъ

изслѣдованіяхъ явленій физическихъ и духовныхъ, необходимо имѣть въ виду всѣ эти три главныхъ класса математически мыслимыхъ причинностей. Съ такой точки зрѣнія сложнѣйшіе въ мірѣ процессы — жизненные процессы человѣка могутъ быть представлены безъ противорѣчій слѣдующей схемой.

Уже физіологическіе процессы человѣка должны подлежать дѣйствію весьма разнообразныхъ аритмологическихъ причинностей, такъ какъ даже химическіе процессы, какъ мы показали выше, носятъ аритмологическій характеръ. Факторы внѣшняго міра могутъ дѣйствовать на физіологическій механизмъ человѣка только въ томъ смыслѣ, что послѣдній въ извѣстные моменты принужденъ совершать вполнѣ опредѣленныя движенія, въ другіе же промежутки времени, повторяющіеся даже весьма часто, направленіе движенія можетъ быть неопредѣленнымъ — или въ одну сторону, или въ другую, или въ третью и т. д., при томъ безъ малѣйшаго нарушенія физическихъ законовъ. Такія причинныя соотношенія съ извѣстной долей свободы знакомы намъ изъ разсмотрѣнія функціи $y = E(2x + 3)$.

Подобное представленіе свободныхъ явленій міра, хотя въ довольно примитивной и неясной формѣ, мы находимъ у Гербарта въ его предисловіи ко 2-му тому метафизики: „Повсюду (въ его метафизикѣ) будетъ обнаруживаться, что объясненіе міра явленій подобно разрѣшенію уравненія съ помощью ихъ невозможныхъ корней, которые, хотя и невозможны, однако должны быть точно и вѣрно опредѣлены, дабы вычисленіе пунктуально достигло его цѣли“.

Въ вышеуказанныхъ критическихъ промежуткахъ времени, въ которыхъ направленіе движущагося подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ факторовъ физіологическаго механизма остается неопредѣленнымъ, это направленіе выбирается взвѣшиваніемъ цѣлей, т. е. чисто духовной работой души и безъ примѣненія матеріальной энергіи. Здѣсь жизненный процессъ протекаетъ,

слѣдовательно, въ томъ или другомъ направленіи подъ дѣйствіемъ причинностей вѣроятностныхъ.

Означенные критическіе моменты въ движеніи физіологическаго механизма, которые столь благопріятны для свободнаго дѣйствія человѣка, могутъ быть весьма часты, если организація индивидуума достигаетъ сравнительно высокой степени развитія, и весьма рѣдки, если индивидуумъ находится на низшей ступени развитія организма или если онъ обладаетъ различными тѣлесными недостатками.

Эти разсужденія приводятъ насъ прямо къ первой группѣ педагогическихъ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля:

1. Группа недостатковъ, проистекающихъ изъ преобладанія тѣлесныхъ вліяній надъ психическими процессами.

Наши предыдущія изслѣдованія вполнѣ выясняютъ, какое „преобладаніе тѣлесныхъ вліяній на психическіе процессы“ имѣется въ виду въ этой формулировкѣ Штрюмпеля. Низкое качество связи матеріальныхъ элементовъ живого организма, съ преобладаніемъ физическихъ, т. е. непрерывныхъ причинностей, похищаетъ у организма свободу проявленія его психическихъ свойствъ, давитъ его духовную самостоятельность и самодѣятельность и заставляетъ его быть игрушкой суровой физической природы. Такое именно „преобладаніе“ вліяній мертвой природы надъ психическими процессами въ живомъ организмѣ характеризуетъ первую штрюмпелевскую группу недостатковъ.

Въ своей „Die pädagogische Pathologie“ (S. 201) Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе виды относящихся сюда недостатковъ дѣтей, съ которыми приходится считаться при обученіи и воспитаніи:

Изнѣженность, вялость, недостатокъ тѣлесной подвижности, любовь къ удобству, инертность, лѣность. — Застѣнчивость, наклонность къ плачу, къ испугу, къ боязни, слабость — въ смыслѣ большой чувствительности и чрезмѣрной раздражимости,

вообще многія проявленія такъ называемой нервозности, которая уже у дѣтей бываетъ нерѣдко. — Недостатокъ чувствительности по отношенію внѣшнихъ вліяній какъ толчокъ, давленіе; нечистоплотность (Unreinlichkeit) именно въ отношеніи Secretionsorgane. — Лакомство, вообще наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, половыя заблужденія. — Вспыльчивость, кипятливость (sich leicht ereiferndes, aufbrausendes Wesen), наклонность сердиться, наклонность вдругъ разсердиться, частое удрученное состояніе и упадокъ духа, чрезмѣрная рѣзкость въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ, слишкомъ неспокойное поведеніе, т. е. не быть въ состояніи смирно сидѣть или стоять, спокойно держать руки, пальцы и т. д., распущенность, смѣхъ не во время, неудержимая веселость. — Своеволіе съ шумными движеніями, съ крикомъ и плачемъ. — Недостатокъ или совершенное отсутствіе сочувствія печалямъ, страданіямъ, радостямъ другихъ. — Холодность (Empfindungskälte), наклонность къ жестокости, вообще грубость въ различныхъ видахъ. — Часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Къ этой же группѣ Штрюмпель относитъ принадлежащіе болѣе медицинской патологіи недостатки: *истерическія явленія, идіотическія состоянія* и въ особенности всѣ случающіеся также въ дѣтскомъ возрастѣ *психозы*.

„Изъ самой сущности предположеннаго источника этихъ недостатковъ“, говоритъ Штрюмпель, „слѣдуетъ то, что обыкновенные недостатки этой группы должны быть отнесены къ различіямъ *тѣлесной конституціи*, прирожденнаго — des Naturells (также темперамента, если о немъ можетъ быть рѣчь относительно дѣтей), также аффектовъ, наклонностей, инстинктивныхъ стремленій (Triebe), чувственныхъ стремленій, страстей, задержекъ и ускоренностей движеній, вообще они должны быть отнесены также къ различіямъ въ состояніи тѣлеснаго здоровья. Здѣсь находитъ себѣ дѣйствительное оправданіе изреченіе „mens sana in corpore sano“, которое выражаетъ не цѣль педагогики, но существенное условіе, при

которомъ воспитаніе можетъ надѣяться достигнуть своихъ видовъ и цѣлей наиболѣе надежнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого съ означенными недостатками должно имѣть дѣло, наиболѣе и главнымъ образомъ при сообщеніи тѣлу силы и при укрѣпляющемъ тѣло и душу управленіи (Regierung) ребенкомъ".

Въ полномъ согласіи съ этими принципами Штрюмпеля находятся педагогическія воззрѣнія Бугаева, которыя были высказаны послѣднимъ въ Высочайше учрежденной комиссіи по преобразованію средней школы [1]) и которыя суть прямые и послѣдовательно продуманные выводы изъ философско-аритмологическихъ изслѣдованій покойнаго математика. Въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ Бугаевъ является горячимъ поборникомъ того, чтобы школа озаботилась воспитаніемъ и развитіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, потому что ощущенія даютъ реальное содержаніе и конкретную форму нашимъ представленіямъ, а, слѣдовательно, и нашимъ понятіямъ и сужденіямъ. Для развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ прежде всего требуется гигіеническій уходъ за ихъ отправленіемъ, а затѣмъ — упражненіе этихъ органовъ при помощи изученія такихъ предметовъ, гдѣ приходится прибѣгать къ наблюденію дѣйствительности, природы, дѣлать описанія, сравненія, гдѣ имѣются формы и краски. Даже общими мускульными упражненіями нельзя пренебрегать, такъ какъ они способствуютъ правильному развитію всего организма вообще и органовъ внѣшнихъ чувствъ въ частности.

„Здоровье, внѣшнія чувства и эмоціи, правильно развитыя воспитаніемъ и наблюденіемъ", говоритъ Бугаевъ, „это та черноземная почва, на которой покоятся и самыя дарованія и великіе таланты".

---

1) Труды этой комиссіи въ настоящее время напечатаны. Нѣкоторыя цитаты словъ Бугаева имѣются въ моемъ сочиненіи: „Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма Московской математической школы. Юрьевъ 1905."

„Только на почвѣ правильно развитыхъ внѣшнихъ чувствъ можетъ сформироваться и большой здравый смыслъ — элементъ, столь необходимый для всякой личной и общественной жизни“.

„Повторяю, плохо развитыя внѣшнія чувства ослабляютъ содержаніе и силу интеллектуальныхъ проявленій человѣка“.

„Мало того, они притупляютъ и развитіе многихъ эмоцій, и въ особенности одной наиболѣе важной эмоціи — эстетической. Недаромъ говорятъ нѣкоторые художники, что искусство есть мышленіе въ образахъ“.

„Какъ же правильно развиться эстетическому чувству, если за мышленіемъ или вовсе не стоитъ, или стоитъ блѣдный и безсодержательный образъ“.

Продолжимъ наши изслѣдованія о дѣятельности человѣческаго организма и разсмотримъ форму связи физіологическаго механизма съ душою. Послѣдняя, по Гербарту, есть существо реальное и въ соединеніи съ тѣлеснымъ механизмомъ она даетъ новый подвижной механизмъ, который Штрюмпель называетъ психическимъ механизмомъ; это есть ничто другое, какъ комплексъ представленій, образуемыхъ въ душѣ физіологическими процессами.

Низкое качество соединеній въ этомъ механизмѣ обусловливаетъ вторую группу недостатковъ по классификаціи Штрюмпеля:

2. Группа недостатковъ, обусловливаемая нарушеніями равновѣсія (Störungen und Alterationen) и дефектами, которые появляются въ психическомъ механизмѣ изъ внутреннихъ основаній.

Штрюмпель перечисляетъ главнѣйшіе педагогическіе недостатки, относящіеся къ этой группѣ:

Затрудненное и недостаточное удержаніе видѣннаго, слышаннаго, вообще воспринятаго внѣшними чувствами, трудное и медленное заучиваніе наизусть. Затрудненное и медленное воспоминаніе, частое появленіе неправильной репродукціи, частое

смѣшиваніе одного съ другимъ въ актѣ представленія, слабая ограниченная и медленная репродукція, хотя быстрое схватываніе и удержаніе представленій, но и быстрое забываніе, и другіе, такъ называемые, недостатки памяти. — Слишкомъ быстрое теченіе представленій и скачкообразные переходы однихъ въ другія. Безсмыслепная (ausschweifende) фантазія, наклонность къ фантазмамъ (Phantasmen), съ чѣмъ родственны смѣшные и между ними также возбуждающіе юморъ поступки дѣтей. — Невнимательность въ первичномъ смыслѣ, т. е. слабое и недостаточное увеличеніе дѣятельности представленія и отсюда же, такъ сказать, безпросвѣтность представленнаго, поверхностное отношеніе при смотрѣніи и слушаніи, вообще поверхностное разсмотрѣніе и наблюденіе. — Болтливость, наклонность вмѣшиваться въ разговоры (Naseweisheit). Наклонность къ разсѣянности, при чемъ представленія блуждаютъ безъ опредѣленныхъ мотивовъ, забывчивость, перебѣганіе съ одного на другое (Flüchtigkeit) вслѣдствіе недостаточнаго углубленія въ представленіе. — Недостатокъ фантазіи среди представленій воспоминанія, т. е. трудность представить отсутствующее, недостатокъ фантазіи пространства, времени, чиселъ и ритма, неправильное или недостаточное чувство порядка какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Затрудненное и медленное пониманіе обыденной рѣчи вслѣдствіе недостаточнаго воспріятія (Perception) или недостаточнаго усвоенія (Apperception). — Затрудненное и медленное пониманіе грамматической и логической связи представленій, т. е. трудное образованіе понятій. — Недостатокъ воспріимчивости для новыхъ представленій, отсутствіе интереса къ чему-нибудь, отсутствіе концентраціи актовъ представленій, выходящихъ изъ предѣловъ самыхъ обыкновенныхъ, т. е. отвердѣніе представленнаго безъ перехода въ стремленіе (интересъ), отвращеніе къ духовной работѣ, лѣность въ мышленіи. — Безпомощность даже въ самыхъ обыкновенныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, неловкость при отсутствіи всякаго тѣлеснаго недостатка. — Нерѣшимость, блужданія безмотивныхъ представленій уже во время появленія

желанія. Недостатокъ памяти въ желаніяхъ. Капризы (Launenhaftigkeit) вслѣдствіе слишкомъ большого или слишкомъ продолжительнаго возбужденія при кажущейся обидѣ или отказѣ въ чемъ-нибудь. — Другая часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы можно раздѣлить, по моему мнѣнію, на двѣ подгруппы: къ первой подгруппѣ принадлежатъ недостатки, характеризуемые слабостью напряженія представленія, т. е. недостаточностью ихъ интенсивности; ко второй подгруппѣ слѣдуетъ отнести недостатки, характеризуемые низкимъ качествомъ аритмологическихъ связей, которыя господствуютъ во взаимныхъ соединеніяхъ представленій, т. е. низкимъ качествомъ такого рода, что движенія представленій при переходѣ ихъ въ стремленіе обладаютъ слишкомъ малой степенью свободы для того, чтобы имѣть возможность подчиниться внутреннимъ качествамъ души съ ихъ вѣроятностными причинностями. Это подраздѣленіе на двѣ подгруппы можно усмотрѣть и у Штрюмпеля въ слѣдующихъ его словахъ:

„Недостатки этой группы лежатъ, такимъ образомъ, преимущественно въ жизни представленій дитяти и въ ея недостаточной конституціи, — недостаточной для образованія логическихъ причинностей и для необходимыхъ сочетаній ихъ съ переходящими въ стремленіе и желаніе представленій. Поэтому они принимаются во вниманіе, насколько они имѣются налицо, для выясненія и оцѣнки такъ называемыхъ интеллектуальныхъ способностей въ предѣлахъ между малопонятностью, ограниченностью, полною тупостью и талантомъ, геніемъ. Вслѣдствіе этихъ основаній съ означенными ошибками приходится имѣть дѣло преимущественно при обученіи (Unterricht)“.

При воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на представленія, переходящія въ стремленіе и желанія, могутъ возникнуть недостатки, составляющіе третью группу классификаціи Штрюмпеля:

3. Группа недостатковъ, происходя-

щихъ изъ неправильныхъ соотношеній между психическимъ механизмомъ и свободными причинностями, равно какъ и изъ дефектовъ послѣднихъ.

Вѣроятностныя причинности свободны, независимы отъ условій внѣшняго чувственнаго міра, какъ это мы видѣли изъ предложенія Чебышева-Некрасова, однако ихъ дѣйствія вполнѣ закономѣрны и подлежатъ точнымъ математическимъ изслѣдованіямъ теоріи вѣроятностей. Эти дѣйствія не имѣютъ характера абсолютной необходимости причинностей физическихъ, они имѣютъ характеръ понужденій, мѣрныхъ вліяній [1]), хотя часто при благопріятныхъ условіяхъ вліяніе можетъ перейти въ необходимость. Здѣсь такимъ образомъ имѣетъ мѣсто главная задача воспитанія — создать и закрѣпить означенныя благопріятныя условія при воздѣйствіи вѣроятностныхъ причинностей на теченіе представленій и черезъ это на желанія и дѣйствія воспитанника. Эти наши соображенія дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ то, какъ осуществляется „понятіе о способности къ образованію (Bildsamkeit), которая есть переходъ отъ неопредѣленности къ постоянству“ (Herbart's Umriss der pädagogischen Vorlesungen. Einleitung § 3).

Возможность такого перехода отъ вѣроятностей и случайностей къ достовѣрностямъ и законностямъ при операціяхъ съ вѣроятностными причинностями доказывается многочисленными изслѣдованіями теоріи вѣроятностей и ея разнообразными приложеніями къ соціальнымъ явленіямъ. Нѣчто подобное имѣется также въ теоріи мнимыхъ количествъ, играющихъ столь важную роль въ изслѣдованіяхъ современной математики: здѣсь оперируютъ съ различными мнимыми количествами, а въ результатѣ получаются вполнѣ реальныя величины.

---

1) О понятіи мѣры и направленія такихъ вліяній читатель можетъ найти въ моей статьѣ: „Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія.“ 2-е изд. стр. 29. Юрьевъ. 1904.

Родственность вѣроятностныхъ причинностей со способностями сужденія или, по терминологіи Штрюмпеля, со свободно дѣйствующими причинностями вполнѣ устанавливается вышеприведенными словами Лапласа: „Теорія вѣроятностей въ сущности есть ничто иное, какъ здравый смыслъ, переложенный на счеты: она доставляетъ средство опредѣлять съ точностью то, что вѣрный умъ постигаетъ по инстинкту, часто не давая себѣ сознательнаго отчета“.

Штрюмпель различаетъ пять видовъ свободно дѣйствующихъ причинностей: 1) Причинность душевныхъ чувствованій (die Kausalität des Gefühlslebens der Seele), которая вызываетъ образы благоденствія и страданія, счастливаго и несчастнаго бытія; 2) логическая причинность (die logische Kausalität), которая обусловливаетъ своею дѣятельностью пониманіе и разумъ (Verstand und Vernunft); 3) эстетическая причинность (die ästhetische Kausalität), которая обусловливаетъ пониманіе и расположеніе къ вѣчно-прекрасному (ewig Schönes); 4) причинность совѣсти (die Kausalität des Gewissens), которая приводитъ къ сознанію вѣчно-нравственныхъ истинъ (ewig sittliche Wahrheiten); 5) причинность самопредѣленія или свободы воли (die Kausalität der Selbstbestimmung oder der Willensfreiheit), которая дѣлаетъ возможнымъ то, что опредѣленное другими причинностями общее сознаніе обратилось бы въ самостоятельную, стремящуюся къ совершенству личность [1]).

Вышеприведенныя слова Лапласа устанавливаютъ тождество разсматриваемыхъ въ теоріи вѣроятностей причинностей съ формами логической причинности Штрюмпеля. Возможно ли и другія свободно дѣйствующія причинности Штрюмпеля сполна вдвинуть въ шаблоны вѣроятностныхъ причинностей, въ этомъ

---

1) См. Strümpell „Psychologische Pädagogik“. Leipzig. 1880. Achtes Kapitel, S. 61—89.

при настоящемъ состояніи теоріи вѣроятностей приходится сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе и тѣ, и другія обладаютъ значительнымъ родствомъ, такъ какъ соціальныя явленія, въ которыхъ дѣйствуютъ, конечно, всѣ виды свободныхъ причинностей души человѣка, подлежатъ изслѣдованіямъ методами теоріи вѣроятностей. Весьма возможно также, что теорія вѣроятностей при ея дальнѣйшемъ развитіи выработаетъ новые виды своихъ причинностей, которые будутъ болѣе родственны другимъ свободно дѣйствующимъ причинностямъ Штрюмпеля, чѣмъ ея современныя.

Общее свойство всѣхъ свободно дѣйствующихъ причинностей Штрюмпеля есть несомнѣнно цѣлесообразность ихъ дѣйствій. Даже у эстетической причинности нельзя не признать этого свойства, хотя цѣли прекраснаго часто бываютъ столь далеки нашему сознанію. „Красота“, говоритъ Кантъ, „есть форма цѣлесообразности нѣкотораго предмета, на сколько она воспринимается на послѣднемъ безъ представленія самой цѣли“ [1]).

О родственномъ отношеніи между различными формами свободныхъ причинностей и о громадномъ значеніи для человѣческихъ желаній и дѣйствій эстетической причинности высказалъ Бугаевъ въ вышеупомянутой комиссіи весьма важныя мнѣнія, которыя стоятъ весьма близко къ гербартовскимъ воззрѣніямъ „объ эстетическомъ изображеніи міра, какъ главномъ занятіи воспитанія“ [2]).

„Правильное развитіе эстетической эмоціи нужно не одному писателю и художнику; оно необходимо и ученому. Умственныя операціи пріобрѣтаютъ особую силу, когда онѣ сопро-

---

1) „Schönheit ist Form der Zweckmässigkeit eines Gegenstandes insofern sie ohne Vorstellung eines Zweckes an ihm wahrgenommen wird“.

2) Статья Гербарта „Ueber die ästhätische Darstellung der Welt als das Hauptgeschäft der Erziehung“ служитъ приложеніемъ къ его „Umriss pädagogischer Vorlesungen“ (Bartolomäi'sche Ausgabe, S. 391. Bd. I.).

вождаются стройностью и художественностью изложенія. Ученому необходимо не только доказывать, но и убѣждать".

„Мы въ значительной степени замѣчаемъ упадокъ эстетическихъ эмоцій и на литературномъ стилѣ теперешнихъ писателей и на нашемъ неуваженіи къ родному языку. Богатый русскій языкъ загрязняется и обезличивается на нашихъ глазахъ".

„Какъ далеко мы ушли въ этомъ направленіи отъ Пушкина и Лермонтова. Конечно, не вся вина въ этомъ лежитъ на одномъ утилитарномъ направленіи нашего общества. Значительная часть вины въ этомъ падаетъ на нашу школу, которая въ погонѣ за формами разныхъ языковъ позабыла то, что придаетъ особенную силу, конкретность, гармонію и художественную красоту рѣчи".

„Эстетическія эмоціи нужны для облагороженія человѣка и для внесенія идеальнаго элемента въ наше общежитіе. Онѣ необходимы также для правильнаго проявленія воли".

„Идеи цѣлесообразности и активности лежатъ въ тѣсной связи съ эстетическими чувствами гармоніи, соотвѣтствія и свободнаго художественнаго творчества".

„Не должно въ школѣ все направлять такъ, чтобы въ учащемся развивались только одни пассивные добродѣтели и таланты. Не одно пассивное знаніе имѣетъ значеніе. Для человѣка необходимо, чтобы знаніе было дѣятельно, чтобы оно могло приспособляться къ проявленію активной стороны человѣка"

„Знаніе должно служить на пользу окружающей среды, должно возбуждать волю къ дальнѣйшему самостоятельному и самодѣятельному развитію. Гдѣ нѣтъ активности, тамъ нѣтъ и творчества. Творчество же играетъ великую роль въ жизни каждаго общества".

„Настоящая школа, воспитывая и отдавая предпочтеніе пассивной сторонѣ духа надъ активной, какъ бы обнаруживаетъ сочувствіе буддійской нравственности".

„Наша христіанская точка зрѣнія требуетъ, чтобы человѣкъ свободно, самодѣятельно и самостоятельно стремился къ совершенствованію себя и другихъ".

„Въ словахъ Спасителя „Царствіе Божіе завоевывается силою“ (усиліемъ) мы должны находить основаніе для пріученія нашихъ молодыхъ поколѣній къ свободному и самодѣятельному развитію“.

Эти слова покойнаго математика приведены мною съ тою цѣлью, чтобы показать его глубоко продуманное мнѣніе о взаимномъ отношеніи свободныхъ причинностей человѣческой души и такимъ образомъ оправдать для послѣднихъ названіе вѣроятностныхъ, которое при современномъ состояніи теоріи вѣроятностей, строго говоря, можно приписать лишь логическимъ причинностямъ.

Теперь мы перейдемъ къ третьей группѣ недостатковъ дѣтей по классификаціи Штрюмпеля, которая была уже указана нами выше и теперь послѣ выясненія характера свободно дѣйствующихъ причинностей будетъ намъ болѣе понятною.

Недостатки этой группы проистекаютъ изъ низкаго качества новаго механизма, который, говоря кратко, занятъ вычисленіемъ вѣроятностей, взвѣшиваніемъ цѣлей, и который сообразно своимъ вычисленіямъ сообщаетъ психическому и физіологическому механизму движеніе въ томъ или другомъ направленіи. Этому новому механизму можно дать названіе телеологическаго или цѣлеполагающаго механизма.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на одно мѣсто въ сочиненіи Штрюмпеля „Psychologische Pädagogik“ (S. 75), могущее повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ.

„Не незначительная часть“, говоритъ Штрюмпель, „прекраснаго, особенно все то, что связано съ однимъ развивающимся по величинѣ представленіемъ и что спеціально подходитъ подъ названіе высоко выдающагося (das Erhabene), дѣйствуетъ поднимающимъ образомъ (erhebend), т. е. освобождаетъ изъ-подъ давленія механизма и открываетъ сознаніе неограниченнаго и безконечнаго“. Собственно говоря здѣсь не должно быть рѣчи объ освобожденіи „изъ-подъ давленія механизма“, такъ какъ душа не обладаетъ

матеріальными силами; она можетъ лишь дѣйствовать въ томъ смыслѣ, что свобода аритмологическихъ связей въ психическомъ механизмѣ будетъ правильно использована для цѣлей ея свободныхъ причинностей, при чемъ принципъ сохраненія матеріальной энергіи не долженъ нарушаться. Правильное и цѣлесообразное направленіе въ психическомъ механизмѣ регулируется чувствомъ работы, какъ Бугаевъ въ своей статьѣ „О свободѣ воли“ [1]) говоритъ: „Чувство работы имѣетъ высокое практическое значеніе. Оно присутствіемъ своимъ указываетъ, въ какой мѣрѣ мы руководимся реальными мотивами, способными къ осуществленію, а не побужденіями фиктивными и несообразными. Оно ослабленіемъ своимъ указываетъ, что воля дѣйствуетъ въ направленіи цѣлесообразномъ и вѣрномъ“.

Наши предыдущія разсмотрѣнія и интерпретаціи достаточно разъясняютъ намъ характеръ недостатковъ третьей группы, состоящихъ изъ различныхъ неправильностей такъ сказать вычислительнаго аппарата для цѣлей движенія физіологическаго и психическаго механизмовъ. Такимъ образомъ намъ станутъ понятными и отдѣльные виды этихъ недостатковъ, перечисляемые Штрюмпелемъ въ его педагогической патологіи:

Неуживчивость въ обращеніи съ другими (Unverträglichkeit), наклонность считать себя всегда правымъ (Rechthaberei), наклонность къ ссорѣ, духъ противорѣчія. — Недостатокъ откровенности, замкнутость. — Лесть, ханжество, наклонность вводить въ заблужденіе, лживость. — Наклонность критиковать, обвинять, подводить подъ подозрѣніе, оклеветать. — Исканіе во всемъ собственной пользы, выгоды, обманъ, воровство. — Своеволіе (Eigensinn), непослушаніе, неповиновеніе, упорство, Hartnäckigkeit, упрямство, Verstockheit. — Нескромность, наклонность мнить въ себѣ какое-нибудь высокое качество (Eitelkeit, Eigendünkel), хвастливость, величавое отно-

1) Труды Московскаго Психологическаго Общества. Вып. III, 1889.

шеніе къ слабѣйшимъ, гордость. — Зависть, радость потерямъ другихъ, месть, злостность (Bosheit). — Нелюбезность, неблагодарность. — Невѣжливое, рѣзкое, оскорбительное поведеніе, отсутствіе чувства приличія (Schicklichkeitssinn), чувства права, чувства чести, сознанія долга. — Слабость воли въ отношеніи выполненія намѣченнаго, недостатокъ въ постоянствѣ желанія, непослѣдовательность въ желаніи и въ отношеніи между желаніемъ и дѣйствіемъ. — Недостатокъ эстетическихъ чувствъ, вообще ограниченное или неправильное понятіе о прекрасномъ. — Недостатокъ чувствъ благожелательныхъ или ведущихъ къ отказу себѣ въ чемъ-нибудь или къ самопожертвованію, вообще недостатокъ чувствъ спеціально нравственныхъ. — Недостатокъ возбудимости къ религіозному настроенію. — Третья часть недостатковъ рѣчи и произношенія; и другіе.

Недостатки этой группы по самому ихъ характеру подлежатъ исправленію главнымъ образомъ при помощи воспитанія, что видно также изъ слѣдующихъ словъ Штрюмпеля.

„Недостатки этой группы приходятся главнымъ образомъ на счетъ образованія чувствованій и характера, вообще на счетъ оформливанія сознанія въ видѣ опредѣленной личности. Рядомъ съ управленіемъ и обученіемъ, вслѣдствіе этого, находитъ себѣ и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ существенную задачу въ томъ, чтобы, соединившись съ патологіей и совмѣстно съ обученіемъ, поддержать свое положительное вліяніе на развитіе всего лучшаго въ ребенкѣ, и все это въ концѣ концовъ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль — подвести подъ власть разума, убѣжденія и руководимаго идеальными цѣлями желанія тѣлесный и психическій механизмъ“.

Не трудно обратить вниманіе на то, съ какою точностью классификація Штрюмпеля указываетъ тѣ области, въ которыхъ важное гербартовское подраздѣленіе педагогическихъ средствъ на управленіе, обученіе и воспитаніе въ собственномъ смыслѣ (Regierung, Unterricht und Zucht) находитъ свое

осуществленіе. Ни у самого Гербарта, ни у кого-либо изъ его послѣдователей нѣтъ такого яснаго представленія, какимъ образомъ при воздѣйствіи этими тремя видами педагогическихъ средствъ на воспитанника достигаются цѣли педагогики и какъ оправдывается черезъ это понятіе о способности къ образованію, т. е. переходъ отъ неопредѣленности къ желательному постоянству.

Наконецъ, остаются еще недостатки, происходящіе отъ неправильныхъ соотношеній между свободными причинностями, которые появляются главнымъ образомъ при дальнѣйшемъ развитіи ребенка — при переходѣ въ юношескій возрастъ, когда начинаетъ играть выдающуюся роль причинность самоопредѣленія. Эти недостатки Штрюмпель относитъ къ четвертой группѣ. Мы не будемъ на нихъ останавливаться: наши математическія интерпретаціи не могутъ дать точнаго представленія о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ формъ свободно дѣйствующихъ причинностей, такъ какъ сами формы этихъ причинностей еще не установлены точною наукою о случайныхъ явленіяхъ.

Въ заключеніе этой главы я позволяю себѣ еще разъ подчеркнуть главную мысль, содержащуюся въ ней, именно то, что классическія изслѣдованія Штрюмпеля о недостаткахъ дѣтей въ ихъ основныхъ идеяхъ нисколько не уклоняются отъ главныхъ принциповъ философскаго направленія Гербарта. Напротивъ того, здѣсь Штрюмпель вполнѣ правильно и съ замѣчательнымъ талантомъ использовалъ идею Гербарта объ аритмологической закономѣрности (отъ которой послѣдній пытался отграничить лишь свою психологію), кромѣ того онъ дополнилъ ее введеніемъ понятія новой, вѣроятностной закономѣрности и далъ такимъ образомъ новый толчекъ развитію Гербартовскаго направленія.

Льщу себя надеждой, что эти мои изслѣдованія даютъ возможность смягчить слишкомъ рѣзкое обвиненіе противъ Штрюмпеля весьма извѣстнаго представителя модной экспе-

риментальной психологіи, берлинскаго профессора Т. Цигена[1]) въ томъ, что „Штрюмпель введеніемъ его свободно дѣйствующихъ причинностей“ — NB. деревянное желѣзо — изуродовалъ ученіе Гербарта до неузнаваемости (dass Strümpell die Herbartsche Lehre durch Einführung seiner „freiwirkenden Kausalitäten“ — NB. ein hölzernes Eisen — bis zur Unkenntlichkeit entstellt hat.)

---

1) Das Verhältnis der Herbartschen Psychologie zur physiologisch-experimentellen Psychologie. S. 71. Berlin 1900.

Проф. В. Алексѣевъ.

Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года [1]).

Послѣ Петра I самою замѣчательною личностью на русскомъ престолѣ является Екатерина II. Время этой императрицы составляетъ выдающуюся эпоху въ исторіи Россіи XVIII столѣтія относительно внѣшней и внутренней политики. Созданное Петромъ Великимъ европейское политическое значеніе Россіи какъ-то отступаетъ на задній планъ при непосредственныхъ преемникахъ Петра, и только при Елизаветѣ, а главнымъ образомъ при Екатеринѣ II Россія дѣлается одной изъ пер-

---

1) На эту тему былъ прочитанъ мною 18 марта 1906 года въ открытомъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества докладъ, который вкратцѣ былъ помѣщенъ въ „Окраинахъ Россіи“ за 1906 годъ въ №№ 5 и 7 (ср. также небольшой отчетъ о докладѣ въ № 71 „Рижскаго Вѣстника“ за 1906 годъ). Теперь появляется этотъ докладъ въ Сборникѣ Учено-Литературнаго Общества въ исправленномъ и расширенномъ видѣ, съ примѣчаніями, въ которыхъ приводятся также, отчасти въ извлеченіяхъ, отчасти цѣликомъ, подлинные нѣмецкіе документы съ приложеніемъ къ нимъ въ большей части случаевъ возможно точнаго перевода на русскій языкъ. — Въ мартѣ мѣсяцѣ 1907 года, благодаря любезному ходатайству профессора Е. В. Пѣтухова, я имѣлъ случай подробно ознакомиться съ рукописнымъ „Deputationsjournal“, т. е. съ „Журналомъ“, или „Дневникомъ“, перваго юрьевскаго депутата синдика Фридриха Конрада Гадэбуша, хранящимся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ. 9 апрѣля сего года въ открытомъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества сдѣлалъ я сообщеніе „О дневникѣ перваго юрьевскаго депутата въ XVIII столѣтіи“. Этимъ сообщеніемъ, включеннымъ здѣсь также въ первый мой докладъ, я главнымъ образомъ пополнилъ послѣдній отдѣлъ доклада 18 марта 1906 года, т. е. отдѣлъ, въ которомъ говорится объ отношеніи самого депутата Гадэбуша къ манифесту и къ исполненію своихъ депутатскихъ обязанностей.

выхъ европейскихъ державъ. И внутренній строй обширной имперіи подвергся въ екатерининское время многимъ измѣненіямъ и преобразованіямъ. Съ первыхъ же лѣтъ вступленія на престолъ Екатерина II начала лично знакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ государствѣ и изыскивать средства къ ихъ исправленію и улучшенію. Однимъ изъ такихъ средствъ должна была быть Законодательная Комиссія, которая была созвана въ 1767 году Высочайшимъ манифестомъ 14 декабря 1766 года и которая какъ численностью депутатовъ [1]), такъ участіемъ въ ней всѣхъ частей государства [2]) и всѣхъ сословій [3]), а равно и сравнительнымъ своимъ успѣ-

1) Англійскій дипломатъ Макартней предполагалъ въ началѣ 1767 года, что въ собраніи будутъ 1200 человѣкъ (см. А. Брикнеръ. Большая Коммиссія. Журн. Мин. Нар. Просв., т. 217-й, стр. 3); Ф. К. Гадэбушъ пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“ подъ 17 сентября 1767 года [см. его рукопись „Deputationsjournal“, стр. 60 (61)], что по списку, бывшему въ рукахъ депутата Мотониса насчитывали 612 депутатовъ, пріѣхавшихъ въ Москву, но еще ожидали больше; по М. Лонгинову, издавшему списки депутатамъ по 1-е января 1768 г. и по 24-е февраля 1769 г., было 565 депутатовъ (см. М. Лонгиновъ. Матеріалы для исторіи Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія. Русск. Вѣстн. 1861 г., декабрь. Приложеніе, стр. 3); по указанію сенатора Бибикова число депутатовъ простиралось до 652 (П. Бланкъ. Екатерининская Коммиссія 1767 до 1769. Рус. Вѣстн. 1876 г., т. 121, стр. 148); Н. Устряловъ говоритъ, что Комиссія была созвана въ числѣ 645 человѣкъ (Русская Исторія. Изд. II, часть 4-я. СПБ. 1840, стр. 137.).

2) При Петрѣ II рѣшили для сочиненія уложенія созвать выборныхъ изъ всей Россіи, но въ указѣ 14 іюня 1728 года предписывается выслать выборныхъ „изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи и Эстляндіи и Сибири“ (Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. VIII, стр. 54), между тѣмъ какъ въ Екатерининской Комиссіи эти мѣстности тоже участвуютъ. — Въ томъ же 1728 году были учреждены двѣ особыя комиссіи: остзейская, или лифляндская, для составленія свода остзейскихъ законовъ (П. С. З. Р. И. т. VIII, № 5330) и малороссійская комиссія для составленія свода малорусскихъ законовъ (П. С. З. Р. И. т. VIII. № 5324); первая работала 13, а вторая 15 лѣтъ; въ Екатерининской Комиссіи мы встрѣчаемъ также представителей Малороссіи.

3) Въ Екатерининской Комиссіи отсутствовали только представители крѣпостныхъ людей и кочующихъ народовъ, все же прочее населеніе, за исключеніемъ, разумѣется, женщинъ, имѣло своихъ выборныхъ. Въ прежнихъ комиссіяхъ не было такого разнообразія

хомъ [1]) далеко превзошла всѣ прежнія подобныя попытки

въ представителяхъ: такъ, напр., въ 1728 году нужно было „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и дворянъ добрыхъ и знающихъ людей“ (П. С. З. Р. И. VIII т., стр. 54, № 5287), а при Аннѣ Іоанновнѣ въ указѣ 1 іюня 1730 года значится: „. . . . опредѣлить . . . людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ.“ (П. С. З. Р. И. т. VIII, № 5567.)

1) С. Соловьевъ (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXVII. М. 1877, стр. 144) пишетъ: „Екатерина имѣла право быть недовольною нѣкоторыми отдѣльными явленіями; но не могла не признать, что общая цѣль, съ какою она созвала коммиссію, была достигнута: „Коммиссія Уложенія, говоритъ она въ одной изъ своихъ записокъ, коммиссія Уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты и военные поѣхали въ армію. Наказъ коммиссіи ввелъ единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать“. (Ср. также статью С. Соловьева въ Русск. Вѣстн. за 1861 г. № 10, стр. 339, 340.)

Д. Полѣновъ, приводя мнѣніе сенатора Бибикова, считавшаго Комиссію предпріятіемъ рановременнымъ, а депутатовъ для дѣятельности въ ней малопросвѣщенными, прибавляетъ: „Намъ кажется, что Бибиковъ, или лице, передавшее ему подобный отзывъ, не совсѣмъ вѣрно поняли главную цѣль, съ которою Екатерина созывала депутатовъ. Они призваны были не столько для того, чтобы сочинить Новое Уложеніе, сколько для узнанія отъ нихъ нуждъ и недостатковъ страны. Екатерина прямо выразила это въ манифестѣ своемъ въ словахъ: „дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа.“ Это же въ послѣдствіи она повторила и въ одной изъ своихъ записокъ, „дабы лучше спознать каждой округи состояніе“ (Рус. Арх. 1865 года, № 4, стр. 443). Что цѣль эта была достигнута, можно видѣть изъ привезенныхъ депутатами наказовъ“. (Сборникъ Рус. Историч. Общества, IV томъ. СПБ. 1869, стр. XXIX.)

М. Лонгиновъ, извлекшій еще до появленія въ печати документовъ Комиссіи, какъ онъ выражается, „изъ бездны равнодушія или забвенія будущихъ поколѣній“ имена людей сослужившихъ честную службу отечеству, т. е. издалъ списки депутатамъ Екатерининской Комиссіи, упоминаетъ въ своемъ предисловіи къ спискамъ, что есть какое-то или чье-то „свидѣтельство совершенно безпристрастное, несомнѣнно правдивое и основанное на подробнѣйшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Оно говоритъ вполнѣ въ пользу общаго

собранія и частныхъ коммиссій за время ихъ существованія съ 1767 по 1774 года. Люди, принимавшіе въ нихъ участіе, не попусту тратили время, а начертали проекты тѣхъ законоположеній, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины, и ознаменовались семидесятые и осьмидесятые года прошедшаго вѣка, до которыхъ при Екатеринѣ не появлялось ни одного подобнаго памятника законодательства. Законоположенія эти и до сихъ поръ служатъ краеугольнымъ камнемъ внутренняго устройства и мѣстнаго управленія въ имперіи. . . . Таковы: Учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775), Уставъ благочинія (8 апрѣля 1782), Указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782), Дворянская грамота (21 апрѣля 1785), Городовое положеніе (21 апрѣля 1785) и др.“ (Рус. Вѣстн 1861, декабрь, Приложеніе, стр. 3.)

В. Сергѣевичъ заключаетъ свою статью „Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи?“ слѣдующими словами: „Неудачный исходъ екатерининской коммиссіи можно было предвидѣть. Надо только жалѣть, что истинныя причины его не были поняты своевременно. Это могло бы повести къ новымъ, болѣе удачнымъ опытамъ и, во всякомъ случаѣ, спасло бы благое начинаніе Екатерины отъ того недовѣрія, которое и до сихъ поръ еще примѣшивается къ воспоминанію о немъ. Печатаемые теперь акты коммиссіи снимутъ незаслуженно наброшенную тѣнь подозрѣнія и представятъ дѣянія ея въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Они раскроютъ множество ошибокъ, которыми съ самаго начала было обставлено это дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ раскроютъ и то чувство строгой законности, и ту умѣренность желаній, которыя проявили въ эту памятную эпоху представители русской земли, и дадутъ намъ возможность взглянуть на положеніе Россіи XVIII вѣка при блескѣ того свѣта, которымъ на минуту освѣтила всѣ закоулки нашего обширнаго отечества геніальная мысль великой государыни“. (Вѣстн. Европы 1878 г., № 1, стр. 263, 264.)

А. Брикнеръ въ своей статьѣ „Большая Коммиссія“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 г., декабрь, стр. 218), а также въ русскомъ изданіи Исторіи Екатерины Второй (СПБ. 1885, стр. 604) приходитъ къ заключенію: „Было бы несправедливо утверждать, что предпріятіе Екатерины оказалось вполнѣ неудавшимся. Матеріалъ, собранный въ 1767 и 1768 годахъ, и группировка этого матеріала въ частныхъ коммиссіяхъ послужили пособіемъ для законодательной дѣятельности слѣдующаго времени“. Въ нѣмецкомъ изданіи „Katharina die Zweite“ (Berlin, G. Grotesche Verlagsbuchhandlung, 1883, стр. 500) А. Брикнеръ нѣсколько иначе формулируетъ свое заключеніе: „Die Ergebnisse der Arbeiten blieben unverloren. Die Kaiserin selbst hatte Unermessliches dabei gelernt. Es dürfte zu den anziehendsten Aufgaben der russischen Rechtsgeschichte gehören das Maass des Einflusses zu bestimmen, welchen die Verhandlungen der

пополненія, улучшенія и измѣненія существующихъ законовъ [1]).

„Созваніе представителей русской земли для составленія проекта новаго уложенія есть величайше событіе екатерининскаго царствованія“, говоритъ В. Сергѣевичъ [2]). Только съ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія начали издавать хранящіеся въ государственномъ архивѣ матеріалы къ исторіи Екатерининской Комиссіи [3]), каковое изданіе, хотя еще не законченное [4]), во многомъ уже способствовало уничтоженію невѣрныхъ, не основанныхъ на историческихъ данныхъ мнѣній о дѣятельности названной Комиссіи. Что же касается про-

---

grossen Commission auf Katharinas legislatorische Thätigkeit in der Folgezeit übten“ — „Результаты работы не были потеряны. Императрица сама научилась при этомъ очень многому. Было бы одной изъ привлекательнѣйшихъ задачъ исторіи русскаго права опредѣлить степень вліянія, которое имѣли труды Большой Коммиссіи на послѣдующую законодательную дѣятельность Екатерины“.

1) Съ цѣлью составленія уложенія были учреждаемы особыя комиссіи въ 1700, 1714, 1720, 1728, 1730, 1754 и 1760 годахъ.

2) В. Сергѣевичъ. Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи? Вѣстникъ Европы за 1878 г., № 1, стр. 188.

3) См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, тт. IV, VIII, XIV, XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII, XCII, CVII, CXV; здѣсь помѣщаются первые десять томовъ „Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія“, изданные съ 1869 по 1903 годъ, первые три тома подъ наблюденіемъ Д. В. Полѣнова, остальные подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича.

4) Изданы: дневныя записки всѣхъ 204 засѣданій Большого Собранія (первыя 102 записки печатались Д. В. Полѣновымъ съ нѣкоторыми отступленіями отъ оригинала, послѣднія же 102 изданы подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича согласно утвержденному общимъ собраніемъ рѣшенію совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества безъ всякаго измѣненія состава ихъ и языка); наказы депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ (по заявленію проф. В. И. Сергѣевича — въ предисловіи къ XLIII тому Сборника И. Р. И. Общ., стр. VI — не найдены въ архивахъ три наказа: отъ Юстицъ-коллегіи эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, отъ Ревизіонъ-коллегіи и отъ Камеръ-конторы эстляндскихъ, лифляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ); всѣ дворянскіе наказы и только часть городскихъ и крестьянскихъ наказовъ. Изъ наказовъ Прибалтійскаго края изданы пока только дворянскіе наказы.

винціальныхъ архивовъ, то они относительно Екатерининской Комиссіи мало изслѣдованы, между тѣмъ какъ скрытые въ нихъ матеріалы могли бы служить дополненіемъ и объясненіемъ очень многихъ официальныхъ данныхъ.

Какъ уже выше сказано, въ Екатерининской Комиссіи принимали участіе представители всего Россійскаго государства. „Самая мысль Екатерины“, говоритъ В. Авсѣенко, „созвать законодательную коммиссію изъ представителей Имперіи, во всемъ ея географическомъ и этнографическомъ объемѣ, обнаруживаетъ ея взглядъ на значеніе государственнаго единства“ [1]). Насколько этотъ взглядъ императрицы соотвѣтствовалъ взглядамъ представителей отдѣльныхъ частей государства, насколько сочувствовали они мыслямъ монархини, насколько они содѣйствовали проведенію въ жизнь этихъ мыслей — всѣ эти вопросы въ высшей степени важны при оцѣнкѣ дѣятельности Комиссіи, и для ихъ удовлетворительнаго рѣшенія, помимо официальныхъ матеріаловъ, потребуется не мало работы на мѣстахъ въ хранилищахъ документовъ, касающихся исторіи той или другой провинціи.

Малороссія, Лифляндія, Эстляндія и Финляндія (Выборгская губернія) были тѣ провинціи, въ сочувствіи которыхъ сомнѣвалась сама императрица еще до 14 декабря 1766 года [2]). Относительно Малороссіи С. М. Соловьевъ, на основаніи донесеній генералъ-губернатора Румянцева и другихъ официальныхъ данныхъ, приходитъ къ заключенію, что она не особенно сочувствовала присылкѣ депутатовъ и проявляла стрем-

---

1) В. Авсѣенко. Малороссійское шляхетство въ 1767 году. Новые матеріалы для исторіи XVIII столѣтія. Русскій Вѣстникъ, томъ 46, іюль и августъ 1863 г., стр. 509.

2) См. статью В. Сергѣевича въ Вѣстн. Евр. за 1878 г., № 1, стр. 213. Здѣсь приводятся также слова Екатерины II, обращенныя къ князю Вяземскому: „Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи отдается на волю прислать депутатовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравненіи“.

ленія къ сепаратизму [1]), между тѣмъ какъ В. Авсѣенко [2]), пользовавшійся данными мѣстныхъ архивовъ, находитъ возможнымъ придерживаться обратнаго мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, видитъ въ старинныхъ правахъ, о сохраненіи которыхъ просятъ малороссы въ своихъ наказахъ „по большей части [3]) разныя административныя и финансовыя льготы, не имѣющія никакого политическаго характера“ [4]), а о примѣрахъ проявленія оппозиціи при выборахъ говоритъ: „это была, очевидно, безтолковая выходка со стороны нѣсколькихъ лицъ съ закоренѣлою ненавистью къ новизнѣ, безъ всякихъ сознательныхъ и опредѣленныхъ тенденцій, руководимыхъ притомъ личными интересами“ [5]).

О впечатлѣніи, произведенномъ на прибалтійцевъ манифестомъ 14 декабря 1766 года, о предвыборномъ настроеніи Прибалтійскаго края, о самихъ выборахъ и вообще объ отношеніяхъ прибалтійскихъ представителей къ Законодательной Комиссіи, какъ къ общегосударственному учрежденію, очень мало писано. Среди опубликованнаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ матеріала мы встрѣчаемъ: 1) одно сообщеніе генералъ-губернатора Броуна отъ 15 марта 1767 года о рижскихъ и дворянскихъ выборахъ [6]); 2) за-

---

1) См. статью С. М. Соловьева „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. 1767 годъ“ въ Рус. Вѣстн., т. 35, октябрь 1861 г. стр. 303—340, а также его „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XXVII, стр. 44—56.

2) См. статью въ Рус. Вѣстн., т. 46, іюль и августъ 1863 г., стр. 498—524: В. Авсѣенко. Малороссійское шляхетство въ 1767 г.

3) Разрядка моя.

4) В. Авсѣенко. Малоросс. шляхетство въ 1767 г. Рус. Вѣстн. т. 46, стр. 509.

5) Тамъ же. — Проф. А. Брикнеръ, признавая важность данныхъ, сообщенныхъ въ статьѣ В. Авсѣенка, прибавляетъ: „Напрасно однако авторъ не признаетъ въ дѣйствіяхъ малороссійскаго шляхетства стремленій, соотвѣтствовавшихъ сепаратизму“. (Журн. Мин. Нар. Просв. т. 217, сент. 1881 г., стр. 15, въ статьѣ „Большая Коммиссія“.)

6) Сборникъ Рус. Истор. Общ. т. IV, стр. 29—33.

мѣтки Екатерины II [1]); 3) дворянскіе наказы [2]); 4) мнѣнія и заявленія нѣкоторыхъ прибалтійскихъ депутатовъ [3]); 5) дневныя записки засѣданій съ краткою передачею содержанія отдѣльныхъ депутатскихъ мнѣній, высказанныхъ или поданныхъ во время преній по поводу чтенія правъ и привилегій названнаго края [4]), а также 6) прошеніе россійскихъ купцовъ, жительствующихъ и торгующихъ въ Ревелѣ, съ опредѣленіемъ Главнаго Магистрата [5]). Кромѣ общихъ замѣтокъ Д. Полѣнова [6]), С. Соловьева [7]), В. Сергѣевича [8]), А. Брикнера [9]) и друг., основанныхъ преимущественно на этомъ матеріалѣ, статей, болѣе обширныхъ, обстоятельныхъ, исчерпывающихъ этотъ предметъ или дополняющихъ его какими-либо новыми данными, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не имѣется.

---

1) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. X. СПБ. 1872, стр. 213, 233, 272—274.

2) Сб. И. Р. И. О. т. LXVIII. СПБ. 1889, стр. 43—82.

3) Сб. И. Р. И. О., тт. IV, VIII, XIV, XXXII. XXXVI.

4) Сб. И. Р. И. О., т. VIII, СПБ. 1871, стр. 321—351. На стр. 337-й, въ примѣчаніи издатель сообщаетъ относительно подлинниковъ депутатскихъ мнѣній: „въ Архивѣ II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи не оказалось мнѣній, поданныхъ депутатами на эстляндскія и лифляндскія привилегіи“.

5) Сб. И. Р. И. О., т. XLIII, СПБ. 1885, стр. 608—615.

6) Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. XXI, XXIII—XXV.

7) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи. М. 1877, т. XXVII, стр. 42—44, 138—142. Здѣсь говорится также объ эстляндскихъ выборахъ на основаніи донесенія эстляндскаго генералъ-губернатора, не вошедшаго въ Сб. И. Р. И. О., а также сообщается рѣшеніе Сената нѣкоторыхъ вопросовъ въ донесеніи лифляндскаго генералъ-губернатора.

8) Вѣстникъ Европы за 1878 г., № 1, въ статьѣ „Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи“: стр. 213, 223, 234, 237, 243—246.

9) Журн. Мин. Нар. Просв. за 1881 г., т. 217: стр. 277, 279, 280, 285; т. 218: стр. 201, 208, 210, 212, 214 въ его статьѣ: „Большая Коммиссія“. — Russische Revue, т. XX (за 1882 г.), стр. 434—437, 535, 536, 544; т. XXI (за 1883 г.), стр. 41, 42, въ его статьѣ: „Zur Geschichte der Gesetzgebung in Russland“. — Его же: Katharina die Zweite. Berlin. 1883, стр. 484—489, въ отдѣлѣ: Ostseeprovinzen. — Его же: Исторія Екатерины Второй, СПБ. 1885, стр. 586—594, въ отдѣлѣ: „Вопросъ о привилегіяхъ окраинъ“. — Въ

Предлагаемая здѣсь статья „Городъ Юрьевъ, Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года“ имѣетъ цѣлью хотя бы относительно города Юрьева, по мѣрѣ силъ и возможности, пополнить столь значительный пробѣлъ въ исторіи Екатерининской Комиссіи. Въ ней будутъ изложены предвыборныя дѣла, выборы и отправка юрьевскаго депутата Ф. К. Гадэбуша, а также его дѣятельность.

Прежде всего необходимо воскресить въ памяти читателей суть манифеста, а также познакомить ихъ въ общихъ чертахъ съ Высочайше предписаннымъ обрядомъ выборовъ городского депутата.

Въ манифестѣ [1]) сказано, что Петромъ Великимъ „усмотрѣны были недостатки и несходства узаконеній“, и что „въ 1700 году было указано сдѣлать Уложеніе вновь“. И при преемникахъ Петра Великаго „о поправленіи гражданскихъ узаконеній“ трудъ былъ прилагаемъ. Но какъ всѣ вышеупомянутыя намѣренія остались безъ желаемаго успѣха, то Мы“, продолжаетъ далѣе Екатерина II, „усмотря всѣ тѣ же Предками Нашими примѣченныя неудобства . . . начали сами готовить наказъ, по которому должны поступать тѣ, кому отъ Насъ повелѣно будетъ сочинить проектъ новаго Уложенія“. . . Созываются депутаты, выборные, отъ всего населенія Россіи, за исключеніемъ крѣпостныхъ людей и кочующихъ народовъ „не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ Коммиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго Уложенія“. . . . „Наше же утѣшеніе и облегченіе великаго бремени управленія Государственнаго будетъ то, чтобы видѣть Намъ законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствіи“. . .

статьѣ А. Брикнера: Die Verhandlungen der „grossen Kommission“, напечатанной въ т. XXII журнала „Russische Revue“ (стр. 325—356; 411—432; 500—541), помѣщенъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ почти весь матеріалъ, относящійся къ Прибалтійскому краю и опубликованный до 1883 года.

1) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи съ 1649 г. СПБ. 1830, т. XVII, 12801, стр. 1092—1094, а Приложенія стр. 1094—1110.

Въ приложеніяхъ къ манифесту имѣются Положеніе о депутатахъ, Обряды выборовъ депутатовъ и Указъ губернаторамъ.

Въ Положеніи о депутатахъ говорится откуда и сколько депутатовъ послать, какого возраста должны быть депутаты и какими преимуществами они пользуются. Депутаты должны были быть не моложе 25 лѣтъ, получали опредѣленное жалованье отъ правительства (дворяне 400, городскіе 122, а прочіе 37 руб. въ годъ), освобождались на всю жизнь отъ смертной казни, отъ пытокъ, отъ тѣлеснаго наказанія и конфискаціи имущества; обидѣвшій депутата наказывался вдвойнѣ. Депутатамъ давались особые знаки, которые оставались имъ на всю жизнь и которые дворянами могли быть включены въ фамильные гербы. При выборѣ депутата изъ числа служащихъ жалованье производилось ему сверхъ его оклада. — Съ позволенія Комиссіи депутатъ могъ сдать свое полномочіе равному лицу, т. е. городской житель городскому жителю и т. д. — Что касается русскаго языка, то допускается возможность нѣкотораго незнанія онаго депутатами „подданныхъ Намъ народовъ“, но въ такомъ случаѣ депутатамъ, „кои довольно Россійскаго языка не знаютъ, надобно привести толмачей“; кромѣ того позволялось имъ, „дабы дѣла ихъ съ лучшимъ успѣхомъ производились“, съ позволенія Комиссіи по пріѣздѣ ихъ въ столицу выбрать опекуна (§ 13). — Въ послѣднемъ параграфѣ Положенія запрещается депутатамъ употреблять „ненавистную мзду и лихоимство“.

Изъ Обрядовъ выборовъ насъ интересуетъ здѣсь только Обрядъ выбора городского депутата [1]).

Всѣ города, въ которыхъ не менѣе 50 домовъ, обязаны были послать по одному депутату, городамъ же съ меньшимъ количествомъ домовъ „отдается на волю прислать или не присылать депутата“.

Въ выборахъ имѣли право голоса всѣ наличные домовладѣльцы. Отсутствовавшіе, а также женщины не принимали участія въ выборахъ.

Въ большихъ городахъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ частей, могла, по желанію, участвовать только часть домовладѣльцевъ, т. е. выбранные изъ числа всѣхъ домовладѣльцевъ повѣренные, „лишь бы число повѣренныхъ не менѣе 100 человѣкъ было“.

---

1) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, 12801, стр. 1101—1105.

Выбрать надлежало 1) Городского Голову на два года изъ наличныхъ домовладѣльцевъ и 2) Депутата въ Комиссію изъ числа всѣхъ домовладѣльцевъ.

Избраніе должно было производиться шариками; получившій большинство избирательныхъ шариковъ считался выбраннымъ.

Какъ Депутатъ, такъ и Голова должны были быть 1) домовладѣльцы, 2) „не банкрутные, въ штрафахъ, подозрѣніяхъ и явныхъ порокахъ не бывалые“, 3) „добрыя совѣсти и незазорнаго поведенія“.

Выборами Головы руководитъ Начальникъ города, а выборами Депутата Голова.

Городской Голова долженъ имѣть не менѣе 30 лѣтъ отроду.

До выборовъ долженъ быть составленъ списокъ всѣмъ наличнымъ домовладѣльцамъ, при чемъ они обозначаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) женатые и имѣющіе дѣтей, 2) женатые, но бездѣтные, 3) вдовцы и 4) неженатые.

Передъ выборомъ Головы читается манифестъ и затѣмъ баллотируются всѣ поочередно, при чемъ записывается число шариковъ „избираю“ и „не избираю“.

Выборъ долженъ продолжаться не болѣе 3 дней; только въ исключительныхъ случаяхъ, при большомъ количествѣ хозяевъ, Начальникъ города можетъ продлить срокъ выборовъ.

Городскому Головѣ вручаютъ избиратели подписанное ими полномочіе (по извѣстному образцу).

О выборѣ Начальника города въ Городскіе Головы въ Обрядѣ не упоминается.

Передъ выборами Депутата всѣ избиратели подъ предводительствомъ Головы отправляются въ церковь. По окончаніи службы Начальникъ города велитъ читать манифестъ и приводитъ потомъ всѣхъ собравшихся къ присягѣ по извѣстному образцу.

По окончаніи присяги Начальникъ города предоставляетъ дальнѣйшее распоряженіе Головѣ, который ведетъ избирателей въ помѣщеніе, назначенное для выбора Депутата и руководитъ выборами.

Избранный Депутатъ оповѣщается Головою о состоявшемся его избраніи.

Затѣмъ Голова предлагаетъ выбрать изъ числа присутствующихъ избирателей 5 лицъ для составленія наказа Де-

путату, въ который слѣдуетъ включить „всѣ нужды, какія въ Коммиссію представить хотятъ“. Эти 5 человѣкъ могутъ быть выбраны или шарами или для скорѣйшаго производства по добровольному соглашенію избирателей. Уполномоченные 5 человѣкъ въ теченіе трехъ дней узнаютъ мнѣнія своихъ собратьевъ, а въ теченіе другихъ трехъ дней составляютъ наказъ для Депутата. Наказъ этотъ вручаетъ Голова Депутату, „а копію отдаетъ въ той церкви, гдѣ присяга учинена, первому священнику, который при случаѣ за цѣлость оныя отвѣтствовать долженъ“.

Въ Депутаты можетъ быть избранъ Голова, „но въ томъ случаѣ надлежитъ выбрать другого Головою“.

Изъ „Указа губернаторамъ“ слѣдуетъ отмѣтить:

1) Губернаторъ обязанъ разослать манифестъ со всѣми приложеніями во всѣ города и уѣзды своей губерніи, „дабы (оный) не только во всякой церкви въ городахъ, но и во всякомъ погостѣ . . . могъ прочтенъ быть въ первое воскресенье неотмѣнно, и въ два слѣдующія воскресенья сряду.“
2) Право губернатора быть лично Начальникомъ.
3) Право губернатора послать для выборовъ Начальника.
4) Предоставляется губернатору произвести выборы у народовъ, которымъ Обрядъ выбора не присланъ, сообразно ихъ образу жизни и закону.
5) Предоставляется губернатору самолично разрѣшать сомнѣнія, относящіяся къ возможнымъ неясностямъ Обрядовъ выборовъ (§ 9).
6) Срокъ съѣзда депутатовъ — полгода по обнародованіи манифеста въ каждомъ мѣстѣ, но желательно, если возможно, чтобы пріѣхали раньше.

Перехожу теперь къ вопросу: *Какъ отнесся городъ Юрьевъ къ этому замѣчательному документу и насколько точно исполнилъ онъ Высочайшую волю?*

Печатный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса крайне бѣденъ. Въ Сб. И. Р. И. О., а именно въ донесеніи лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна [1]) приводится Юрьевъ,

1) Сб. И. Р. И. О., т. IV, стр. 29—33, „копія съ рапорта правительствующему сенату лифляндскаго генералъ-губернатора, генералъ-аншефа Броуна отъ 15 Марта 1767 года о выборахъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“.

или Дерптъ, какъ онъ въ то время официально назывался, въ числѣ лифляндскихъ городовъ, просившихъ по разнымъ причинамъ разрѣшенія передать свои полномочія рижскому депутату, но изъ донесенія даже не видно, чѣмъ мотивировалъ юрьевскій магистратъ такую свою просьбу [1]). Докладывая объ этомъ Правительствующему Сенату, генералъ-губернаторъ все же обѣщаетъ сообщить свое окончательное рѣшеніе относительно малыхъ городовъ [2]). Въ чемъ состояло его второе сообщеніе — неизвѣстно, такъ оно не опубликовано. Судя по Соловьеву [3]), генералъ-губернаторъ предоставилъ это дѣло на усмотрѣніе Сената, который въ свою очередь рѣшилъ „поступить по точной силѣ и разуму манифеста“. Вотъ почему мы и встрѣчаемъ въ засѣданіяхъ Екатерининской Комиссіи юрьевскаго, перновскаго и венденскаго депутатовъ [4]). Затѣмъ имѣется, кромѣ краткихъ замѣтокъ о Ф. К. Гадэбушѣ, какъ о юрьевскомъ депутатѣ, въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ [5]), еще статья покойнаго редактора журнала „Baltische

1) Тамъ же, стр. 32: „. . . 11) Чтожъ принадлежитъ до прочихъ здѣшней губерніи малыхъ городовъ, т. е. Дерпта, Пернова, и другихъ мѣстечекъ: Вендена, Лемзаля, Волмара, Валокъ и Феллина, въ коихъ есть магистраты, а въ другихъ находятся токмо малое число мѣщанъ, то изъ оныхъ изо всѣхъ мѣстъ представлено ко мнѣ, что имъ въ иныхъ мѣстахъ за малоимѣніемъ мѣщанъ и за бѣдностію, а въ прочихъ, за неимѣніемъ къ тому способныхъ людей, какъ въ предводители, такъ и въ депутаты выбрать некого и для того свое полномочіе и голосъ препоручаютъ выбранному отъ ригскаго мѣщанства депутату“.

2) Тамъ же: „Однакожъ по разсмотрѣніи о томъ обстоятельствъ, будетъ ли кто отъ реченныхъ малыхъ городовъ и мѣстечекъ выбранъ депутатомъ или одинъ останется отъ всего мѣщанства здѣшней ригской депутатъ, объ ономъ Правительствующему Сенату донести имѣю впредь. . . .“

3) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXVII. М. 1877, стр. 44: „. . . . Сенатъ рѣшилъ — поступить по точной силѣ и разуму манифеста“. На стр. 328-й, въ 47-мъ примѣчаніи обозначенъ источникъ, откуда это взято: Журналы Сената 16 и 23 апрѣля 1767 года.

4) См. опубликованный М. Лонгиновымъ „Списокъ господамъ депутатамъ“, Русск. Вѣстн, 1861 г., кн. XII., Приложеніе, стр. 39.

5) См. напр.: F. K. Gadebusch. Livländische Bibliothek, I. Th. Riga. 1777, стр. 385. — A. W. Hupel. Nordische Miscellaneen. XXVII. Stück. Riga. 1791, стр. 291. — J. G. Meusel. Lexicon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller, IV. Band. Leipzig. 1804, стр. 4 и 5. — (Michaud.) Bio-

Monatsschrift“ Георгія Бэркхольца (Georg Berkholz), озаглавленная „F. K. Gadebusch in der Reichsversammlung zu Moskau“ (Ф. К. Гадэбушъ въ Государственномъ собраніи въ Москвѣ [1]), но она касается больше пребыванія Гадэбуша въ Москвѣ, чѣмъ времени подготовительныхъ работъ по отправкѣ депутата, да и пользовался авторъ для этой статьи почти исключительно упомянутымъ уже выше „Deputationsjournal“'емъ, т. е. рукописнымъ московскимъ дневникомъ Ф. К. Гадэбуша, и приложеніями къ нему.

Что касается рукописнаго матеріала, найденнаго мною въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ, то и онъ далеко не полонъ. Здѣсь имѣются: 1) нѣкоторыя извѣщенія и предписанія гене-

---

graphie universelle ancienne et moderne. . . . t. XVI, Paris. 1816, стр. 237. Recke u. Napiersky. Schriftsteller-Lexicon. III. Bd. Mitau. 1829, стр. 4. — М. Лонгиновъ. Матеріалы для исторіи Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. Русск. Вѣстн. 1861 г., дек., Приложеніе, стр. 39. — Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1869. Dorpat. 1870. Рѣчь предсѣдателя д-ра Винкельманна, произнесенная имъ 18 января 1869 года въ годичномъ собраніи Общества по поводу 150-й годовщины дня рожденія Ф. Е. Гадэбуша, стр. 3, 4, 6. — Сб. И. Р. И. О., т. LX. СПБ. 1887, стр. 127. — А. Брикнеръ. Большая Коммиссія. Журн. Мин. Нар. Просв. 1881 г., т. 217, стр. 277, 279, 285; т. 218-й, стр. 192. — А. Брикнеръ. Исторія Екатерины Второй. СПБ. 1885, стр. 580, 586; Его же: Katharina die Zweite. Berlin. 1883, стр. 460, 464, 479, 480, 484; A. Brückner. Zur Geschichte der Gesetzgebung in Russland. Russische Revue, томъ XX. (1882 года), стр. 435, 436, 529; Его же: Die Verhandlungen der „grossen Kommission“ in Moskau und St. Petersburg 1767—1768. Russ. Revue, томъ XXII (1883 года), стр. 419, 501, 502, 504, 507.

1) „Baltische Monatsschrift“, томъ V (1862 года), стр. 143—153. Статья подписана только буквами G. B. Фамилія автора приведена полностью въ рѣчи д-ра Винкельманна (Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft за 1869 г., стр. 4) и въ изданной имъ же въ 1870 году „Bibliotheca Livoniae historica“, стр. 123, № 2828; быть можетъ фамилія автора названа уже въ отзывѣ о статьѣ Бэркхольца, помѣщенномъ въ „Rig. Ztg.“ 1862 г. № 50, но не бывшемъ у меня въ рукахъ. Имѣется она также у А. Брикнера [Ж. Мин. Нар. Пр. т. 217, стр. 15; Russische Revue, т. XX (1882 г.), стр. 436, 437] и у Холляндэра (Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands за 1885 г. Riga, 1886, стр. 81), въ его статьѣ о дѣятельности рижскаго депутата I. Шварца.

ралъ-губернатора [1]); 2) записи въ протокольныхъ книгахъ [2]); 3) копіи съ бумагъ, писанныхъ юрьевскимъ магистратомъ въ генералъ-губернское правленіе [3]); 4) инструкція магистрата, выданная адвокату ф. Эссену [4]); 5) полномочія магистрата на имя адвоката ф. Эссена и на имя тит. сов. Нордштэдта [5]); 6) объявленія магистрата [6]); 7) бумага магистрата о прогонныхъ деньгахъ депутату, посланная полковнику ф. Эссену [7]); 8) одно письмо магистрата къ депутату Ф. К. Гадэбушу [8]); 9) два прошенія гильдій [9]); 10) рѣшенія магистрата, касаю-

---

1) Отдѣлъ **5**: Бумаги лифляндскихъ губернаторовъ, генералъ- и военныхъ губернаторовъ и губернскаго правленія (Schreiben livl. Gouverneure, General- und Kriegs-Gouverneure und Gouv.-Regierung); за 1767 г. сохранились только три бумаги (отъ 24 іюля, 8 и 9 октября); за 1768 годъ — 2 бумаги; за 1769 годъ — 2 бумаги; за 1804 и 1805 гг. — по одной бумагѣ (запросы о проф. Урсинусѣ).

2) Протокольная книга (Protocollum amplissimi senatus) за 1767 г. **№ С. 105**: стр. 57, 62, 63, 72, 76, 77, 78, 79, 92, 108, 111, 112—115, 117—120, 122, 123, 136—138, 204, 205, 209, 213, 214, 217, 235, 236, 241, 244, 245, 262, 264, 272, 282, 283, 288, 292, 294, 296, 301—304, 382, 391, 403, 421, 431, 442, 453, 461, 492, 494, 576, 577; за 1768 годъ **№ С. 106**: стр. 14, 25, 35, 52, 59, 65, 71, 95, 527, 552, 575, 623, 725, 740, 767, 785, 791, 796, 812, 813, 842, 847, 855, 867, 891, 893, 894; за 1769 г. **№ С. 107**: стр. 806, 826, 840, 844, 908, 912, 941, 969, 994, 996; за 1770 г. **№ С. 108**: стр. 59, 127; за 1771 г. **№ С. 109**: стр. 251, 252, 271—274, 469, 975, 1006, 1008, 1076—1078, 1081, 1082; за 1773 годъ **№ С. 111**: стр. 384, 393, 435, 441, 459, 463, 464.

3) Книга копій (Copeybuch) за 1767 годъ **№ С. с. 52**: копіи №№ 27, 48, 71, 76, 88, 94; за 1769 годъ **№ С. с. 54**: копіи №№ 2, 3, 168, 187; за 1770 г. **№ С. с. 55**: коп. № 5; за 1771 г. **№ С. с. 56**: коп. № 34, А, 132; за 1773 г. **№ С. с. 58**: коп. № 55.

4) К. к. **№ С. с. 52**: коп. № 38.

5) Тамъ же: №№ 40, 85.

6) Тамъ же: № 47; Книга рѣшеній (Urtheile und Bescheide, или Urtheilsbuch) за 1767 годъ **№ D. 19**: бум. №№ 46, 79.

7) К. к. **№ С. с. 52**: коп. № 92.

8) Тамъ же: коп. № 139.

9) Отдѣлъ **32**: Бумаги гильдій на имя Рата (Gilden an den Rath): а) бумага безъ всякой помѣты; она содержитъ въ себѣ прошеніе — жалобу обѣихъ гильдій въ Юстицъ-коллегію по поводу раскладки депутатскихъ расходовъ на мѣщанство города Юрьева согласно резолюціи генералъ-губернатора отъ 7 іюля 1767 года. Писано это прошеніе, должно быть, или въ концѣ іюля или въ на-

щіяся депутатскихъ расходовъ [1]); 11) отмѣтки въ кассовыхъ книгахъ [2]); 12) заявленія и прошенія отдѣльныхъ цеховъ [3]) и отдѣльныхъ мѣщанъ [4]); 13) три копіи съ документовъ, касающихся контроля городскихъ расходовъ со стороны генералъ-губернатора, 1691, 1721 и 1728 гг. [5]); 14) копія съ резолюціи Юстицъ-коллегіи въ дѣлѣ о раскладкѣ депутатскихъ расходовъ [6]); 15) копія съ перевода запроса государственнаго казначея Ѳ. Голубцова о проф. Урсинусѣ [7]). — Все прочее, какъ напр. всѣ рескрипты генералъ-губернатора съ февраля по сентябрь 1767 года, списки избирателей, списки мѣщанъ по раскладкѣ депутатскихъ расходовъ, копія съ наказа, врученнаго городомъ депутату, письма Ф. К. Гадэбуша, адресованныя на имя бургомистра, письма бургомистра къ Гадэбушу въ Москву, письма проф. Урсинуса, замѣстившаго Гадэбуша, письма Гадэбуша къ проф. Урсинусу въ Москву и въ С.-Петербургъ, копія съ инструкціи, пересланной въ 1768 году проф. Урсинусу, отчетъ Ф. К. Гадэбуша, поданный имъ

чалѣ августа 1767 года. Отвѣтъ на это прошеніе помѣченъ 24 сент. 1767 года. б) прошеніе гильдій отъ 5 октября 1767 по поводу резолюціи Юстицъ-коллегіи.

1) К. р. за 1767 г. **№ D. 19**: рѣш. № 112; К. р. за 1768 г. **№ D. 20**: рѣш. №№ 6, 226, 261, 293, 301.

2) Главная кассовая книга (Hauptkassabuch) **№ B. 62**: стр. 45, 63, 68, 70, 78, 81. — Кассовая книга **№ B. 59** за время съ 1 окт. 1768 по 30 сент. 1769 г.: I, стр. 6, 8, 9, 12; II, листъ 3, 6; III, оправдательные документы: № 56.

3) Отдѣлъ **38**: Прошенія и судебныя заявленія частныхъ лицъ, цеховъ (Gesuche u. gerichtliche Eingaben von Privaten, Zünften und Aemtern): протестъ золотыхъ и серебр. дѣлъ мастеровъ отъ 30 мая 1767 г.; отдѣлъ **40 a**: заявленія (Loco protocolli): заявленіе цеха слесарей и кузнецовъ отъ 4 мая 1767 г., заявленіе цеха мясниковъ отъ 4 мая 1767 г.

4) Отдѣлъ **38**: прошеніе аптекаря Клэйнэкэ отъ 7 ноября 1767 г.; отдѣлъ **40 a**: заявленіе каменьщика Георга Мэлька отъ 17 марта 1767 г.

5) Отдѣлъ **5**: Бумаги лифл. губернаторовъ . . .: при бумагѣ отъ 24 іюля 1767 г.

6) Отдѣлъ **32**, при прошеніи гильдій отъ 5 окт. 1767 г.

7) Отдѣлъ **5**, при бумагѣ генералъ-губернатора отъ 5 іюля 1805 года.

магистрату въ мартѣ 1768 г. и долженствовавшій, согласно постановленію магистрата, въ переплетенномъ видѣ вмѣстѣ съ приложеніями храниться въ архивѣ [1]), и мн. др. — все это, повидимому, въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, поиски мои въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ [2]).

Рядомъ съ имѣющимся архивнымъ рукописнымъ матеріаломъ пользовался я также для своей работы, какъ уже выше сказано, рукописнымъ дневникомъ Ф. К. Гадэбуша, его „Deputationsjournal“'емъ. Вмѣстѣ съ этой рукописью переплетенъ между прочимъ и черновой набросокъ „Отчета“ Ф. К. Гадэбуша, а также часть (три изъ восьми) приложеній къ нему. Такимъ образомъ я былъ въ состояніи просмотрѣть и этотъ документъ, неизвѣстно когда и какъ пропавшій изъ Юрьевскаго Городского Архива [3]).

---

1) П. к. за 1768 годъ **№ С. 106**, стр. 95, 11 марта: „der H. Syndicus Gadebusch verlas den versprochenen Bericht (ср. п. к. за 1767 г. № С. 105, стр. 577) von seiner abgehaltenen Deputation zur Gesetzescommission in Moscau. Solle ordentl. eingebunden und im Archive nebst denen Beyl: verwahrlich beigelegt werden“ — „г. синдикъ Гадэбушъ прочелъ обѣщанный отчетъ о законченной имъ дѣятельности депутата при Законодательной Комиссіи въ Москвѣ. Отчетъ, аккуратно переплетенный, долженъ быть переданъ вмѣстѣ съ приложеніями на храненіе въ архивъ“.

2) Въ настоящее время, когда Юрьевскій Городской Архивъ только еще приводится въ порядокъ (особая должность городского архиваріуса учреждена всего лѣтъ 5—6 тому назадъ, а довольно просторнымъ помѣщеніемъ располагаетъ Архивъ какихъ-нибудь три года), когда еще нѣтъ болѣе точныхъ списковъ хранящимся документамъ, трудно утвердительно говорить объ утратѣ какихъ-бы то ни было рукописей: быть можетъ находится тотъ или другой документъ въ отдѣлѣ или въ книгѣ, несоотвѣтствующихъ его содержанію. Лежитъ же, напр., экземпляръ описанія гор. Юрьева, составленнаго бургомистромъ Заменомъ, въ отдѣлѣ привилегій города; приходится же искать объявленія магистрата то въ Книгѣ копій съ исходящихъ бумагъ, то въ книгѣ рѣшеній магистрата.

3) Если вообще „Отчетъ“ былъ переплетенъ и сданъ въ Архивъ, то весьма возможно, что самъ Ф. К. Гадэбушъ, какъ синдикъ (въ то время Архивъ былъ въ вѣдѣніи синдика), впослѣдствіи какъ бургомистръ, а также съ 1773 года какъ городской Голова по отношенію къ Законодательной Комиссіи, взялъ его для чего-либо изъ Архива и забылъ отдать его обратно; послѣ же смерти Ф. К. Га-

16-го февраля 1767 года былъ полученъ въ Юрьевѣ Высочайшій манифестъ съ приложеніями при препроводительномъ рескриптѣ генералъ-губернатора [1]). Изъ краткой протокольной записи совершенно общаго характера, разумѣется, не вычитаешь впечатлѣнія, произведеннаго на магистратъ манифестомъ; но и этой записи достаточно, чтобы предположить, что онъ особеннаго сочувствія среди гг. Ratsherr'овъ не возбудилъ, даже скорѣе при первомъ же чтеніи породилъ нѣкотораго рода опасенія. Этимъ можно объяснить крайнюю осторожность магистрата, проявившуюся въ рѣшеніи назначить особое засѣданіе для вторичнаго прочтенія манифеста и для его обсужденія [2]). Только согласно предписанію генералъ-губернатора ратъ нашелъ нужнымъ немедленно оповѣстить пастора Ленца о троекратномъ обнародованіи манифеста съ каѳедры церковной — „von der Cantzel“ [3]).

Ни въ протоколѣ засѣданія 16 февраля, ни въ послѣдующихъ протоколахъ нѣтъ отмѣтки о чтеніи манифеста въ эстскомъ приходѣ лютеранской кирки [4]), въ православной

дэбуша, быть можетъ, и переплетенный „Отчетъ“ вмѣстѣ съ другими его рукописями перешелъ въ руки наслѣдниковъ. — Впрочемъ, и во времена неоднократной архивной анархіи могъ исчезнуть „Отчетъ“, какъ исчезли и другіе интересные документы. Такъ, напр., нѣтъ въ Архивѣ копіи топографическаго описанія города Юрьева, составленнаго Гадэбушемъ въ 1784 году; напрасно было бы также желаніе видѣть Высочайше утвержденный подлинный грунтовой планъ города Юрьева, хранившійся въ концѣ XVIII столѣтія въ деревянномъ ящикѣ, и т. п.

1) Ю. Г. А., П. к. за 1767 г. № С. 105, стр. 57. — Ни подлинникъ манифеста съ приложеніями, ни переводъ его, ни препроводительный рескриптъ генералъ-губернатора не сохранились.

2) Тамъ же: „Solle . . . in einer dazu berahmten (т. е. anberaumten) Session nochmahlen verlesen und darüber deliberiret werden“.

3) Тамъ же: „Solle vorgeschriebener Maassen 3 Mahl von der Cantzel publiciret . . . . werden. Wars d. H. Probst Lenz mit dem Vermelden zugesandt“.

4) Выраженіе „von der Canzel (или Cantzel, Kanzel)“, очень часто встрѣчаемое, можетъ относиться и къ эстекому приходу; даже

упоминаніе одного только пробста Ленца не особенно противорѣчитъ такому предположенію, такъ какъ пасторъ Ленцъ, какъ старшій лютеранскій пасторъ, могъ отъ себя извѣстить эстскаго пастора, тѣмъ болѣе что въ то время кирка св. Іоанна вмѣщала въ себѣ оба прихода. Это подтверждается объявленіями, отличающимися болѣе яснымъ общимъ характеромъ. Если прибалтійскіе нѣмцы и могли относительно Прибалтійскаго края считать, напр., выборы въ Законодательную Комиссію (маниф. 14 декабря 1766 г.) или запрещеніе обращаться съ прошеніями къ Ея Императорскому Величеству (сен. указъ въ II полов. 1767 г.) касающимися исключительно нѣмцевъ-дворянъ и нѣмцевъ-мѣщанъ, то распоряженія начальства о мѣдной монетѣ, о растовщичествѣ, о бѣглыхъ и безпаспортныхъ и т. п. едва ли относились только къ жителямъ германскаго происхожденія; между тѣмъ и при этихъ предписаніяхъ имѣются слѣдующія постановленія юрьевскаго магистрата: „ist von der Canzel (разрядка моя) zu publiciren zugesandt“ (П. к. № С. 102, стр. 215); war bereits von der Canzel publiciret“ (Тамъ же, стр. 249); „ist d. H. Pastori zur publication, wie vorgeschrieben, gesandt“ (П. к. № С. 105, стр. 442). Все же при многихъ объявленіяхъ встрѣчаются болѣе точныя выраженія: въ **1764** г. объявленіе о 2 бѣглыхъ крѣпостныхъ генеральши ф. Бой „solle von der Canzel in beyden Sprachen publiciret werden“ (П. к. № С. 102, стр. 291); въ **1765** г. указъ 6 апр. 1764 г. „solle in beyden Sprachen zu publiciren denen Herren Pastoribus zugesandt werden“ (П. к. № С. 103, стр. 54, а въ своемъ донесеніи хофгерихту о состоявшемся объявленіи — К. к. № С. с. 50, бум. № 76 — еще того точнѣе: „von denen Pastoribus loci, nehmlich d. H. Probst Lenz in der teutschen und d. H. Pastore Oldekop in der unteutschen Gemeine öffentlich von der Canzel publiciret worden“); въ **1766** году о ношеніи фонарей въ темныя ночи „ward eine publication an beyde Herren Prediger zu publiciren in beyden Sprachen zugesandt“ (П. к. № С. 104, стр. 83); въ **1767** году патентъ о дняхъ покаянія и молитвы и о праздникахъ 1767 года „ward denen HH. Pastoribus zugesandt, solches von den Canzeln zu publiciren (П. к. № С. 105, стр. 25); объявленіе отъ 5 августа **1777** года о побѣгѣ крѣпостного человѣка Jaan'a или Johann'a, принадлежавшаго бургомистру Гадэбушу, и о наградѣ въ размѣрѣ 5 руб. за его поимку „wird morgen in beyden Gemeinden publiciret“ (см. черновыя бумаги Гадэбуша) . . . Во всякомъ случаѣ интересно, что юрьевскій магистратъ въ 1767 году по поводу объявленія Высочайшаго манифеста выбралъ для отмѣтки въ протокольной книгѣ болѣе темное выраженіе. И въ донесеніи своемъ отъ 19 февраля ничуть не яснѣе сообщаетъ магистратъ генералъ-губернатору, что 18 февраля впервые былъ обнародованъ манифестъ „съ каѳедры согласно полученному высокому предписанію“ [К. к. № С. с. 52, бум. № 27: „. . . . wir haben solches (т. е. das Manifest) der erhaltenen hohen Vorschrift gemäss, gestern von der Kanzel publiciren lassen.“]

церкви[1]) и въ старообрядческой молельнѣ[2]), а между тѣмъ въ Указѣ губернаторамъ въ § 1 было предписано „во всякой церкви въ городахъ“ читать манифестъ[3]).

1) Извѣщать русскихъ о манифестѣ лежало, разумѣется, на обязанности магистрата, а не пастора Ленца; отмѣтки о такомъ извѣщеніи и не имѣется въ Протокольной книгѣ за 1767 годъ, а между тѣмъ, напр., въ 1769 г. (П. к. № С. 107, стр. 627) магистратъ постановляетъ объявить русскимъ жителямъ сенатскій указъ 25 іюля 1769 г. объ увеличеніи подушной подати, а въ 1772 году объявленіе о мѣстѣ для свалки мусора, согласно рѣшенію магистрата, „должно быть оглашено въ обоихъ приходахъ, а также и русскимъ“ — „muss in beyden Gemeinden und auch den Russen bekannt gemacht werden“ (К. р. № D. 24 за 1772 годъ, бум. № 171).

Православная церковь находилась въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія тамъ же, гдѣ она находится теперь, на Магазинной и Монашеской улицахъ; церковь того времени была построена при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отремонтирована въ началѣ 70-хъ годовъ и сгорѣла во время большого пожара 1775 года; къ 1780 году она была вновь отстроена въ большемъ и лучшемъ видѣ. Судя по „Предложенію“ священника Алексѣя Тиханова, поданному имъ въ юрьевскій магистратъ 23 мая 1763 года [см. отдѣлъ № A. I. 1. 15 d. Православныя церкви (Griechische Kirchen)], на этомъ же самомъ мѣстѣ стояла православная церковь при Іоаннѣ Грозномъ, а первая церковь во имя Успенія Богоматери была воздвигнута Петромъ Великимъ по завоеваніи имъ города Юрьева въ 1704 году „на берегу реки Мовжи“ („Амовжа“ или „Омовжа“, названіе рѣки Эмбаха, употреблявшееся русскими). Древняя икона (снимокъ съ Псково-Печерской иконы) Успенія Пресвятой Богородицы, которая находится въ юрьевскомъ православномъ храмѣ, и о которой упоминаетъ протоіерей П. Алексѣевъ (см. П. Алексѣевъ. Историческая записка о Дерптскомъ православномъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы. Печ. въ типографіи Г. Лакмана въ Дерптѣ. 1879. Стр. 3 и 4), быть можетъ, и была перенесена при Елизаветѣ Петровнѣ изъ обветшалой церкви Петровскаго времени во вновь построенный храмъ.

2) Едва ли можно сомнѣваться въ существованіи въ то время въ городѣ Юрьевѣ старообрядческой молельни, хотя данныхъ о ней въ Ю. Г. А. мнѣ не удалось найти. Самый древній документъ старообрядцевъ, хранящійся въ Ю. Г. А., относится къ 1807 году и содержитъ въ себѣ прошеніе старообрядцевъ на имя юрьевскаго магистрата объ отдѣленіи имъ, старообрядцамъ, особеннаго кладбища. (Отдѣлъ A. I. 1. 15 d. Православныя церкви.)

3) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, томъ XVII, стр. 1108, § 1: „. . . . должны вы оный (т. е. манифестъ) , . . . разослать во всѣ города и уѣзды вашея Губерніи, дабы . . . во всякой церкви въ городахъ . . . . послѣ полученія онаго въ каждомъ мѣстѣ, могъ прочтенъ быть въ первое воскресенье неотмѣнно. . . .“

Въ особомъ засѣданіи 19 февраля вновь былъ заслушанъ Высочайшій манифестъ со всѣми приложеніями, послѣ чего приступили къ его обсужденію. Ясное различіе, дѣлаемое въ Обрядѣ выбора между Начальникомъ города и вновь избираемымъ Городскимъ Головою и ясныя указанія на избраніе Головы и Депутата всѣми домовладѣльцами кажутся неясными членамъ магистрата, и, ссылаясь на § 9 Указа губернаторамъ, допускающій возможность „сомнительствъ“ въ Обрядахъ выборовъ и ихъ самоличное губернаторами разрѣшеніе [1]), юрьевскій магистратъ находитъ нужнымъ нижайше просить генералъ-губернатора о милостивѣйшемъ разрѣшеніи слѣдующихъ, покорнѣйше докладываемыхъ, сомнѣній [2]): 1) Высочайше предписаннымъ Обрядомъ требуется въ городахъ избраніе Головы. Но вѣдь Голова всего города — магистратъ, отъ имени котораго дѣйствуетъ бургомистръ юстиціи. Каждая гильдія имѣетъ своего старшину (Aeltermann), который, какъ представитель гильдіи, руководитъ ея дѣлами въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣ чего онъ передаетъ руководство своему товарищу по должности тоже на два года; въ общихъ гильдейскихъ дѣлахъ предсѣдательствуетъ старшина Большой гильдіи и является такимъ образомъ Головою всего мѣщанства, насколько оно противополагается магистрату. При существованіи такого порядка вещей слѣдуетъ ли все-таки приступать къ

---

1) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1110: „9. Если же бы при выборахъ какія ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается вамъ дозволеніе, не переписываясь уже болѣе съ высшимъ мѣстомъ, рѣшить и опредѣлить по лучшему вашему усмотрѣнію то, что къ порядочному и доброму производству сего дѣла полезно; и тѣмъ самымъ исполните нашу волю“.

2) К. к. № С. с. 52, бум. № 27: „ . . . Wann man nun aus dem angehängten Befehle an die HH. Gouverneurs, § 9 ersehen, dass ein erl. hochv. kaiserl. Generalgouvernement im Fall bey der Wahlordnung einige Bedenklichkeiten vorkommen sollten, dieselben entscheiden möge: so wird ein erl. hochverordnetes Kaiserl. Generalgouvernement uns gnädigst erlauben, Hochdemselben nachstehende Bedenklichkeiten unterthänigst zu unterlegen, und um derselben gnädigste Entscheidung demüthigst zu bitten. . .“

избранію другого (anderweitigen) Городского Головы на два года? 2) Производятся ли выборы Городского Головы и Депутата магистратомъ совмѣстно съ мѣщанствомъ изъ среды магистрата и мѣщанства, или же однимъ мѣщанствомъ изъ его же исключительно среды [1])?

Необходимо тутъ же замѣтить, что при обсужденіи приложенія Г.[2]) § 5 этого приложенія, по которому всѣ домовладѣльцы являются избирателями[3]), не возбудилъ въ членахъ магистрата никакого сомнѣнія, хотя далеко не всѣ домовладѣльцы принадлежали къ магистрату и къ гильдіямъ[4]). Въ

---

1) П. к. за 1767 г. № С. 105, стр. 63; К. к. № С. с. 52, бум. № 27: „. . . . Nach der Allerhöchst vorgeschriebenen Wahlordnung wird erfordert, dass in den Städten ein Haupt erwählet werden soll. Nun ist das Haupt der ganzen Stadt der Rath, und im Namen desselben der Justizbürgermeister. Eine jede Gilde hat ihren Aeltermann, der zwey Jahre das Wort führet, und hernach seinem Amtsgenossen dasselbe übergiebet, welcher es wiederum zwey Jahre führet. Wenn beyde Gilden gemeinschaftlich handeln: so führet der grossgildische Aelterman das Wort und ist das Haupt der ganzen Bürgerschaft, insoferne sie dem Rathe entgegengesetzt wird. Wir bitten derowegen in aller Unterthänigkeit, uns gnädigst zu belehren, ob dieser hier schon befindlichen Einrichtung ungeachtet, dennoch die Wahl zur Erkiesung eines anderweitigen Stadthaupts auf 2 Jahre vor sich gehen, ob das Stadthaupt bloss aus der Bürgerschaft, insoferne sie dem Magistrate entgegengesetzt wird, geschehen, und ob nur allein die Bürgerschaft wählen, oder ob auch die sämmtlichen Glieder des Rathes dabey ihre Stimmen geben und balottiren sollen.

Eben dieser Zweifel waltet auch in Ansehung des zu erwählenden Deputirten ob, und wir können nicht umhin, ein erl. hochverordnetes Kaiserl. Generalgouvernement demüthigst zu bitten, uns eine Vorschrift zu geben, ob dieser Deputirte aus und von der Bürgerschaft allein erwählet werden, oder ob der Magistrat dabey concurriren solle. . .“

2) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, № 12,801, Буква Г.: „Обрядъ выбора жителямъ городскимъ для присылки Депутатовъ въ Коммиссію о сочиненіи проэкта новаго Уложенія“.

3) Тамъ же, стр. 1101: „5. Кому выбирать Депутата. Выбираетъ городскаго Депутата всякій хозяинъ, дѣйствительно домъ, или домъ и торгъ, или домъ и ремесло, или домъ и промыслъ въ томъ городѣ имѣющій.“

4) Объяснить это интересное явленіе, а тѣмъ болѣе обосновать его за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній невозможно. Очень можетъ быть, что юрьевскій магистратъ имѣлъ въ виду сдѣлать позднѣе

этомъ же засѣданіи было рѣшено сообщить манифестъ обѣимъ гильдіямъ [1]).

Казалось, что съ отправкою вышеприведенныхъ запросовъ генералъ-губернатору, магистратъ ничего больше не имѣлъ

(по полученіи отъ генералъ-губернатора отвѣта на донесеніе отъ 19 февраля) запросъ объ избирателяхъ, или же, намѣреваясь частнымъ образомъ списаться съ Ригою, онъ хотѣлъ раньше узнать, какъ рѣшилъ поступить рижскій магистратъ въ этомъ отношеніи. Въ Ригѣ, какъ видно изъ книги д-ра Бинеманна [Dr. Friedrich Bienemann. Die Stadthalterschaftszeit in Liv- und Estland (1783—1796). Lpz. Verlag von Duncker u. Humblot. 1886, стр. 147], былъ сдѣланъ по поводу этого запросъ генералъ-губернатору. Д-ръ Бинеманнъ, разсказывая о выборахъ въ Ригѣ при введеніи въ Лифл. губерніи „Учрежденій о губерніяхъ“, говоритъ, что выборы новыхъ должностныхъ лицъ должны были происходить по предписаніямъ манифеста 14 декабря 1766 года. „Слѣдуетъ тотчасъ же упомянуть“, продолжаетъ г. Бинеманнъ, „что графъ Броунъ уже тогда (т. е. въ 1767 году) въ своемъ объясненіи § 26 (sic! вмѣсто § 5) Обряда выбора отъ 14 декабря 1766 г. оградилъ Ригу отъ безпорядочнаго голосованія всѣхъ домовладѣльцевъ“ — „dass Graf Browne schon damals in seiner Interpretation des § 26 der Wahlordnung vom 14. December 1766 Riga vor der wüsten Stimmabgabe aller Hausbesitzer, wie § 26 sie forderte, geschützt hat“. Броунъ былъ того мнѣнія (г. Бинеманнъ допускаетъ въ этомъ отношеніи возможность посторонняго вліянія — „von der richtigen Ansicht ausgehend oder auch für sie gewonnen. . .“), что гильдіи являются представителями всѣхъ жителей Риги. Вотъ почему мы видимъ, что въ Ригѣ принимаютъ участіе въ выборахъ въ 1767 году магистратъ, собраніе гильдейскихъ старостъ (Aeltestenbank), и кромѣ того 20 депутатовъ Большой гильдіи и 15 Малой гильдіи — всего 136 избирателей [см. Bergmann, Lib. v., Erinnerungen an das unter dem Scepter des Russischen Kaiserthums verlebte Jahrhundert. . . Riga. 1810—14. III. Heft, стр. 196, 197; а также Rigascher Almanach für 1905. Riga. 1904, стр. 111, примѣчаніе; г. Бинеманнъ въ вышеназванной книгѣ (стр. 147) ничего не упоминаетъ о депутатахъ Малой гильдіи, но сообщаетъ, что генералъ-губернаторъ приказалъ усилить число 70 старостъ 40 мѣщанами, которые должны были быть избраны Большою гильдіею изъ состава Большой же гильдіи, и предоставить этимъ 110 лицамъ совмѣстно съ членами магистрата производство выборовъ]. Въ своемъ донесеніи Сенату о выборахъ въ Ригѣ Броунъ ничего не говоритъ о такомъ своемъ отступленіи отъ Высочайше предписаннаго Обряда выбора.

1) П. к. за 1767 г. № С. 105, стр. 63: „. . . . . Das Manifest solle auch beyden löbl. Gilden communiciret werden. Quod factum.“

противъ манифеста и что съ полученіемъ яснаго отвѣта можно было надѣяться на безпрекословное точное исполненіе предписаній начальства. По крайней мѣрѣ въ концѣ того же донесенія магистрата отъ 19 февраля значится: по полученіи отвѣта губернскаго правленія „мы (т. е. магистратъ) не преминемъ произвести выборы и прислать требуемое покорнѣйшее сообщеніе о результатѣ оныхъ“ [1]). Но не тутъ-то было!

Одновременно съ офиціальнымъ запросомъ, очевидно завязалась частная переписка между Юрьевомъ и Ригою по поводу манифеста въ виду возможныхъ указаній и совѣтовъ юрьевцамъ со стороны родственнаго города, и вотъ 28 февраля получаетъ юрьевскій бургомистръ отъ чиновника (Official) Эссена [2]) письмо, въ которомъ сообщалось, что городъ Перновъ ходатайствуетъ передъ генералъ-губернаторомъ объ освобожденіи его, Пернова, отъ присылки Депутата [3]). Это сообщеніе наводитъ бургомистра города Юрьева на мысль о возбужденіи подобнаго же ходатайства. Въ тотъ же день, 28 февраля, созываетъ юрьевскій бургомистръ чрезвычайное собраніе магистрата, гдѣ и постановляютъ: уполномочивъ ф. Эссена и снабдивъ его инструкціею подать черезъ него генералъ-губернатору по дѣлу освобожденія города Юрьева отъ присылки Депутата прошеніе, основанное преимущественно въ отличіе отъ города Пернова на незначительности город-

---

1) К. к. № С. с. 52, бум. № 27: „Sobald als ein erl. hochverordnetes Kaiserl. Generalgouvernement gnädigst geruhen wird Hochdesselben Befehle uns hierüber zu eröffnen, wollen wir nicht ermangeln, die Wahl zu veranstalten, und wie dieselbe ausgefallen, den erforderten unterthänigsten Bericht abzustatten . . .“

2) П. к. № С. 105, стр. 76. Это былъ чиновникъ и адвокатъ при рижскомъ хофгерихтѣ Михаилъ фонъ Эссенъ: см. П. к. № С. 105, стр. 78, а также К. к. № С. с. 52, бум. № 40. — Письмо ф. Эссена не сохранилось.

3) П. к. № С. 105, стр. 76: „. . . . . eine Communication von der von der Stadt Pernau beym Kayserl. General-Gouvernement eingegeben Vorstellung, um keinen Deputirten nach Moskau zu senden. . . . .“

скихъ денежныхъ средствъ [1]). Городской синдикъ (стряпчій) Ф. К. Гадэбушъ взялся за составленіе полномочія и инструкціи, которыя и были отправлены М. ф. Эссену 1 марта въ Ригу [2]). Въ полномочіи дается М. ф. Эссену carte blanche относительно мѣропріятій по дѣлу ходатайства [3]), а въ инструкціи приводятся причины, обусловливающія это ходатайство.

По манифесту только малочисленность домовъ (менѣе 50) освобождала городъ отъ обязательной присылки Депутата [4]). Этого въ г. Юрьевѣ не было: въ самомъ городѣ, представлявшемъ собою въ то время бо́льшую часть теперешняго перваго участка, насчитывалось еще въ 1764 году 200 домовъ и столько же въ предмѣстьяхъ [5]); но, какъ говорится въ ин-

---

1) П. к. № С. 105, стр. 76, 77: „Die Pernauschen Umstände quadrirten zwar nicht auf diese Stadt (т. е. Юрьевъ), welche volkreicher ist; alleine unserer Stadts-Cassa Umstände, da bereits Schulden zum Mühlen-Bau gemacht werden musten, das Rathhaus den Umsturtz drohete und gebauet werden müste, gebe Gelegenheit gnug auch eine Vorstellung ergehen zu lassen, wozu d. Hr. Official v. Essen zu bevollmächtigen wäre. . .“

2) Тамъ же, стр. 77: „d. H. Syndicus wolte dieses (т. е. изготовить полномочіе) und eine Instruction aufsetzen“; стр. 78: „d. 1. Martii 1767. Wegen Abbeugung der Deputation wurde eine Instruction an d. H. Official, Michael von Essen, nebst Vollmacht nach Riga übersandt“.

3) К. к. № С. с. 52, бум. № 40: „Vollmacht. Wir Bürgermeister nnd Rath der Kayserlichen Stadt Dorpat, ertheilen hiemittelst und krafft dieses, d. H. Official und Hofgerichts Advocato M. von Essen die Vollmacht, dass Selbiger bey Em. Erl. hochverordneten Kayserl. General-Gouvernement unterthänigst sollicitire, dass die Stadt Dorpat von Absendung eines Deputirten zur Gesetzcommission nach Moscau möge befreyet werden, wollen also, was derselbe dieserhalben vornehmen und betreiben wird, gäntzlich genehmigen, gut heissen und ihn schadlos halten. Welches vermittelst unserer Unterschrift und beygedruckten Stadts-Insiegel bekräftigen. Dorpat in Curia den 1. Marty 1767“.

4) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, № 12801, Буква Г., § 3: Но какъ тѣмъ городамъ, въ коихъ малое число жителей находится, не-равно сей распорядокъ могъ бы обратиться въ тягость, того для въ тѣхъ городахъ, гдѣ малое число домовъ, а именно: менѣе 50, отдается на волю прислать или не присылать Депутата . “.

5) К. к. за 1764 г. № С. с. 49, бум. № 1, въ концѣ отвѣта магистрата на 2-й вопросъ Академіи Наукъ; „. . . Ueberhaupt sind

струкціи, „нѣтъ недостатка въ другихъ причинахъ, которыя достаточно вѣски для исходатайствованія ему (т. е. городу) освобожденія отъ присылки Депутата“ [1]). Эти вѣскія причины слѣдующія:

1) По § 1 Свода привилегій городъ Дэрпатъ (такъ бо́льшею частію называлъ Ф. К. Гадэбушъ городъ Дерптъ, нынѣшній и древній Юрьевъ) основанъ на рижскомъ правѣ, и въ какомъ видѣ онъ пользовался этимъ правомъ съ самаго начала заселенія Лифляндіи нѣмцами, въ такомъ же видѣ было это право за нимъ Всемилостивѣйше утверждаемо августѣйшими властелинами нашего отечества не только въ прежнія времена шведскаго, но и въ позднѣйшія времена славнаго русскаго владычества, а также и Ея Императорскимъ Величествомъ нынѣ достославно царствующею Государынею Императрицею. Мы желаемъ оставаться при этихъ законахъ, и потому интересы наши тожественны съ интересами главнаго города края, который (т. е. городъ Рига) безъ всякаго сомнѣнія будетъ неустанно просить о сохраненіи его почти 600-лѣтняго Свода законовъ [2]).

---

in der Stadt, bey 200 Häuser alle zusammt, und in denen Vorstädten, mit denen unteutschen Bauerhütten eingerechnet eben so viel, also dass ihre Zahl sich überhaupt auf 400 betragen wird“. То же напечатано въ „Sammlung Russischer Geschichte. Des neunten Bandes Erstes Stück. St. Petersburg bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften. 1764, стр. 460. Описаніе города Юрьева въ видѣ отвѣтовъ на вопросы Академіи Наукъ было составлено тогдашнимъ бургомистромъ Заменомъ.

1) К. к. за 1767 г. № С. с. 52, бум. № 38: „Instruction für d. H. Official von Essen um, wo möglich die Stadt Dorpat von der Absendung eines Deputirten zur Gesetzcommission nach Moskow Befreyung zu verschaffen. — Es hat zwar die Stadt Dörpat den Grund nicht vor sich, den die Stadt Pernau anführet, nämlich die geringe Anzahl von Bürgern, welche mit Häusern angesessen sind; allein es mangeln nicht andere Gründe, welche wichtig genug sind, ihr die Befreyung von der Absendung eines Abgeordneten zu wege zu bringen“.

2) Тамъ же: „1. Nach dem Corpore privilegiorum, § 1 ist die Stadt Dörpat auf das rigische Recht gegründet, und gleichwie sie sich dieses Rechtes von dem Anfange der deutschen Bevölkerung in Liefland an bedienet hat, also ist ihr solches von den allerhöchsten Beherrschern unsers Vaterlandes nicht nur in den ehemaligen schwedischen, sondern auch in den itzigen glorreichen russischen Regierungszeiten, und von Ihro itzt glorwürdigst regierenden Kaiserlichen

2) Такъ какъ все то, что у насъ относительно правосудія было неудовлетворительно, уже дополнено, исправлено и приведено въ порядокъ комиссіею [1]), назначенною по Высочайшему и Всемилостивѣйшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества и работавшею подъ высокимъ руководствомъ генералъ-губернскаго правленія, то въ настоящее время, за исключеніемъ оспариваемой у благороднаго магистрата подсудности ему (магистрату) русскихъ съ ихъ правомъ торговли, что впрочемъ во всемъ своемъ объемѣ представлено на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату, мы не знаемъ ничего такого, въ чемъ желательно было бы хотя бы малѣйшее измѣненіе, напротивъ того, мы скорѣе всепокорнѣйше просили бы о Всемилостивѣйшемъ оставленіи намъ нашихъ привилегій, законовъ и учрежденій (копіи съ нихъ мы послали недавно, а именно въ прошломъ году), а также о разрѣшеніи по-прежнему руководствоваться ими и охранять ихъ. Къ этому надо добавить

3) плохое состояніе городской кассы, которая вслѣдствіе чрезвычайныхъ расходовъ (на содержаніе комиссіи, на постройку мельницы и т. п.) такъ истощена, что помимо отсутствія обычнаго запаснаго капитала на непредвидѣнные случаи, мы принуждены были даже занять деньги на постройку мельницы; большихъ средствъ потребуетъ также необходимая постройка ратуши, такъ какъ теперешняя ратуша мало того что плоха, но и опасна, и только многочисленныя подпорки предотвращаютъ ея паденіе. Вотъ почему мы не были также въ состояніи, согласно нашему недавнему донесенію генералъ-губернскому правленію, выдать членамъ магистрата давно уже разрѣшенную высшимъ начальствомъ прибавку къ ихъ жалованью [2]).

Majestät allergnädigst bestätiget worden. Wir wünschen bei diesem Gesetze zu bleiben, und haben demnach mit der Hauptstadt dieses Landes einerley Interesse, als welche ohne allen Zweifel um die Beybehaltung ihres beynahe 600-jährigen Gesetzbuches unablässig bitten wird."

1) Здѣсь и въ послѣдующемъ пунктѣ говорится о комиссіи, назначенной въ 1764 году для разбора и прекращенія распрей между мѣщанствомъ и магистратомъ города Юрьева. Закончились ея занятія составленіемъ соглашенія мѣщанства съ магистратомъ въ 1765 году. Секретаремъ этой комиссіи былъ Ф. К. Гадэбушъ, не состоявшій тогда еще членомъ магистрата.

2) К. к. за 1767 г. № С. с. 52, бум. № 38: „2. Aber ist dasjenige, was bey unserm Zustande in Ansehung der Justiz mangelhaft

По изложеніи этихъ причинъ магистратъ проситъ ф. Эссена, въ случаѣ неудачи хлопотъ по освобожденію отъ присылки Депутата, посодѣйствовать по крайней мѣрѣ полученію отвѣта губернскаго правленія на представленіе и запросы магистрата отъ 19 февраля [1]). Въ концѣ инструкціи, или наказа ф. Эссену мы читаемъ:

Было бы конечно хорошо, если бы г. офиціалъ ф. Эссенъ могъ намъ достовѣрно сообщить, какъ ведутъ (вели?) себя въ Ригѣ при выборахъ, выбрали ли тамъ первоначально Голову или только Депутата, и производились ли выборы посредствомъ

---

gewesen, durch eine auf Ihro Kaiserlichen Majestät allerhöchsten und allergnädigsten Befehl unter eines erlauchten hochverordneten Kaiserl. General-Gouvernementes hoher Direction niedergesetzte Kommission ergänzet, verbessert und berichtiget worden, also, dass itzt, ausser der einem edlen Rathe streitig gemachten Gerichtsbarkeit über die Russen und derselben Freyheit zu handeln, welches alles aber vor einem erlauchten nnd hohen dirigirenden Senate anhängig ist, nicht das geringste zu vermuthen ist, worinn man eine Abänderung wünschen, sondern vielmehr allerunterthänigst bitten mögte, uns bey unsern Privilegien, Gesetzen und Ordnungen, wovon wir vor kurzem, nämlich im vorigen Jahre Abschriften eingesandt, allergnädigst zu lassen, und wie bisher zu handhaben und zu erhalten. Dazu kömmt

3. der schlechte Zustand des Stadtkastens, der durch ausserordentliche Ausgaben, die Kommissionskosten, den Mühlenbau u. s. w., erschöpft worden, dergestalt, dass da man sonst besorget gewesen, auf unversehene Fälle einen Vorrath zu haben, nicht allein solcher itzt mangelt, sondern wir auch gezwungen gewesen sind, zum Mühlenbau Geld aufzunehmen, wie denn ferner der unumgängliche Rathhausbau sehr vieles Geld erfordern wird, dieweil das itzige nicht nur schlecht, sondern auch gefährlich ist, und bloss durch eine Menge Stützen an seinem Einfalle verhindert wird. Derowegen wir, wie einem erlauchten hochverordneten Kaiserlichen General-Gouvernemente von uns neulichst unterleget worden, den Gliedern des Rathes die ihnen längst hochobrigkeitlich ausgemachte Vermehrung ihrer Besoldung nicht ausreichen können."

1) Тамъ же: „Aus diesen Gründen bitten wir demnach, dass ein erl. hochverordnetes Kaiserl. General-Gouvernemeut uns von der Absendung eines Deputirten zur Gesetzeskommission nach Moskov gnädigst befreyen möge. Sollte solches nicht geschehen, so wird d. H. Official von Essen die Güte haben, wenigstens uns eine Antwort auf die von dem Magistrat geschehene Uuterlegung und Befragung vom 19. Febr. in Ansehung der Wahl zu bewirken."

шаровъ, посредствомъ голосованія или же, быть можетъ, даже обыкновеннымъ способомъ [1]).

На другой день послѣ отправки ф. Эссену полномочія и наказа, 2 марта, былъ полученъ отвѣтъ генералъ-губернатора на запросъ отъ 19 февраля, что и было отмѣчено съ приведеніемъ вкратцѣ сути самого отвѣта — придерживаться только указаній манифеста относительно выборовъ Головы и Депутата — въ тотъ же день въ протокольной книгѣ [2]). Этимъ, должно быть, ограничились пока дѣйствія магистрата [3]). Только въ засѣданіи 6 марта г. консулъ, т. е. бургомистръ юстиціи, доложилъ о баллотировкѣ и о выборахъ Депутата и спросилъ:

---

1) Тамъ же: „Es wäre wohl gut, wenn der Herr Official von Essen uns eine zuverlässige Nachricht ertheilete, wie man sich in Riga bey der Wahl betrage(n?), und ob man dort vorher ein Haupt, oder bloss einen Deputirten erwählet, und ob man dort durch Kugeln oder Stimmen, und vielleicht gar auf die sonst gewöhnliche Art, erkohren habe."

2) П. к. № С. 105, стр. 79: „d. d. 2. Marty 1767 . . . Von Em. Erl. Hochv. Kais. Gen.-Gouvernement auf Magistrats am 19. Febr. geschehene Anfrage Antwort eingegangen, wesmittelst der Rath auf das Manifest lediglich verwiesen worden, ratione Wahl eines Hauptes und Deputirten."

3) Правда, въ протокольной книгѣ подъ тѣмъ же числомъ (П. к. № С. 105, стр. 79) имѣется рѣшеніе: „Solle diesen Sonntag von der Canzel publiciret werden, dass den 12 die Bürgerschaft so eigene Häuser haben zu Rathhause sich einstellen solten" — „должно быть объявлено въ это воскресенье съ каѳедры, чтобы мѣщане-домовладѣльцы явились 12 (марта) въ ратушу"; но, судя по внѣшности (помимо оттѣнка чернилъ, почти половина всего предложенія помѣщается на поляхъ) этой записи, она, очевидно, внесена въ протоколъ не 2 марта, а позднѣе, тѣмъ болѣе что позднѣйшія записи довольно точно опровергаютъ возможность принятія рѣшенія въ дѣлѣ выборовъ уже 2 марта. Кромѣ этого само рѣшеніе не отличается ясностью: не сказано, напримѣръ, для чего должны явиться мѣщане-домовладѣльцы въ ратушу, что, при отсутствіи вообще отмѣтки вопроса, предложеннаго на обсужденіе, было бы весьма кстати; странно также выраженіе „въ это воскресенье", которое относится къ 4 марта и какъ бы исключаетъ вторичное объявленіе 11 марта. Разумѣется, при неимѣніи никакихъ другихъ данныхъ, можно изъ всего предыдущаго заключить, что рѣшеніе касается выборовъ, и что 11 марта также читалось съ каѳедры объявленіе о предстоящихъ выборахъ, но, при существованіи болѣе точныхъ и ясныхъ записей о томъ же предметѣ, упомянутое выше рѣшеніе невольно порождаетъ всевозможныя сомнѣнія, и просто удивляешься его появленію въ протокольной книгѣ.

не назначить ли для этого день? Рѣшеніе, отчасти, повидимому, неокончательное, гласило: „будущій понедѣльникъ былъ для этого назначенъ, такъ что въ предыдущее воскресенье пришлось бы это объявить“ [1]). Черезъ четыре дня, а именно 10 марта, по занесеніи въ протоколъ въ болѣе подробномъ видѣ „недавняго соглашенія“ относительно выборовъ, состоялось окончательное рѣшеніе, и г. пробсту было послано магистратомъ соотвѣтствующее объявленіе [2]); это объявленіе помѣчено 10 марта, но, судя по употребляемымъ въ немъ словамъ „morgen“ (завтра) и „Morgenden Tages“ (завтрашній день), относящимся къ понедѣльнику 12 марта, составлено какъ бы 11 марта, когда и было оно читано съ каѳедры кирки св. Іоанна [3]).

---

1) П. к. № С. 105, стр. 92, подъ 6 марта: „Dns. Consl. (Dominus Consul) brachte das Ballotiren und Wahl eines Deputirten in Vortrag, und ob nicht ein Tag dazu anzusetzen sey? — Der künftige Montag ward dazu bestimmet, den Sonntag vorher wäre es also zu publiciren.“ Вся эта протокольная запись доказываетъ, что 2 марта выборы не обсуждались и рѣшенія насчетъ нихъ не состоялось (ср. послѣдное примѣчаніе), иначе бургомистръ непремѣнно сослался бы на засѣданіе 2 марта и чѣмъ-нибудь объяснилъ бы свой вторичный докладъ, а также скорѣе предложилъ бы подтвердить прежнее рѣшеніе, чѣмъ вообще назначить день для выборовъ.

2) П. к. № 105, стр. 108, подъ 10 марта: „Nach jüngster Abmachung, dass künftigen Montag die Wahl eines Haupts und dann eines Deputirten nach dem hohen Manifest erwehlet werden (sic! вмѣсто vor sich gehen или geschehen и т. п.) solle, war beliebet solches durch eine Publication von der Cantzel denjenigen Bürgern, welche Häuser haben, bekandt zu machen. — Wurde also eine publication d. H. Probst zugesandt“ — „по недавнему уговору, что въ будущій понедѣльникъ согласно высокому манифесту долженъ быть избранъ Голова, а потомъ Депутатъ, (магистратъ) заблагоразсудилъ дать знать объ этомъ посредствомъ объявленія съ каѳедры церковной мѣщанамъ-домовладѣльцамъ. — Потому было послано объявленіе г-ну пробсту“. — И въ этой протокольной записи не упоминается о сомнительномъ рѣшеніи 2 марта. Подъ „недавнимъ уговоромъ“ — „jüngste Abmachung“ — подразумѣвается не что иное, какъ обсужденіе и рѣшеніе 6 марта. Для чего послалъ бы магистратъ пастору объявленіе 10 марта, если бы г. пробстъ, согласно мнимому рѣшенію отъ 2 марта, получилъ таковое уже раньше для прочтенія его въ киркѣ 4 марта?

3) К. к. за 1767 годъ № С. с. 52: „d. 10. Marty № 47. Da mittelst I. K. M. allerhöchsten, von der Cantzel an 3 Sonntagen pub-

Кто призывался къ выборамъ? Списокъ избирателей города Юрьева Лифл. губ. 1767 года не сохранился[1]), а потому трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ протоколѣ за-

licirten Manifestes anbefohlon worden, sowohl aus dem Lande, als aus den Städten, gewisse Personen zu einem Entwurf eines neuen Gesetzbuches, nach der ersten Kayserl. Residenz-Stadt Moscau zu deputiren, und zu dem Ende, nach einer, im allerhöchsten Manifeste enthaltenen Vorschrift, die Wahl eines Hauptes und nachgehends eines Deputirten anzustellen; Ein Edler Rath dieser Stadt aber gesonnen, morgen und in denen darauffolgenden Tagen das Wahlgeschäfte aufm Rathhause vorzunehmen; so wird solches denenjenigen Bürgern und Einwohnern, welche eigene Häuser haben, hiemittelst bekand gemachet, und ihnen angedeutet, Morgenden Tages praecisé um 8 Uhr sich zu Rathhause einzufinden; wohingegen diejenigen, die keine eigene Häuser haben, zurücke bleiben; wie auch andere, denen dieses Wahlgeschäfte nichts angehet, damit der ohnedem enge Raum aufm Rathhanse nicht noch mehr benommen werden, das Wahlgeschäfte aber ohne Geräusch und incommodité vorzunehmen seyn möge“ — „10 марта № 47. Такъ какъ Высочайшимъ манифестомъ Е. И. В., обнародованнымъ съ каѳедры церковной три воскресенья сряду, повелѣно прислать какъ изъ деревень, такъ и изъ городовъ въ первопрестольный императорскій городъ Москву извѣстныхъ лицъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія, а равно избрать для этого, согласно имѣющемуся при Высочайшемъ манифестѣ обряду, Голову, а потомъ Депутата, и такъ какъ Благородный Магистратъ этого города намѣренъ завтра и въ слѣдующіе дни произвести въ ратушѣ выборы, то объявляется объ этомъ тѣмъ мѣщанамъ и жителямъ, которые владѣють собственными домами, и предписывается имъ явиться завтрашній день ровно въ 8 часовъ въ ратушу; не имѣющіе же собственныхъ домовъ и другіе, которыхъ выборы не касаются, должны оставаться дома, чтобы и безъ того тѣсныя помѣщенія ратуши не были еще больше заполнены, и чтобы избраніе производилось безъ шума и безъ затрудненій.“

1) Составленіе такого списка предписывалось § 10 приложенія Г. къ Высочайшему манифесту 14 декабря 1766 года: „Начальникъ отъ Магистрата и Ратуши или Полиціи требуетъ списка всѣмъ наличнымъ въ томъ городѣ имѣющимъ домы. Магистраты же и Ратуши, или Полиціи напишутъ въ спискѣ напередъ женатыхъ и имѣющихъ дѣтей, потомъ женатыхъ, но бездѣтныхъ, потомъ вдовцовъ, а неженатые суть послѣдніе на семъ спискѣ“. (П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1101—1102.) Въ протокольной книгѣ № С. 105, стр. 111 говорится о спискѣ, который былъ прочитанъ 12 марта и по которому были размѣщены „die Bürgere“ — мѣщане („Nachdem wurden die Bürgere nach 4 Klassen, wie vorgeschrieben, abgelesen und zu sitzen rangiret . . .“). Насколько онъ соотвѣтствовалъ предписаніямъ манифеста — неизвѣстно.

сѣданія 2 марта говорится о домовладѣльцахъ изъ „Bürgerschaft“ [1]), т. е. о такихъ жителяхъ города, которые были нѣмцами, пользовались правами юрьевскихъ мѣщанъ и почти всѣ принадлежали къ гильдіямъ, принимавшимъ нѣкоторое участіе въ управленіи городомъ. То же встрѣчаемъ мы и въ протоколѣ засѣданія 10 марта [2]); въ нѣмецкомъ же объявленіи, посланномъ 10 марта пастору Ленцу призываются къ выборамъ „Bürger und [3]) Einwohner, welche eigene Häuser haben“ — „мѣщане *и* жители, имѣющіе собственные дома“ [4]). Итакъ, читая это объявленіе, можно было бы подумать, что юрьевскій магистратъ въ точности исполнилъ предписаніе манифеста о призывѣ къ выборамъ всѣхъ наличныхъ домовладѣльцевъ [5]), но, къ сожалѣнію, изъ имѣющихся въ моихъ рукахъ архивныхъ данныхъ ничѣмъ нельзя подтвердить дѣйствительнаго присутствія домовладѣльцевъ изъ числа жителей, не пользовавшихся правами юрьевскихъ мѣщанъ, не принадлежавшихъ къ гильдіямъ и бывшихъ по національности своей почти исключительно эстами или русскими [6]). Правда, въ одной про-

---

1) П. к. № С. 105, стр. 79: „. . . die Bürgerschaft, so eigene Häuser haben. . .“ (разрядка моя).

2) П. к. № С. 105, стр. 108: „. . . eine Publication denjenigen Bürgern, welche eigene Häuser haben. . .“ На стр. 111-й, въ протоколѣ засѣданія 12 марта: „. . . die aus der löbl. Bürgerschaft . . . welche eigene Häuser besitzen, sich eingestellet. . .“

3) Разрядка моя.

4) К. к. № С. с. 52, бум. № 47.

5) П. С. З. Р. И., СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1101, § 8; стр. 1102, § 10.

6) Такъ, напримѣръ. нигдѣ въ протоколахъ не отмѣчено, что объявленіе 10 марта читалось въ эстонскомъ приходѣ, нигдѣ также не значится, что это объявленіе было переведено на русскій языкъ для ознакомленія съ нимъ русскихъ жителей города, между тѣмъ уже въ 1763 году было около 55 русскихъ домовладѣльцевъ (К. к. № С. с. 48, въ бум. № 11 отъ 28 февраля 1763 года), да и переводъ объявленій на русскій языкъ не былъ новостью (такъ, напр., находятъ необходимымъ объявить по-русски: о рыбной пошлинѣ — К. к. № С. с. 48, въ бум. за № 5 отъ 13 марта 1763 года —; рыночное положеніе въ 1765 году — К. к. № С. с. 50, въ бум. № 99 отъ 18 окт. 1765 года; положеніе о вѣсахъ въ 1765 году — тамъ же, въ бум. № 116). Какъ до выборовъ, такъ и при выбо-

токольной замѣткѣ проглядываетъ какъ бы намѣреніе магистрата призвать всѣхъ домовладѣльцевъ, а именно въ протоколѣ засѣданія 27 февраля, въ которомъ обсуждается вопросъ бургомистра: гдѣ возможно было бы произвести баллотировку въ разсужденіе „массы людей“ (Menge der Menschen [1])? Рѣшаютъ даже занять на время выборовъ церковь [2]), но потомъ почему-то зачеркиваютъ это постановленіе и назначаютъ мѣстомъ для выбора ратушу [3]), не отличавшуюся обширными

рахъ говорятъ о членахъ магистрата и о членахъ или представителяхъ обѣихъ гильдій; въ гильдіи же, не говоря уже о магистратѣ, могли поступать только лица, пользовавшіяся правами юрьевскихъ мѣщанъ, которые были въ то время исключительно нѣмцы (въ К. к. № С. с. 49, въ бум. № 1 отъ 8 янв. 1764 года въ отвѣтѣ юрьевскаго магистрата на 30-й вопросъ Академіи Наукъ мы читаемъ: „In der Stadt ist die Bürgerschaft teutscher Nation, und werden auch keine andere zum Bürger-Recht gelassen“ – „въ городѣ мѣщанство германской національности; и никто другой не допускается къ полученію правъ мѣщанства“; то же, хотя нѣсколько въ иной формѣ, имѣется въ „Sammlung Russischer Geschichte. IX. Band. I. Stück. St.-Petersburg. 1764, стр. 467: „In der Stadt ist die Bürgerschaft von Deutscher Nation, und werden auch keine andere, als Deutsche, zum Bürgerrechte gelassen“ — „. . . и никто другой, кромѣ нѣмцевъ, не допускается къ полученію правъ мѣщанства“; впервые становятся юрьевскими мѣщанами нѣкоторые русскіе и, если не ошибаюсь, нѣкоторые эсты въ 1787 году [см. Книгу о мѣщанахъ (Bürger-Buch) № А. 26].

1) П. к. № С. 105, стр. 72: „d. d. 27. Febr. 1767. . . Dns. Consl. Just. brachte das ballotiren in Vortrag und fragte, an welchem Orte es möglich wäre wegen der Menge der Menschen. . .“

2) Тамъ же: „Ward beliebet, dass es (т. е. das Ballotiren) in der Kirchen geschehen solle. . .“

3) Тамъ же: „Auf dem Rathhause es anzustellen“. Этимъ краткимъ рѣшеніемъ замѣнили прежнее, болѣе пространное, содержавшее, помимо назначенія кирки для баллотировки, еще постановленіе: объявить объ этомъ черезъ г. пробста Ленца съ каѳедры во избѣжаніе стеченія людей, которыхъ баллотировка не касалась — „und damit kein Zulauff von Leuten, die es nicht angehet, geschehe, könte es d. H. Probst Lenz von der Cantzel verkündigen“. Нѣмецкій текстъ, вслѣдствіе употребленія въ немъ мѣстоименія „es“, можно понять также слѣдующимъ образомъ: г. пробстъ Ленцъ могъ бы объявить съ каѳедры, чтобы люди, которыхъ баллотировка не касается, не приходили. Исключеніе во второмъ рѣшеніи второй половины перваго какъ бы доказываетъ, что магистратъ относительно способа объявленія о выборахъ оставилъ 27 февраля вопросъ пока открытымъ.

помѣщеніями [1]) и признанную самимъ магистратомъ вслѣдствіе ветхости опасною [2]). Должно быть, магистратъ тогда уже нашелъ способъ обойти законъ и тѣмъ сузить кругъ участниковъ, а то, быть можетъ, измѣнилъ онъ свое рѣшеніе отъ 27 февраля лишь по полученіи извѣстія изъ Риги, гдѣ, какъ уже извѣстно, призваны были къ участію въ выборахъ только 136 нѣмцевъ. Интересно, что G. B(erkholz), авторъ статьи о юрьевскомъ депутатѣ, писанной имъ въ 1862 году [3]) не вѣритъ въ возможность участія въ выборахъ всѣхъ домовладѣльцевъ въ лифляндскихъ и эстляндскихъ городахъ [4]); г.

---

1) К. к. за 1767 г. № С. с. 52, въ бум. № 23: „. . . muss man unumgänglich und ernstlich auf ein neues Rathhaus denken. . . . Die Enge des Raumes (старой деревянной ратуши) machet überdies den Bau nothwendig . . . .“ — „необходимо серіозно подумать о возведеніи новой ратуши . . . Тѣснота помѣщеній дѣлаетъ кромѣ того постройку неизбѣжною . . . .“; а въ бум. № 47: „. . . . der ohnedem enge Raum aufm Rathhause . . . .“ — „безъ того тѣсныя помѣщенія ратуши . . .“

2) Тамъ же: въ бум. № 23: „. . . das itzige hölzerne Gebäude in solchem schlechten Zustande ist, dass wir solches nicht ohne alle Furcht vor einem plötzlichen Einsturze betreten können. . .“ — „теперешнее деревянное зданіе въ такомъ плохомъ состояніи, что мы входимъ въ него не безъ боязни относительно его внезапнаго паденія . . .“; а въ бум. № 38: „. . . der unumgängliche Rathhausbau sehr vieles Geld erfordern wird, dieweil das itzige nicht nur schlecht, sondern auch gefährlich ist, und blos durch eine Menge Stützen an seinem Einfalle verhindert wird . . . .“ — „неизбѣжная постройка ратуши потребуетъ большихъ денегъ, такъ какъ теперешняя (ратуша) не только плоха, но и опасна, и только множество подпорокъ предохраняетъ ее отъ паденія. . . .“

3) „Baltische Monatsschrift“, т. V (1862 г.), стр. 143—153.

4) Тамъ же, стр. 143, въ примѣчаніи: „. . . Es wäre interessant zu wissen, wie sich die Wahlen in praxi gemacht haben. Sollten z. B. in den liv- und estländischen Städten wirklich alle Hausbesitzer gewählt haben?“ — „Было бы очень интересно знать, какъ оказались выборы на практикѣ. Дѣйствительно ли, напр,, выбирали въ лифляндскихъ и эстляндскихъ городахъ всѣ домовладѣльцы?“ — Очевидно, г. Бэркхольцъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній даже о рижскихъ выборахъ 1767 года, о которыхъ, впрочемъ, появились печатныя сообщенія задолго до 1862 года (см. „Rigasche Anzeigen“ 1767 года, XII вып. 19 марта; L. v. Bergmann. Erinnerungen an das unter dem Scepter des Russischen Kaiserthums verlebte Jahrhundert. . . Riga. 1810—1814, стр. 196, 197.)

Ю. Эккардтъ считаетъ прямо-таки „Ultras“'ами — сумасбродами — людей, которые требовали относительно выборовъ участія жителей - домовладѣльцевъ, стоявшихъ внѣ магистрата, Большой и Малой гильдій [1]), а д-ръ Ф. Бинеманнъ, идущій по стопамъ г. Эккардта, называетъ голосованіе всѣхъ домовладѣльцеяъ „wüste Stimmenabgabe“ — „безпорядочнымъ, безобразнымъ, дикимъ голосованіемъ“ [2]). Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе предположить, что составители юрьевскаго объявленія помѣстили слово „Einwohner“ въ видѣ плеоназма (многословія, повторенія), подразумѣвая подъ „Einwohner“ тѣхъ же „Bürger“, которые вѣдь тоже „жители“, или же подъ „Einwohner“ надо понимать „въ настоящее время въ городѣ находящихся, т. е.

---

1) Julius Eckardt. Die baltischen Provinzen Russlands. . . 2. Auflage. Leipzig. Verlag von Duncker und Humblot. 1869, стр. 242, а также въ „Baltische Monatsschrift“ за 1867 годъ, т. XVI, стр. 399, въ его статьѣ „Die Einführung der Stadthalterschaftsverfassung in Livland“: „. . . es gab sogar Ultras, welche eine Theilnahme der ausserhalb der drei Stände stehenden Einwohner verlangten“. Очень характерно! „Ultras“'ами, разумѣется, являются такія лица въ глазахъ г. Эккардта потому, что ихъ требованіе, хотя и основанное на Высочайшей волѣ, не соотвѣтствовало интересамъ привилегированнаго нѣмецкаго класса; будь же эти „ausserhalb der drei Stände stehende Einwohner“ нѣмцы, то едва ли г. Эккардтъ назвалъ бы „Ultras“'ами лицъ, желавшихъ точнаго исполненія Высочайшей воли!

2) Dr. Friedrich Bienemann. Die Statthalterschaft in Liv- und Estland (1783—1796). Leipzig. Verlag von Duncker und Humblot. 1886, стр. 147: „Es ist gleich zu erwähnen, dass Graf Browne schon damals (т. е. въ 1767 году) . . . Riga vor der wüsten Stimmabgabe aller Hausbesitzer . . . , geschützt hat“. Въ другомъ мѣстѣ, относящемся къ выборамъ должностныхъ лицъ при введеніи въ Прибалтійскомъ краѣ „Учрежденія для управленія губерній“, д-ръ Бинеманнъ не безъ удовольствія отмѣчаетъ: „dass es niemand (разрядка автора) auch nur im Traume einfällt, in den „Einwohnern dieser Städte“ anderes als die „Bürger“ zu sehen — so fern stand man vor hundert Jahren bei uns jeder kosmopolitischen und humanitaren Verschwommenheit. . .“ — „что никому и во снѣ не приходитъ въ голову въ „жителяхъ этихъ городовъ“ видѣть нѣчто иное какъ „бюргеровъ“, „мѣщанъ“ (лицъ, пользовавшихся мѣщанскими правами, т. е. нѣмцевъ) — такъ далеки были мы сто лѣтъ тому назадъ отъ всякой космополитической и гуманитарной неясности. . .“ (тамъ же, стр. 159)

наличныхъ жителей, пользующихся мѣщанскими правами", а не другихъ жителей города[1]). Впрочемъ, быть можетъ, это

---

1) Выраженіе „Bürger und Einwohner" въ объявленіи 10 марта 1767 года равносильно выраженіямъ: „bürgerliche Einwohner" (ср. К. к. № С. с. 48, бум. № 69, 23 окт. 1762 г., въ 12 отвѣтѣ; К. к. № С. с. 50, бум. № 110, 9 ноября 1765 г.), „teutsche Bürgerliche Einwohner" (ср. К. к. № С. с. 48, бум. № 55, 28 авг. 1763 г.); рядомъ съ употребленіемъ слова „Einwohner" въ смыслѣ жителей, не пользующихся мѣщанскими правами, очень часто замѣняетъ оно слова „Bürger", „teutsche Einwohner", „teutsche Bürgerschaft", „Bürgerschaft", „eydgeschworene Bürgerschaft" и т. п. Какъ очень ясный примѣръ можно привести мѣста изъ документовъ, въ которыхъ упоминается объ уводѣ въ плѣнъ нѣмецкаго населенія города Юрьева Іоанномъ Грознымъ и Петромъ Великимъ; при Іоаннѣ Грозномъ: см. К. к № С. с. 48, бум. № 69, 23 октября 1762 г.: „. . . 1558 . . . ward die Stadt zerstöret und die Einwohner nach Russland geführet. . ." ; бум. № 5, 3 февр. 1763 г.: „. . 1558 . . bey der bald darauf erfolgten allgemeinen Zerstörung und Wegführung aller Einwohner . . .", „. . . weilen von denen alten weggeführten Einwohnern Niemand wiederkommen . . . ."; при Петрѣ Великомъ: см. К. к. № С. с. 48, бум. № 11, 28 февр. 1763 г.: „. . . die Einwohner der Stadt ao. 1709 sämmtl. in die Gefangenschaft nach Russland und Sibirien geführet worden . . ."; К. к. № С. с. 49, бум. № 1, 8 янв. 1764 г.: „. . . die in die Gefangenschaft geführte Einwohner aus derselben entlassen worden . . ."; „. . . auch 1709 abermahlen bey der allgemeinen Gefangenschaft aller Einwohner . . ."; К. к. № С. с. 51, бум. № 23, 15 февр. 1766 г.: „. . . dieser Ort (т. е. Юрьевъ) durch allgemeine Wegführung derer Einwohner in die Gefangenschaft öde und wüste worden . . ." — Въ заключеніе приведу предложеніе изъ одной бумаги, составленной синдикомъ Гадэбушемъ: „Es ist bekannt, und braucht gar keines Beweises, dass die ersten Bürger und Bewohner der Stadt Dörpat und aller andern liefländischen Städte aus Deutschland gekommen sind, und von dannen die Gewohnheiten deutscher insonderheit niedersächsischer Städte, aus welchen die ersten deutschen Einwohner dieses Landes entsprossen, mit sich brachten. . ." (К. к. № С. с. 51, бум. № 152, 30 ноября 1766 года) — „извѣстно и не требуетъ никакого удостовѣренія то обстоятельство, что первые мѣщане и жители (обитатели) города Дэрпата и другихъ лифляндскихъ городовъ пришли изъ Германіи и ввели обычаи нѣмецкихъ преимущественно нижнесаксонскихъ городовъ, откуда были родомъ первые нѣмецкіе жители этого края . . ." Здѣсь въ выраженіи „Bürger und Bewohner" („мѣщане и жители") слово „Bewohner" не противополагается слову „Bürger", а оба слова обозначаютъ однихъ и тѣхъ же нѣмцевъ, тѣхъ же „deutsche Einwohner". (Въ примѣчаніи всюду разрядка моя.)

выраженіе введено въ объявленіе съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, сослаться на него, какъ на доказательство точнаго исполненія предписаній манифеста.

12 марта 1767 года въ 8 часовъ утра собрались магистратъ и мѣщане-домовладѣльцы для производства выбора Головы [1]). Послѣ краткаго слова бургомистра, въ которомъ онъ указалъ на необходимость выборовъ согласно манифесту, городской фискалъ І. Я. Шмидтъ прочиталъ манифестъ. Затѣмъ по имѣвшемуся списку были размѣщены мѣщане, раздѣленные согласно предписанію манифеста на 4 класса, а по раздачѣ всѣмъ избирателямъ шариковъ начали баллотировать членовъ магистрата [2]). По манифесту должны были подвергнуться баллотировкѣ всѣ присутствовавшіе [3]), въ

---

1) П. к. № С. 105, стр. 111: „. . . d. 12. Marty 1767 . . . war E. Edl. Rath zu Rathhause zusammengekommen, um, da auch die aus der löbl. Bürgerschaft, nach der gestern von der Cantzel geschehenen publication, welche eigene Häuser besitzen, sich eingestellet, in Gottes Nahmen das Wahlgeschäffte, und zwar erstlich zu einem Haupte, vorzunehmen". Изъ этой протокольной записи видно ясно, что пришли къ выборамъ только члены магистрата и мѣщане-домовладѣльцы; о другихъ жителяхъ-домовладѣльцахъ, не пользовавшихся мѣщанскими правами, вовсе не упоминается.

2) Тамъ же: „Dns. Consl. Justitiae that ein(e) kleine Anrede an die gegenwärtige Bürgerschafft, dessen wesentl. Inhalt enthielte, dass nehml. nach dem hohen Manifeste die Wahl vorgenommen werden solte. Das hohe Manifest vom 14. Decbr. 1766 wurde von d. H. Stadts-Fiscal: Joh. Jacob Schmidt nochmahlen vorgelesen. Nachdem wurden die Bürgere nach 4 Klassen, wie vorgeschrieben worden, abgelesen und zu sitzen rangiret, darauf die Kugeln ausgetheilet und der Anfang mit ballotiren zu einem Haupte der Stadt von d. Herrn Justice-Bürgermeister Christian Stegemann gemacht und so continuiret die Raths membra durch".

3) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1102, § 11: „. . Выборъ Головы городскаго происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: Сядутъ всѣ на приготовленныхъ для нихъ лавкахъ, такъ какъ они на вышесказанномъ спискѣ написаны; чего смотрѣть будетъ начальникъ; потомъ онъ имъ велитъ раздать по одному шарику, и велитъ читать по списку имя перваго хозяина. Выслушавъ оное, встанутъ одинъ за однимъ, и кладутъ свой шарикъ въ приготовленный на столѣ ящикъ . . . . . Потомъ продолжаютъ паки по списку имя другаго читать, даже и до послѣдняго, и при всякомъ имени то же дѣлать".

нашемъ же городкѣ послѣ баллотировки всѣхъ членовъ магистрата вдругъ поднялся старшина Большой гильдіи Хэссенъ и отъ имени наличныхъ мѣщанъ обѣихъ гильдій попросилъ позволенія выйти на короткое время съ мѣщанами, чтобы съ ними сговориться о сокращеніи процедуры выборовъ [1]). Имъ было это разрѣшено [2]). Немного времени спустя вошелъ старшина Хэссенъ въ сопровожденіи старостъ Гэдэхена и Брунса и сказалъ, что они желали бы предложить 4 мѣщанъ изъ Большой и 4 изъ Малой гильдіи какъ соизбирателей Головы, такъ какъ иначе выборы слишкомъ долго продолжатся. Магистратъ отвѣтилъ ему на это, что выборы должны происходить по предписаніямъ манифеста [3]). Послѣ этого былъ

---

1) П. к. № С. 105, стр. 111, 112: „Worauff d. H. Aeltermann Hessen noie (nomine) derer gegenwärtigen Bürgere beyder löbl. Gilden antrug, weil die Wahl auf solche Art sehr lange dauren möchte, so bäthe er um Erlaubniss, ein wenig zusammen zutreten, alsdann er ihre Gesinnung vortragen wolte". — Въ протоколѣ нигдѣ не отмѣчено число мѣщанъ-домовладѣльцевъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ; выраженіе: „die Wahl auf solche Art sehr lange dauren möchte" какъ бы указываетъ на довольно многолюдное собраніе. Только приблизительно можно обозначить численность мѣщанъ-домовладѣльцевъ германскаго происхожденія. Къ 5 августа 1768 г. насчитывали 124 мѣщанина Большой гильдіи и 309 мѣщанъ Малой гильдіи [см. отдѣлъ № А. 64 Акты, касающіеся числа жителей 1763—1783 гг. . . (Acta betr. die Anzahl der Einwohner 1763—1783 . .), въ „Menschen-Listen" — въ „спискахъ людей", поданныхъ старшинами гильдій]; что касается домовъ, то мѣщанскихъ домовъ въ началѣ 1763 года было 193 (К. к. № С. с. 48, Fol. 32—35, 43 и 44). Должно быть въ 1767 году было не многимъ меньше мѣщанъ и едва ли меньше, если не больше мѣщанъ-домовладѣльцевъ. Если предположить, 1) что мѣщанъ-домовладѣльцевъ было въ 1767 г. не болѣе 200, и 2) что изъ нихъ только половина явилась къ выборамъ, то и тогда слова старшины Хэссена вполнѣ обоснованы, такъ какъ пробаллотировать 100 человѣкъ заняло бы не мало времени.

2) Тамъ же, стр, 112: „Solches wurde ihnen erlaubet, traten also ab."

3) Тамъ же: „Paulo post traten wieder ein d. H. Aeltermann Hessen in Beystand Aeltesten Goedechen und Bruns und (Hessen) brachte an: wie sie vorschlagen wolten, dass 4 Männer aus der Grossen und 4 aus der Kleinen Gilde, ein Haupt mitwehlen möchten, weil es sonst zu lange daurete. Ward ihnen gesaget, dass die Wahl nach Vorschrift des Manifests geschehen müsse". За этимъ непосредственно слѣдуетъ помѣта протокола, составленнаго послѣ 2 часовъ пополудни.

сдѣланъ перерывъ. Сколько часовъ онъ продолжался и въ чемъ состояли совѣщанія во время перерыва — неизвѣстно. По возобновленіи засѣданія въ 2 часа пополудни [1]), старшины обѣихъ гильдій въ сопровожденіи двухъ старостъ и двухъ докмановъ явились передъ магистратомъ и доложили ему слѣдующее: такъ какъ баллотировка всѣхъ мѣщанъ была бы слишкомъ продолжительна, то они желали бы предложить четырехъ мѣщанъ изъ Большой и четырехъ изъ Малой гильдіи, которые и могли бы отъ имени всего мѣщанства принять участіе въ выборахъ Головы, прочіе же мѣщане-домовладѣльцы готовы де отказаться отъ баллотировки [2]). Магистратъ рѣшилъ призвать и спросить всѣхъ присутствовавшихъ, всѣ ли они одного и того же мнѣнія [3]). Призванные и опрошенные, мѣщане единогласно подтвердили предложеніе [4]), кромѣ часовщика Миннэпотта, считавшаго, очевидно, такого рода предложеніе не особенно соотвѣтствующимъ намѣреніямъ императрицы [5]).

---

1) Это видно изъ помѣты второй части протокола 12 марта 1767 года: „Eodem, post meridiem hor. II“ — „того же дня, 2 часа пополудни“; „hor. II“, кажется, приписаны позднѣе, чѣмъ все прочее.

2) Тамъ же: „Die Herren Aelterleute Peucker, Zaencker in Beystand Aeltesten Goedechen und Wilhelm Bruns, auch Dockmännern Jacob Friedr. Teller und Georg Gottfr. Sahlfeldt trugen E. E. Rath vor, dass, weilen das ballotiren durch die ganze Bürgerschaft zu lange dauren würde, sie vier Bürger von der löbl. Grossen und 4 von der löbl. St. Antonii Gilde vorschlagen wolten, die mit auf ein Haupt vor die ganze Bürgerschafft ballotireten, die übrigen wolten (d)es sich begeben“.

3) Тамъ же: „Ward beliebet, alle anwesende vorkommen zu lassen, um von ihnen zu vernehmen, ob dieses ihrer aller Meinung sey“.

4) Тамъ же, стр. 112 и 113: „Treten ein und wurde ihnen der Vortrag vorgehalten. Dieselben waren dessen alle einstimmig“.

5) Тамъ же, стр. 113: „(bis auf den Uhrmacher Minnepott, welcher sagte: Wenn es nur auch Ihre Kays. Majest. Gesinnung wäre?)“ — „(кромѣ часовщика Миннэпотта, который сказалъ: Если бы оно только было также намѣреніемъ Ея Императорскаго Величества?)“ —; въ своемъ текстѣ я передалъ лишь смыслъ приведенной только что полностью протокольной записи, которая не совсѣмъ ясна. Помимо того, что она почему-то включена въ скобки, въ ней, очевидно, пропущена первая половина отвѣта Миннэпотта:

Несмотря на такое, правда, повидимому, единственное возраженіе, были все же, вопреки манифесту, назначены 8 лицъ — отъ Большой гильдіи: старшина І. Г. Пэйкеръ, почтмейстеръ К. Г. Пэйкеръ, старшина общества лавочниковъ Шлихтингъ и купецъ Д. Г. Ольдэкопъ, а отъ Малой гильдіи: староста Іоакимъ Брунсъ, староста Бракманнъ, докманъ Ц. Нэйманнъ и І. Ф. Циглеръ —, которыя замѣнили собою прочихъ избирателей изъ мѣщанъ, стали, такъ сказать, единственными мѣщанскими кандидатами на должность Головы и приняли участіе въ дальнѣйшей баллотировкѣ. Выбраннымъ оказался бургомистръ юстиціи Христіанъ Штэгеманнъ [1]). Вы-

---

я согласился бы съ предложеніемъ гильдій, если бы и т. д. Странно также, что послѣ словъ Минэпотта поставленъ вопросительный знакъ. Поставленъ ли онъ потому, что Миннэпоттъ отвѣтилъ на вопросъ вопросомъ? Но въ такомъ случаѣ ожидаешь скорѣе союза „ob“ нежели союза „wenn“; или же поставленъ вопросительный знакъ секретаремъ или бургомистромъ вслѣдствіе неясности словъ? Второе предположеніе, пожалуй, вѣрнѣе. Что же касается скобокъ, то ими, быть можетъ, хотѣли придать этой части протокола характеръ чего-то не особенно важнаго, чего-то второстепеннаго, или же ими отмѣчалось полное исключеніе этого инцидента изъ позднѣйшаго донесенія генералъ-губернатору о производствѣ выборовъ. — Миннэпоттъ занесенъ въ списки юрьевскихъ мѣщанъ въ апрѣлѣ 1754 г. (П. к. № С. 92, стр. 92); домъ его находился на такъ называемой „Lastadie“, на мѣстѣ для выгрузки товаровъ съ кораблей, передъ нѣмецкими воротами, бывшими напротивъ нынѣшняго Каменнаго моста, (К. к. № С. с. 48, бум. № 11, 28 февр. 1763); въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ завѣдывалъ онъ за небольшую плату (16 руб. въ годъ) городскими башенными часами кирки Св. Іоанна (см. отдѣлъ 38 f: Прошенія и судебныя заявленія частныхъ лицъ и т. д., въ прошеніи часовщика Мэйбаума 11 декабря 1767 г.).

1) Тамъ же: „Nahmhaft aber wurden aus beyden Löbl. Gilden gemacht: Aus der Löbl. Gr. Gilde: 1. d. H. Aeltermann Joh. Heinrich Peucker; 2. d. H. Postmeister Carl Gustav Peucker; 3. d. H. Cramer-Compagnie Aeltermann Schlichting; 4. Kaufm. David Gottlieb Oldekop. Von der kleinen oder St. Antonii Gilde: 1. Aeltester Joachim Bruns; 2. Aeltester Brackmann; 3. Dockmann Zacharias Neumann; 4. Joh. Philipp Ziegler. Worauf das ballotiren continuiret worden. Nachdem die Wahl auch dieser 8 Männer vollendet, und die Kugeln gezählet waren, wurde die Wahlliste öffentlich verlesen, und d. H. Justice-Bürgermeister Christian Stegemann, der die meisten Stimmen hätte, als haupte der Stadt von allen gra-

боръ этотъ тоже не соотвѣтствовалъ манифесту, такъ какъ въ манифестѣ нигдѣ не говорится о возможности соединенія въ одномъ лицѣ должности Начальника города и должности новаго Головы, да и цѣлямъ Екатерины II противорѣчило, пожалуй, такое соединеніе: при составленіи, напр., наказа для Депутата раздѣленіе этихъ двухъ должностей могло имѣть большое значеніе.

Во вторникъ, 13 марта, сошлись въ ратушѣ въ 10 часовъ утра члены магистрата и мѣщане, участвовавшіе въ выборахъ Головы, *для подписанія полномочія*, послѣ чего

---

tuliret, wofür er sich bedankte und darauf die Bürgere entlassen, jedoch morgen gegen 10 Uhr, um die Vollmacht Mann vor Mann zu unterschreiben, wieder zu Rathhaus bestellet". — Вслѣдствіе неполноты только что приведенной протокольной записи крайне затруднительно рѣшить, сколько лицъ баллотировало мѣщанскихъ кандидатовъ (относительно членовъ магистрата не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ баллотировали всѣ присутствовавшіе 12 марта мѣщане-домовладѣльцы: предложеніе о назначеніи 8 мѣщанъ было сдѣлано по окончаніи баллотировки членовъ магистрата). Въ словахъ протокола, подчеркнутыхъ мною, нѣтъ ясныхъ указаній на исключительное участіе вышеприведенныхъ 8 лицъ въ баллотировкѣ, на оставленіе зала засѣданія всѣми прочими мѣщанами-домовладѣльцами или же на ихъ присутствіе въ качествѣ зрителей при выборахъ мѣщанскихъ кандидатовъ. Руководствуясь довольно точно протоколированнымъ предложеніемъ представителей гильдій: вслѣдствіе слишкомъ продолжительной баллотировки, производимой всѣми мѣщанами — „weilen das ballotiren durch die ganze Bürgerschafft zu lange dauren würde . . ", — назначить отъ обѣихъ гильдій 8 мѣщанъ, которые могли бы за все мѣщанство принять участіе въ баллотировкѣ Головы — „die mit auf ein Haupt vor die ganze Bürgerschafft ballotireten. . ." —, вѣрнѣе всего предположить, что по назначеніи вышеприведенныхъ 8 мѣщанъ тотчасъ же приступили къ ихъ баллотированію, въ каковомъ участвовали, кромѣ тѣхъ же 8 мѣщанъ, еще только всѣ 9 членовъ магистрата, между тѣмъ какъ прочіе мѣщане оставались въ залѣ въ качествѣ зрителей; впрочемъ, вслѣдствіе нѣкоторой неточности и отрывочности протокола, не вполнѣ исключена возможность, что назначеніемъ 8 мѣщанъ сокращено было лишь число мѣщанскихъ кандидатовъ на должность Головы, а не число мѣщанскихъ избирателей, и что въ выборахъ этихъ 8 лицъ, какъ и въ предшествовавшихъ имъ выборахъ членовъ магистрата, участвовали всѣ наличные мѣщане-домовладѣльцы.

оно и было вручено новоизбранному Головѣ [1]). Въ тотъ же день было *рѣшено выпустить и вывѣсить объявленіе* о богослуженіи, о приведеніи къ присягѣ избирателей и *объ избраніи Депутата въ пятницу 16 марта 1767 года* [2]).

---

1) Тамъ же, стр. 113, рѣшеніе 12 марта, уже помѣщенное въ предыдущемъ примѣчаніи; стр. 114: „Deputirten-Wahl zum Gesetzbuch; d. d. 13. Martii 1767. Praesentibus omnibus excepto Dno. Senat. Schmalzen. Unter dem heutigen dato wurde die Vollmacht für das gewehlte Haupt dieser Stadt nehml. d. H. Just. Bürgermeister Stegemann von Es. Edl. Raths Gliedern und Bürgerschafft, welche mitgewehlet hatten, unterschrieben und demselben zugestellet. Auch beliebet künft(ig)en Freytag in der Kirche dem Gottesdienste beyzuwohnen und nachdem den Eyd abzulegen. Solte p. publicationem affixam bekandt gemacht werden. Quod factum"; и стр. 115: „Eodem (т. е. 13 марта). Wegen vorzunehmender Wahl eines Deputirten wurde der 16. hujus dazu bestimmet, und per publicationem kund zu thun beliebet". — Какъ въ рѣшеніи 12 марта („. . . die Bürgere . . . jedoch morgen gegen 10 Uhr . . . bestellet"), такъ и въ протоколѣ 13 марта („. . . und Bürgerschafft, welche mitgewehlet . . .") нельзя вычитать, кто подписалъ полномочіе: всѣ ли присутствовавшіе 12 марта мѣщане-домовладѣльцы или же только 8 мѣщанъ, являвшіеся представителями всего мѣщанства? Такъ какъ члены магистрата были баллотированы всѣми наличными мѣщанами-домовладѣльцами, то весьма возможно, что полномочіе, данное Головѣ было всѣми же и подписано. Полномочіе съ подписями избирателей не сохранилось. — Странно выраженіе въ протоколѣ: „die Vollmacht . . . . unterschrieben und demselben (т. е. Головѣ Штэгеманну) zugestellet" — „полномочіе . . . . было подписано и ему доставлено" — вмѣсто болѣе правильнаго „übergeben" или „eingehändigt", такъ какъ бургомистръ Штэгеманнъ присутствовалъ при подписаніи полномочія: по крайней мѣрѣ въ началѣ протокола отмѣчено только отсутствіе члена магистрата Шмальцена („praesentibus omnibus excepto Dno. Senat. Schmalzen").

2) Протокольныя записи, касающіяся всего этого, уже помѣщены въ предыдущемъ примѣчаніи; здѣсь же я передаю само объявленіе въ томъ видѣ, какъ оно занесено въ Книгу рѣшеній (К. р. за 1767 годъ № D. 19, бум. № 46): „Publication bey Erwehlung eines Deputirten zur Gesetz-Commission in Moscau. Da man mit dem Wahlgeschäfte eines zur Gesetz-Commission nach Moscau abzusendenden Deputirten so weit gekommen, dass das haupt der Stadt erwehlet worden, nunmehro also nach Anleitung der Wahlordnung zur Wahl eines Deputirten zu schreiten; vorher aber in unser St. Johannis-Kirchen dem Gottesdienst beyzuwohnen, und nach dessen beendigung der vorgeschriebene Eyd abzulegen; hierzu aber der bevorstehende Freytag, als der 16 huj. anberahmet worden: So wird solches allen

Уже въ 7 часовъ утра 16 марта начали собираться магистратъ и мѣщане (Bürgerschafft), а въ 8 час., когда раздался звонъ колоколовъ, избиратели двинулись въ торжественномъ шествіи изъ ратуши въ (Ивановскую) церковь. По окончаніи богослуженія и присяги процессія направилась вновь къ ратушѣ, какъ къ мѣсту выборовъ Депутата [1]). Здѣсь

---

denjenigen, so bey der Wahl des hauptes zugegen gewesen, bekand gemachet, und verlanget; dass sie sich an demselben Tage, Morgens frühe nach 7 Uhr, wenigstens halb 8 Uhr auf dem Rathhause, als dem zur Wahl des Deputirten bestimmten Orte unfehlbar einfinden und mit dem Stadthaupte und gantzen Magistrate, in corpore, in guter Ordnung nach der Kirchen verfügen, den Gottesdienst, zu welchem um 8 Uhr zum letzten Mal geläutet wird, daselbst anhören, darauf den vorgeschriebenen Eyd ablegen, und dann wiederum nach dem Wahl-Orte, nehml. dem Rathhause zurückegehen, damit zur Wahl des Deputirten ohne hinderniss geschritten werden könne. Dorpat den 14. Mart. 1767. Bürgermeister und Rath der Kayserl. Stadt Dorpat" — „Объявленіе по поводу выбора Депутата въ законодательную комиссію въ Москвѣ. Такъ какъ дѣло выборовъ Депутата, предназначеннаго для отправки въ Москву въ законодательную комиссію, настолько подвинулось, что уже выбранъ Голова города, теперь же по обряду надлежитъ приступить къ выборамъ Депутата, но прежде этого слѣдуетъ присутствовать при богослуженіи въ нашей киркѣ Св. Іоанна, а затѣмъ по его окончаніи дать предписанную присягу, для чего и назначена наступающая пятница, 16 марта, то объявляется объ этомъ всѣмъ тѣмъ, которые присутствовали при выборахъ Головы и требуется отъ нихъ: явиться непремѣнно въ этотъ день рано утромъ послѣ семи часовъ, не позже половины восьмого, въ ратушу, назначенную мѣстомъ выборовъ, отправиться въ полномъ порядкѣ вмѣстѣ съ Городскимъ Головою и всѣмъ магистратомъ въ кирку, прослушать богослуженіе, передъ которымъ въ послѣдній разъ раздастся колокольный звонъ въ 8 часовъ, дать затѣмъ предписанную присягу и возвратиться послѣ этого снова къ мѣсту выборовъ, т. е. въ ратушу, чтобы можно было приступить безъ всякой помѣхи къ выбору Депутата. Дорпатъ, 14 марта 1767 года. Бургомистръ и магистратъ Императорскаго города Дорпата". — Интересно что, согласно объявленію, приглашались къ выборамъ Депутата только тѣ, которые присутствовали при выборахъ Головы; въ Обрядѣ выбора, приложенномъ къ манифесту, я такого предписанія не нашелъ.

1) П. к. № С. 105, стр. 117: „. . . d. 16. Marty 1767. . Ein Edl. Rath und die gesammte Bürgerschafft (разрядка моя), nach der Bekanntmachung, um 7 Uhr des Morgens zusammen gekommen und um 8 Uhr, da zusammen geläutet wurden, in Processione

произошло то же, что и при выборахъ Головы. Какъ только члены магистрата были пробаллотированы, тотчасъ же встали старшины (Aelterleute) гильдій и попросили позволенія выйти: они желаютъ молъ выбрать изъ обѣихъ гильдій нѣсколькихъ мѣщанъ, которые могли бы явиться къ выборамъ Депутата, между тѣмъ какъ всѣ прочіе мѣщане отказались бы отъ выборовъ. Имъ это было разрѣшено [1]). Вскорѣ снова вошли старшина Хэссенъ и старшина Цэнкеръ. Первый изъ нихъ (Хэссенъ) доложилъ, что Большая гильдія предлагаетъ 4 мѣщанъ (старшину Пэйкера, почтмейстера Пэйкера, старшину лавочниковъ Шлихтинга и купца Ольдэкопа) для выборовъ Депутата, при чемъ прочіе члены отказались отъ участія въ выборахъ. Старшина Цэнкеръ сообщилъ, что гильдія св. Антонія (Малая гильдія) выбрала шестерыхъ мѣщанъ, троихъ изъ собранія старостъ и троихъ изъ общины, а именно: старосту Іоакима Брунса, старосту Бракманна и старосту Вильгельма Брунса, изъ общины же: мастера Голикэ, ложника

---

vom Rathhause nach der Kirchen sich verfüget und dem Gottesdienste beygewohnet, nach dessen Beendigung wurde das hohe Manifest und vorgeschriebene Wahlordnung von d. H. Stadts-Not. Pockrandt verlesen. Worauf 1) Es. Edl. Raths Glieder, 2) die löbl. Grosse Gilde, und dann 3) die löbl. kleine oder St. Antonii Gilde den vorgeschriebenen Eyd actu corporali geleistet. Nachdem dieses geschehen, verfügte sich Magistratus und Bürgerschaft in derselben Ordnung wieder auf das Rathhaus, als den Ort der Wahl, woselbst, wie vorher bey der Wahl eines Hauptes, zum Deputirten ballotiret wurde". Итакъ, судя по протоколу, къ выборамъ Депутата явилось все мѣщанство — „die gesammte Bürgerschafft".

1) Тамъ же: „Nachdem die Glieder Es. Edl. Raths durchballotiret waren, bathen die Herren Aelterleute ihnen einen Abtritt zu vergönnen, sie wolten einige Bürgere von beyden Gilden ausmitteln, die zur Wahl eines Deputirten kommen könnten, die übrigen aber würden sich derselben begeben. Wurde nachgegeben". Очень краткая протокольная замѣтка! Въ противоположность къ протоколу выборовъ Головы, въ ней ничѣмъ не мотивировано предложеніе старшинъ, а въ отвѣтѣ магистрата нѣтъ ни ссылки на предписанія манифеста, ни другого какого-либо замѣчанія. Должно быть, отступленіе отъ офиціальнаго Обряда стало уже дѣломъ привычнымъ и не требовало потому никакихъ мотивировокъ и разъясненій!

Блэсснера и Георга Мэлька [1]). Послѣ перерыва, о которомъ въ протоколѣ нѣтъ никакихъ отмѣтокъ, въ 2 часа пополудни было засѣданіе возобновлено [2]). Магистратъ пригласилъ Большую гильдію и спросилъ, вся ли община довольна вышепоименованными лицами? Всѣ мѣщане Большой гильдіи подтвердили это. Затѣмъ сообщилъ имъ магистратъ, что Малая гильдія предложила 6 мѣщанъ, и просилъ ихъ высказаться насчетъ этого. Они отвѣтили: было бы, разумѣется, лучше, если бы обѣ гильдіи выставили равное число мѣщанъ, но они всецѣло предоставляютъ дѣло магистрату. Что касается Мэлька, то, по ихъ мнѣнію, онъ, конечно, совершенно къ этому не годится [3]). По выходѣ Большой гильдіи рѣшили выслушать Малую гильдію. На вопросъ, почему она предложила 6 мѣщанъ, а не 4, какъ Большая гильдія, гильдія св. Антонія нашла нужнымъ обсудить отвѣтъ предварительно между собою. Черезъ нѣкоторое время старшина Цэнкеръ, вошедшій въ сопровожденіи старосты Бракманна и докмана Зальфельдта, доложилъ отъ имени Малой гильдіи, что она охотно желала бы

---

1) Тамъ же, стр. 117 и 118: „Paulo post trat d. H. Aeltermann Hessen und Aeltermann Zaencker wieder ein, und trug erster an, dass die Grosse Gilde 4 Männer vorschlüge zur Deputirten-Wahl, die übrigen aber derselben sich begeben hätten. Diese wären: d. H. Aelterm. Peucker, d. H. Postmeister Peucker, d. H. Cramer - Aelterm. Schlichting und Kaufm. Oldekopp, so sie dazu erkieset hätten. Aeltermann Zaencker brachte gleichfalls vor wie die St. Antonii Gilde 6 Personen ausgemittelt, nehml. 3 aus der Aeltesten Bank und 3 aus der Commune, nehml. 1. Joachim Bruns, 2. Aeltester Brackmann, 3. Aeltester Wilhelm Bruns, nnd aus der Commune: Meister Golicke, Büchsen-Schäfter Blessner und Georg Melck (подчеркнуто въ самомъ протоколѣ).“

2) Тамъ же, стр. 118: „Eodem hora II^{da} pomeridiana war Ein Edl. Rath und Bürgerschaft wieder zusammengekommen.“

3) Тамъ же, стр. 119 (обозначено знакомъ: ⌐¯): „Die Löbl. Grosse Gilde vorgelassen und befraget, ob die gantze Commune mit den vier Männern, die vorgeschlagen worden, zufrieden sei? — Sie affirmirten solches alle. — Ferner wurde vorgehalten, dass die löbl. Kleine Gilde 6 Bürger vorgeschlagen, was sie dazu sagten? — R. Es wäre wohl besser, wenn eine egale Anzahl wäre von beyden Gilden, doch stelleten sie es E. E. Rath anheim.“ (Отвѣтъ насчетъ Мэлька заключенъ почему-то въ скобки:) (Melck würde sich aber wohl gar nicht dazu schicken). — Traten ab.“

остаться при шести представителяхъ, что вѣдь и Большая гильдія могла бы взять 6 мѣщанъ [1]), и спросилъ: не можетъ ли Георгъ Мэлькъ остаться для участія въ выборахъ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ другими уже баллотировалъ, подписалъ полномочіе Головѣ и далъ присягу [2])? Въ отсутствіи гильдій магистратъ постановилъ: Георгъ Мэлькъ не можетъ быть допущенъ къ выборамъ въ качествѣ кандидата на должность Депутата по слѣдующимъ причинамъ: 1) § 4 Обряда выбора ясно говоритъ, что лица, бывшія въ штрафахъ, не могутъ быть Депутатами, а Г. Мэлькъ рѣшеніемъ Благороднаго Магистрата 4 февраля 1760 года былъ подверженъ шестимѣсячному аресту въ мѣщанскомъ арестномъ помѣщеніи (im bürgerlichen Gehorsam), и 2) Г. Мэлькъ находится въ настоящее время подъ судомъ по поводу совершеннаго имъ явнаго преступленія, а именно по поводу изготовленія извѣстнаго пасквиля [3]). Это постановленіе магистрата было официально

---

1) Тамъ же: „Die Löbl. St. Antonii (Gilde) solle auch gehöret werden. — Wurde vorgelassen, und ihnen vorgehalten, warum sie 6 Personen, und nicht wie die Grosse Gilde 4 vorgestellet. — Bathen sich ab, um darüber mit einander zu sprechen. — Paulo post trat der Aeltermann Zaencker in Beystand Aeltesten Brackmanns und Dockm. Sahlfeldts wieder ein, und trug im Nahmen der kl. Gilde vor, dass sie gerne bey denen 6 Männer bleiben wolte, die Grosse Gilde aber gleichfalls 6 nehmen könte . .“

2) Тамъ же, продолженіе; „und da Georg Melck mit ballotiret, mit unterschrieben, mit den Eyd geleistet, so fragte sie, ob er nicht zur Wahl mit bleiben könte? — Traten ab“. Это мѣсто въ двоякомъ отношеніи очень интересно: 1) оно ясно указываетъ, что въ баллотировкѣ членовъ магистрата въ Городскіе Головы и въ Депутаты, равно и въ подписаніи полномочія Головѣ города участвовали всѣ присутствовавшіе мѣщане и 2) слова „zur Wahl mit bleiben“ можно понять въ смыслѣ участія въ дальнѣйшей баллотировкѣ, но не въ смыслѣ выступленія въ качествѣ кандидата на должность Депутата. Что Мэлькъ не могъ самъ быть кандидатомъ на должность Депутата, въ этомъ вполнѣ правъ магистратъ, но баллотировать другихъ мѣщанъ-кандидатовъ имѣлъ онъ полное право, что доказывается между прочимъ его же участіемъ въ баллотировкѣ всѣхъ членовъ магистрата. Поэтому очень странно, что онъ не былъ допущенъ къ выборамъ другихъ мѣщанскихъ кандидатовъ.

3) Тамъ же, стр. 118: „E. E. Rath resolvirete, dass Georg Melck, aus folgenden Ursachen zur Wahl, dass auf ihn ballotiret wer-

прочтено обѣимъ гильдіямъ. На дальнѣйшіе вопросы магистрата Большая гильдія отвѣтила, что она остается при своихъ 4 кандидатахъ, а старшина Малой гильдіи, по совѣщаніи съ

den solte, nicht zu admittiren sey, 1) weil es wider den klaren Inhalt der vorgeschriebenen Wahlordnung § 4 als nach welchem Niemand, der unter Straffe gewesen, zum Deputirten aufzunehmen, selbiger aber mittelst Es. Edl. Raths Urtheil vom 4. Febr. 1760 zu einem sechsmonatl. Arrest im bürgerlichen Gehorsam condemniret worden, 2do sich eines offenbahren Verbrechens, wegen des bekandten Pasquills, welches unter richterl. Erkändniss annoch hanget, schuldig gemachet, wesfalls denn auf selbigen keine reflexion in Ansehung der Wahl eines Deputirten genommen, noch auf ihn ballotiret werden mag . . .“ — „Offenbahres Verbrechen wegen des bekandten Pasquills“ касается происшествія въ 1764 году. Распри между магистратомъ и мѣщанами въ Юрьевѣ, закончившіяся въ 1765 году извѣстнымъ соглашеніемъ тяжущихся сторонъ при посредствѣ комиссіи, Высочайше назнач. для разбора всего дѣла, достигли своего апогея въ 1764 г. Въ этихъ распряхъ игралъ не послѣднюю роль юрьевскій брандмейстеръ, казенный каменщикъ Георгъ Мэлькъ (съ 1752 года владѣлъ онъ домомъ по Широкой улицѣ). Во время иллюминаціи, устроенной въ честь пребыванія Екатерины II въ Юрьевѣ лѣтомъ 1764 года, Георгъ Мэлькъ выставилъ большихъ размѣровъ транспарантъ. Транспарантъ этотъ, сохранившійся въ видѣ гравюры, представляетъ собою двѣ неравныя части. На заднемъ планѣ бо́льшей части, правой, изображенъ городъ Юрьевъ, окруженный стѣною, съ развалинами замка и каѳедральнаго собора на холмахъ. Около главныхъ городскихъ воротъ стоитъ группа жителей, какъ бы наблюдающихъ происходящее передъ ихъ глазами и воспроизведенное на переднемъ планѣ правой части транспаранта. Тутъ немного поодаль ратманъ сбиваетъ палкою шапку съ головы мѣщанина, а болѣе впереди съ одной стороны засѣдаетъ магистратъ за большимъ овальнымъ столомъ, а съ другой стороны совершается экзекуція надъ какимъ-то мѣщаниномъ въ присутствіи одного члена магистрата. Меньшая, лѣвая часть транспаранта состоитъ изъ портрета Екатерины II, сидящей на тронѣ съ короною на головѣ и со скипетромъ и съ державою въ рукахъ, и изъ надписи подъ портретомъ, поддерживаемой двумя колѣнопреклоненными мѣщанами; нѣмецкія вирши этой надписи гласили: „Allergnädigste Kayserin:

Wir werfen uns zu Dero Füssen,
Um Huld und Gnade zu geniessen;
Denn unsers Rathes Richter-Würde,
Legt uns auf sehr grosse Bürde;
Uneinigkeit und Zank herrscht unter dessen Glieder,
Drum liegt Gerechtigkeit und Policey darnieder,
Dörpat.“ (См. журналъ „Inland“ за 1860 годъ № 46, столбцы 831 и 832, а также статью J. Eckardt'a: „Zur Geschichte Dorpats“ въ „Neuer Dorpater Kalender“

общиною, заявилъ, что гильдія на мѣсто Георга Мэлька никого не выберетъ и довольствуется пятью кандидатами [1]). Заявленіе мало-гильдейскаго старшины о просьбѣ Г. Мэлька

за 1867 годъ, стр. 29.) — „Всемилостивая Государыня! / Мы къ ногамъ твоимъ припадаемъ, / О милости къ тебѣ взываемъ: / Ратсгеры нами управляютъ / И насъ гнетутъ и притѣсняютъ. / Межъ нихъ вражда и ссоры . . . . Никогда / Не видимъ правды мы, ни праваго суда“. [См. Пав. Ал. Висковатовъ. Юрьевъ (Дерптъ) и его историческое прошлое. Юрьевъ. 1894, стр. 20.] Вотъ это и есть „das bekannte Pasquill“ — извѣстный пасквиль —, „das Schand-Gemälde“ — позорная картина —, чѣмъ Георгъ Мэлькъ, какъ пишетъ самъ магистратъ, „den Magistrat sehr verhöhnet und den Saamen der Wiedersetzlichkeit unter andern Eydgeschworenen Bürgern auszustreuen und das Feuer der Zwietracht noch mehr anzufachen intendiert, welches, wann es ungeahndet hingehen solte, des Magistrats von höchster Hand verliehenes Ansehen gantzl. unter die Füsse treten würde. .“ (К. к. № С. с. 51, бум. № 24, 16 февраля 1766 г.) — „сильно поноситъ магистратъ и старается сѣять сѣмена сопротивленія межъ другихъ вѣрныхъ присягѣ бюргеровъ, а также еще болѣе усилить пламя раздора, чѣмъ, останься все это безнаказаннымъ, будетъ окончательно попрано Высочайше пожалованное магистрату значеніе . .“ — и за что, по выраженію магистрата, Георгъ Мэлькъ „als ein offenbarer Meineidiger und Rebell wehrt (ist) aus der Bürgerschaft gestossen und der Stadt verwiesen zu werden. . “ (К. к. № С. с. 50, бум. № 85, сент. 1765 года) — „достоинъ, какъ явный клятвопреступникъ и мятежникъ, быть исключеннымъ изъ среды бюргеровъ и изгнаннымъ изъ города. . . . “. Неудовлетворенный однимъ транспарантомъ, Мэлькъ издалъ его въ видѣ гравюры и всюду распространялъ эту „Illumination“ (К. к. № С. с. 51, бум. № 38, 12 марта 1766 года). Начатое магистратомъ судебное дѣло тянулось около четырехъ лѣтъ и закончилось Высочайшимъ повелѣніемъ Екатерины II, предписывавшимъ не подвергать Георга Мэлька никакому наказанію за вышеупомянутый проступокъ (см. въ отдѣлѣ 5 — бумаги лифл. губернаторовъ . . . —, бум. ген.-губ. 8 января 1768 года, гдѣ между прочимъ отмѣчено, что Высочайшее повелѣніе издано 27 декабря 1767 года).

1) П. к. № С. 105, стр. 119: „Beyder Gilden Bürgerschafft wurde vorgefordert und diese resolution in derer Gegenwart publiciret. Kl. Gildischen traten ab“. Стр. 120: „Die Löbl. Grosse Gilde erklährete sich, bey ihren vieren erkieseten Männern zu verbleiben. — Der kl. gildische Aeltermann Zaencker in Beystand Aeltesten Brackmann uno Dockmann Sahlfeldt vorgefordert, und befragt, ob sie also da Georg Melck dazu nicht admittiret werden könte, einen andern in dessen Stelle, zum sechsten. ernennen wolten. Er wolle es vortragen; traten ab. Dieselben traten wieder ein und meldete(n) im Nahmen der Gilde, dass sie bey denen 5 genannten Männern verbleiben wolten .“.

допустить его, Мэлька, по личному дѣлу предъ магистратъ, имѣло слѣдствіемъ выговоръ магистрата старшинѣ Цэнкеру какъ за это несвоевременное заявленіе, такъ и вообще за допущеніе выборовъ Георга Мэлька въ кандидаты на должность Депутата [1]). Относительно же Мэлька было объявлено, что онъ можетъ войти съ своимъ представленіемъ въ другое время, а теперь нельзя задерживать выборы ненужными вещами [2]).

---

1) Тамъ же, непосредственно за приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи представители Малой гильдіи заявили: „George Melck aber liess bitten, ihme einen Vortritt zu gestatten, er wolle etwas verschreiben lassen, dieses ginge aber der Gilde nichts an. — Dem Aeltermann Zaencker wurde verwiesen, sowohl den Georg Melck heute zum Vorschlag mitgebracht, als jetzigen Antrag für ihn zu thun, übernommen zu haben, welches ein Vergehen, da ihme die Wahlordnung gnugsam bekandt, so er mit besserer Ueberlegung nicht thun sollen."

2) Тамъ же: „Jetzo wäre nicht Zeit mit unnützen Dingen die Wahl zu behindern: Er könte es zu einer andern Zeit anbringen, wenn er etwas habe". Этотъ совѣтъ магистрата привелъ въ исполненіе Георгъ Мэлькъ 17 марта. Въ протокольной записи (П. к. № С. 105, стр. 122) отмѣчено слѣдующее: „Der Maurer Georg Melck reichte bey der Canzelley loco protocolli ein, um ihme Es. Edl. Raths resolution vom 16. hujus extradiren zu lassen. Ward beliebt d. 20. hujus" — „каменщикъ Георгъ Мэлькъ подалъ въ канцелярію заявленіе о выдачѣ ему резолюціи Благороднаго Рата 16 марта. Было рѣшено (исполнить его просьбу) 20 сего мѣсяца". — Письменное заявленіе, или такъ называемое „loco protocolli", Георга Мэлька сохранилось въ Юрьевскомъ Городскомъ Архивѣ (см. отдѣлъ 40 а), Привожу здѣсь этотъ интересный документъ цѣликомъ, тѣмъ болѣе что онъ пополняетъ и отчасти исправляетъ только что приведенную протокольную отмѣтку, а также упоминаются въ немъ нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся выборовъ Городского Головы и Депутата и не особенно ясно занесенныя въ соотвѣтствующіе протоколы: „prod. Dorpat, d. 17. Marty 1767. Loco protocolli. Ich bin bey der Wahl eines Stadt-Aeltesten zum Ballotiren gezogen worden. Zur Unterschrift der von den Einwohnern dem Hern Erkohrnen zu ertheilenden Vollmacht, bin ich von dem Hern Policey-Bürgermeister Schaube abgeruffen worden, welche Vollmacht ich würklich unterschrieben. In der Kirche habe ich den vorgeschriebenen Eyd abgeleget; auch da auf die Membra des Rahts zum Deputirten ballotiret wurde, mein Votum ertheilet, und bin dahero zu allen diesen solenen Handlungen für tüchtig und fähig erkannt worden. Nachdem aber die Glieder der St. Antony Gielde, eingedenk ihres geleisteten Eydes, durch den sie aller Partheiligkeit, Eigennutz, Feindschafft und Hass entsaget, und nach bestem Wissen und Gewissen den tüchtigsten zum Deputirten

По окончаніи всѣхъ этихъ дѣлъ приступили къ продолженію баллотировки, а именно къ баллотировкѣ представленныхъ гильдіями кандидатовъ. Выбраннымъ въ Депутаты города Юрьева Лифляндской губерніи оказался синдикъ (стряпчій) города Фридрихъ Конрадъ Гадэбушъ, получившій наибольшее число голосовъ [1]).

---

zu wählen gelobet, mich unter die Eligendi zur Deputation gesetzet, hat E. WohlEdler Raht wegen eines zwischen mir und demselben annoch pendenten und unentschiedenen processes wieder meine Person protestiret, und mich von der Wahl eines Deputirten ausgeschlossen, auch ferner nicht zum ballotiren kommen lassen; Wenn aber ich zu Anfange vor tüchtig und fähig erkannt worden, die ex post facto getroffene Erklährung einer Unfähigkeit mich kränket, so ich doch mit Vorbehalt aller Hochachtung und Richterlichen Respects gesagt haben will; Als bitte ergebenst, mir einen Bescheid, worinnen die Gründe (zu) mein(er) angeblichen Unfähigkeit zur Deputation aufgenommen sein, zu ertheilen, und mir das Protocoll vor Gebühr Hochgeneigt extradiren zu lassen. George Melck". (Помѣты нѣтъ.) — „Предъявл. Дорпатъ, 17 марта 1767. Loco Protocolli (Заявленіе). При выборахъ Городского Головы я былъ привлеченъ къ баллотировкѣ. Для подписанія полномочія, которое должны были вручить жители новоизбранному (Головѣ), былъ я призванъ г. бургомистромъ полиціи Шаубэ, каковое полномочіе я дѣйствительно подписалъ. Въ церкви я далъ предписанную присягу; во время баллотировки членовъ магистрата въ Депутаты я тоже подавалъ свой голосъ, и, слѣдовательно, былъ я признанъ достойнымъ и способнымъ къ совершенію всѣхъ этихъ торжественныхъ дѣйствій. Однако послѣ того, какъ члены гильдіи св. Антонія, согласно присягѣ отказавшись отъ всякаго лицепріятія, отъ всякой корысти, вражды и ненависти и давъ обѣтъ по чистой совѣсти выбрать въ Депутаты способнѣйшаго, включили меня въ число кандидатовъ, Благородный Ратъ вслѣдствіе еще разсматриваемаго и нерѣшеннаго дѣла между нимъ и мною протестовалъ противъ моей личности, удалилъ меня отъ выборовъ Депутата, а также не допустилъ меня къ дальнѣйшей баллотировкѣ. Но такъ какъ въ началѣ я былъ признанъ достойнымъ и способнымъ, мнѣніе же о неспособности, принятое уже позднѣе, меня оскорбляетъ (заявляю я это безъ всякаго желанія умалить свое высокое уваженіе къ суду), то я покорнѣйше прошу сообщить мнѣ постановленіе, заключающее въ себѣ доводы моей мнимой неспособности къ занятію должности Депутата и соблаговолить выдать мнѣ за установленную плату копію съ протокола. Георге Мэлькъ".

1) П. к. № С. 105, стр. 120: „Die Bürgerschafft wurde eingelassen und mit ballotiren über die bekandten 9 Bürgere continuiret, nach Beendigung dessen, und da d. H. Syndicus Friedr. Conr. Gadebusch nach verlesenen Stimmen die meisten hatte, wurde ihme zum

Изъ всего вышеизложеннаго можно заключить, что выборы Депутата прошли не такъ гладко, какъ выборы Городского Головы, но какъ тамъ, такъ и тутъ проявилось отступленіе отъ предписаннаго манифестомъ Обряда, при чемъ однако вслѣдствіе неполноты, неясности, неточности, даже отчасти сбивчивости протокольныхъ данныхъ не можетъ быть опредѣлена вся степень отступленія. Внѣ всякаго сомнѣнія является только сокращеніе числа мѣщанскихъ кандидатовъ какъ на должность Головы (8 мѣщанъ), такъ и на должность Депутата (9 мѣщанъ). Что же касается численности баллотировавшихъ избирателей, то вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ вопросъ остается не вполнѣ рѣшеннымъ. По имѣющимся даннымъ можно только съ большею увѣренностію предположить, что при выборахъ 12 и 16 марта былъ пущенъ въ ходъ одинъ и тотъ же своеобразный пріемъ: члены магистрата были баллотируемы 12 и 16 марта всѣми наличными избирателями, въ баллотировкѣ же гильдейскихъ кандидатовъ на должности Головы и Депутата участвовали всѣ члены магистрата (ихъ было 9) и только часть гильдейскихъ избирателей, т. е. 12 марта 8 мѣщанъ, назначенные вмѣстѣ съ тѣмъ кандидатами на должность Головы, а 16 марта 9 мѣщанъ, бывшіе одновременно кандидатами на должность Депутата, такъ что гильдейскихъ кандидатовъ 12 марта баллотировали 17 избирателей, а 16 марта 18 избирателей, чѣмъ, разумѣется, сводилась эта

Deputirten der Stadt zur hohen Gesetz-Commission gratuliret, wofür er sich dann bedankte". — И здѣсь, благодаря неясности выраженія „die Bürgerschafft" (слѣдуетъ ли понимать подъ „die Bürgerschafft" только избранныхъ 9 мѣщанъ или же всѣхъ наличныхъ мѣщанскихъ избирателей?), не вполнѣ исключена возможность, что 9 гильдейскихъ кандидатовъ были баллотированы всѣми наличными какъ магистратскими, такъ и мѣщанскими избирателями, хотя, судя по предложенію старшинъ гильдій, сдѣланному ими въ началѣ выборовъ Депутата (П. к. № С. 105, стр. 117 — разрядка моя —): „sie wolten einige Bürgere von beyden Gilden ausmitteln, die zur Wahl eines Deputirten kommen könnten . . ." скорѣе всего можно видѣть въ „die Bürgerschafft" именно этихъ „einige Bürgere", т. е. замѣстителей всего мѣщанства, оказавшихся при выборахъ Депутата въ количествѣ 9.

баллотировка къ пустой формальности, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ о какомъ-либо серіозномъ соревнованіи гильдейскихъ кандидатовъ съ магистратскими не могло быть и рѣчи. Что такое измѣненіе Высочайше предписаннаго Обряда выбора [1]) было принято гильдіями и даже предложено представителями ихъ, можно объяснить, за неимѣніемъ точныхъ и существенныхъ указаній на это въ протокольной книгѣ [2]), не столько сознательнымъ желаніемъ гильдій поступиться для блага дѣла своими правами, сколько непониманіемъ значенія какъ манифеста, такъ и самихъ выборовъ, — непониманіемъ, происшедшимъ, быть можетъ, превратнымъ толкованіемъ Высочайшей воли тѣмъ или другимъ авторитетнымъ для гильдій лицомъ. Нельзя не пожалѣть также, что въ протоколы не внесено число избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ, полученныхъ баллотировавшимися кандидатами. Кромѣ всего этого изъ протокола 16 марта не видно, чтобы согласно

---

1) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1102, § 11; стр. 1104, § 21. — Только въ случаѣ, предусмотрѣнномъ § 3 Обряда, можно было избирать повѣренныхъ: „. . . въ тѣхъ городахъ, гдѣ великое множество оныхъ (т. е. домовъ), отдается также на волю по частямъ, на сколько городъ росписанъ, выбрать повѣренныхъ къ выбору городскаго Головы и Депутата, лишь бы число повѣренныхъ не менѣе 100 человѣкъ было". — Во всякомъ случаѣ въ Обрядѣ нигдѣ не говорится о такомъ выборѣ повѣренныхъ, какой былъ допущенъ магистратомъ г. Юрьева Лифл. губ. 12 и 16 марта 1767 г.

2) Въ протоколѣ засѣданія 12 марта старшина Хэссенъ объясняетъ сокращеніе числа избирателей тѣмъ, что иначе баллотировка слишкомъ затянется (см. П. к. С. 105, стр. 112), а въ протоколѣ засѣданія 16 марта и этого объясненія нѣтъ (см. тамъ же, стр. 117), о совѣщаніи же членовъ гильдій между собою какъ 12 марта, такъ и 16 марта въ протоколахъ нѣтъ никакихъ помѣтокъ. Объясненіе старшины Хэссена 12 марта едва ли можно считать существеннымъ, тѣмъ болѣе что и въ объявленіи о выборахъ, выпущенномъ магистратомъ 10 марта 1767 года (К. к. № С. с. 52, бум. № 47), было предусмотрѣно согласно офиціальному Обряду (§ 13; § 22), что баллотировка можетъ продолжаться нѣсколько дней: „. . Ein Edler Rath dieser Stadt aber gesonnen, morgen und in den darauffolgenden Tagen das Wahlgeschäffte aufm Rathhause vorzunehmen . . ." — „Благородный магистратъ этого города намѣренъ завтра и въ слѣдующіе дни произвести въ ратушѣ выборы. . ". —

официальному Обряду [1]) по окончаніи присяги распоряжался выборами новоизбранный Голова. Правда, новоизбранный юрьевскій Голова былъ тотъ же бургомистръ юстиціи, т. е. предсѣдатель магистрата, все же интересно, что, судя по протоколу, даетъ, напр., свое заключеніе по дѣлу Мэлька не Голова-бургомистръ, а Магистратъ (Ein Edler Rath), что Большая гильдія предоставляетъ дѣло о назначеніи Малою гильдіею 6 мѣщанъ на усмотрѣніе магистрата, а не Головы, и что, за исключеніемъ фразы: „wie vorher bey der wahl eines Hauptes", слова „Haupt" или „Stadthaupt" („Голова", „Городской Голова") не употребляются въ протоколѣ.

18 марта магистратъ оповѣщаетъ генералъ-губернатора о состоявшихся выборахъ [2]) въ краткомъ донесеніи, составленномъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не вдаваясь ни въ какія вышеизложенныя подробности, и обѣщаетъ все остальное, требуемое еще Обрядомъ выбора, довести до конца на предстоящей недѣлѣ [3]). Послѣ этого магистратъ заканчиваетъ свою бумагу сдѣдующимъ образомъ:

---

1) П. С. З. Р. И. . . . стр. 1104, § 21: „Окончивши такимъ образомъ присягу, начальникъ, оставляя дальнѣйшее распоряженіе городскому Головѣ, отходитъ . . ."; § 22: „Голова старается, дабы выборъ происходилъ со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ . . ".

2) П. к. № С. 105, стр. 120: „Am 18 Marty ging der unterthan. Bericht von dem Wahlgeschäffte an E. Erl. Hochv. Kays. Gen. Gouvern. ab. № 48."

3) К. к. № С. с. 52, бум. № 48: „Bericht von denen geschehehenen Wahlen eines Hauptes und Deputirten. d. 18. Marty 1767. № 48. Tit. Em. Erl. und hochv. Kayserlichen General-Gouvernemente hat Magistratus hiemittelst in aller Unterthänigkeit einberichten sollen, dass nach Anleitung Ihro Kays. Majesté Allerhöchsten Manifests, betreffend die Wählung eines Deputirten zur hohen Commission, wegen Verfertigung eines Entwurffs zum neuen Gesetzbuch: Magistratus alhier verfahren, und, nachdem sothanes Allerhöchste Manifest an 3 Sonntagen nach einander von der Cantzel verlesen gewesen, man auf dem Rathhause, als dem Wahlorte, zuförderst von Rath und Bürgerschafft dessen Justice Bürgermeister Christian Stegemann durchs Ballotiren und per plurima zum Stadtshaupte; nachher aber, wie man einen Tag zur Eydes Leistung in der Kirchen angesetzet, und ritibus praescriptis solchen abgeleget an demselben Tage gleichfalls durchs

„Между тѣмъ мы все же твердо и непоколебимо уповаемъ, что наша всенижайшая просьба о Всемилостивѣйшемъ освобожденіи отъ дѣйствительной отправки Депутата въ Москву будетъ милостивѣйше выслушана, и магистратъ совмѣстно съ мѣщанствомъ (Bürgerschaft) будутъ освобождены отъ этого по Высочайшей милости, чему всѣми силами посодѣйствовать мы всенижайше умоляемъ Сіятельное высокоустановленное Императорское генералъ-губернское правленіе . . . “ [1]).

20 марта магистратъ приступилъ къ обсужденію выборовъ „5 человѣкъ, . . . коимъ сочинить для Депутата наказъ“, выборовъ, предписанныхъ § 24 офиціальнаго Обряда, и рѣшилъ: включить въ ихъ составъ одного члена магистрата и 4 мѣщанъ, отъ каждой гильдіи двухъ, или по предложенію магистрата или же по выбору обѣихъ гильдій, а затѣмъ объявить гильдіямъ о назначеніи Головою трехъ дней для пріема мѣщанскихъ пожеланій, необходимыхъ при составленіи наказа [2]).

---

ballotiren und per plurima nach Eyd und Gewissen unseren Syndicum Friedrich Conrad Gadebusch, zum Deputirten erwehlet. Magistratus zeiget solches Em. Erl. und hochv. K. G. G. in aller Unterthänigkeit dermalen an und stellet den gewählten Hrn. Syndicum hiedurch gebührend vor; was aber die Wahl-Ordnung annoch überdem erfordert, wird in der bevorstehenden Woche vorgenommen und so viel mögl. zur Endschafft beschleuniget werden.“

1) Тамъ же, слѣдуетъ непосредственно за приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи: „Wo inzwischen wir dennoch des festesten und znversichtlichstenVertrauens leben, dass unsere allerunterthänigste Sollicitation um allergnädigste Dispensation von würklicher Absendung eines Deputirten nach Moscau gnädigsten ingress finden, und Magistratus sammt Bürgerschafft davon in höchsten Gnaden werde entfreyet werden; als worum E. Erl. und hochv. K. G. G. viel vermögend zu cooperiren, wir unterthänigst anflehen . . .“

2) П. к. № С. 105, стр. 123: „d. 20 Marty 1767 . . . . Dns. Consl. Justitiae brachte die Wahl derer 5 Männer in Vortrag, und ward beliebet, dass einer aus dem Rath und aus jeder Gilde zwey, welche entweder vom Magistrat vorzuschlagen oder von denen Gilden auszumitteln wären, um die Sache zu beschleunigen; alsdann wäre denen Gilden bekandt zu machen, dass das Haupt 3 Tage ansetzet, die petita et desideria derselben zu vernehmen, um eine Instruction dem H. Deputirten zu ertheilen.“

Назначеніе со стороны магистрата ратмана Тиля не вызвало, повидимому, никакихъ пререканій (особой протокольной отмѣтки объ этомъ назначеніи не имѣется, а просто упоминается г. Тиль уже въ качествѣ сотрудника Головы въ протоколѣ 26 марта); гильдейскіе же выборы остальныхъ 4 сотрудниковъ Головы (Большая гильдія выбрала: старшину Г. Пэйкера и старшину лавочниковъ Х. Ф. Шлихтинга, а Малая гильдія — старосту Шуманна и докмана Ц. Нэйманна), состоявшіеся, судя по протоколу 26 марта, въ субботу 24 марта, вызвали нѣкоторый протестъ: представители цеха золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ засѣданіи 26 марта выразили неудовольствіе цеха по поводу выборовъ Большой гильдіи и требовали согласно § 24 Обряда формальной баллотировки, но бургомистръ-Голова, объяснивъ, что никому не воспрещается при составленіи наказа высказать свое мнѣніе и внести свое предложеніе, просилъ ихъ во избѣжаніе всякихъ затрудненій и лишнихъ церемоній отказаться отъ своего требованія; по совѣщаніи съ товарищами по цеху представители цеха объявили, что они не настаиваютъ долѣе на баллотировкѣ [1]).

---

1) П. к. № С. 105, стр. 136—138: „d. d. 26. Marty 1767. Dns. Consul. Just. ppte (т. е. proponirte): Wie er beyder löbl. Gilden Aelterleute zu sich beschieden gehabt, und es in die Wegen zu richten sie gebeten, dass die Commune ein Paar der Grossgildischen und ein Paar Kleingildische Bürgere ausmitteln möchten, welche mit Ihme und d. H. RV. Tiehl zusammen träten, und nach Anleitung des Allerhöchsten Manifestes dem H. Deputirten nach Moscau, zur Gesetz-Commission, zu einer mitzugeben instruction Anweisung darüber deliberirten [sic! смыслъ послѣднихъ семи словъ, вмѣстѣ взятыхъ, не вполнѣ ясенъ; надъ третьимъ словомъ поставлена цифра 2, а надъ четвертымъ цифра 1; вѣрнѣе было бы такъ: . . . und nach Anleitung des Allerhöchsten Manifestes, dem H. Deputirten nach Moscau zur Gesetz-Commission eine instruction (Anweisung) mitzugeben, darüber deliberirten]. Am Sonnabend (т. е. 24 марта) wären die Gilden zusammen gewesen, und hätte d. H. Aelterm. Hessen Ihme referiret, dass sie d. H. Aelterm. Heinrich Peucker und den Cramer-Aeltermann Christian Friedrich Schlichting, der Kleingildische Aeltermann Thomas Sellentin aber gemeldet: dass aus Ihre Commune der Aeltester Schumann und Dockmann Zacharias Neumann dazu erkieset wären, wesfalls Er sie

Изъ этого пересказа двухъ протоколовъ ясно, что и при означеніи или выборѣ этихъ пяти лицъ не обошлось безъ отступленій отъ предписаннаго манифестомъ Обряда[1]: 1) не въ собраніи выбирателей, а въ засѣданіи магистрата было предложено бургомистромъ-Головою обсудить выборы пяти лицъ. Правда, члены магистрата были также избирателями, но вѣдь члены магистрата составляютъ мѣньшую часть избирателей, да и самъ законодатель подъ словомъ „выбирателямъ“ едва

---

heute zu Rathhaus bestellet. — [Стр. 137:] Eod(em). d. H. Aelterm. Hessen noṫe: (т. е. nomine) der Löbl. Grossen Gilde brachte an, dass d. H. Aelterm. Peucker uud Cramer Aeltermann Schlichting zu die fünff Männer erwählet wären. H. Aeltermann Sellentin noṫe. der Löbl. kl. St. Antonii Gilde trug an, dass aus ihrer Commune Aeltester Christian Schumann und Dockm. Zacharias Neumann einhellig wären erwählet worden. — Woneben sie meldeten, dass der 24. § in beyden Gilden öffentl. vorgelesen worden. — Der Goldschmiede Amts-Aelterm. Ch. Fr. Hannemann in Beystand des Amts-Genossen Martin Specht brachte noṫe. ihres Amtes an, wie sie mit der Wahl der zweyen Männer aus der löbl. Gr. Gilde nicht zufrieden wären, bäthen dahero, weil nach des hohen Manifestes § 24 die Wahl nicht in Einigkeit geschehen, die Ballotirung es entscheiden möchte. — Dns. Consul Just. Stegemann als Haupt stellete Ihnen vor, wie Niemanden dadurch benachtheiligt würde, indem ein jeder sein Meinung und Anliegen denen erwählten [стр. 138:] Männern aufgeben, und diese in Vortrag gehörig bringen könte, um allso alle Weitläufigkeiten dabey zu vermeiden, sie es dabey also bewenden lassen möchten. — Der Amts-Aelterm. Hannemann wolle es denen Amts-Genossen vortragen, und sogleich wieder referiren. — Traten ab. — Die von der Bürgerschafft traten auch ab. — Paulo post traten die Goldschmiede wieder ein und brachten an: das Amt habe sich dessen begeben. . .“

1) П. С. З. Р. И. СПБ. 1830, т. XVII, стр. 1104: „24. Когда совсѣмъ по вышепредписанному порядку выборъ Депутата оконченъ, и ему объявленъ его выборъ, если онъ тутъ . . . И Голова предложитъ выбирателямъ, что надлежитъ дать избранному Депутату полномочіе по нижепредписанному образцу; и чтобъ означили изъ наличныхъ при выборѣ 5 человѣкъ, въ числѣ которыхъ и нѣсколько купцовъ быть должны, коимъ сочинить для Депутата наказъ . . . и отдается имъ на волю, сихъ выбрать по баламъ, или добровольно согласиться для скорѣйшаго производства, кому изъ нихъ при томъ находиться: однако жъ если бъ Голова усмотрѣлъ великіе споры и несогласія, то приступить велитъ къ балотированію тѣмъ же порядкомъ, какъ уже два раза то происходило. . .“

ли подразумѣвалъ что-либо иное, какъ общее собраніе всѣхъ наличныхъ выбирателей, къ тому же, по смыслу § 24, само предложеніе Головы объ означеніи „5 человѣкъ, коимъ сочинить для Депутата наказъ“, должно было быть сдѣлано, повидимому, тотчасъ же послѣ окончанія выборовъ Депутата, когда еще всѣ выбиратели были налицо; этимъ можно также объяснить допущеніе въ данномъ случаѣ „добровольнаго соглашенія для скорѣйшаго производства“; 2) судя по протоколу 20 марта, вопреки § 24 Обряда, магистратъ съ бургомистромъ юстиціи во главѣ, а не собраніе избирателей подъ предсѣдательствомъ Головы, рѣшаетъ, какъ произвести выборы, и кто долженъ войти въ составъ этихъ пяти лицъ; 3) по § 24 Обряда должны быть въ числѣ этихъ пяти человѣкъ нѣсколько купцовъ, но ничего не говорится о непремѣнномъ назначеніи одного члена магистрата; 4) выборы 4 мѣщанъ происходятъ отдѣльно въ собраніяхъ гильдій по просьбѣ бургомистра юстиціи, при чемъ члены магистрата, какъ законные избиратели, не участвуютъ въ выборахъ, а бургомистръ юстиціи, въ качествѣ новоизбраннаго Головы, не предсѣдательствуетъ въ этихъ собраніяхъ; 5) хотя Голова не присутствовалъ при гильдейскихъ выборахъ и, слѣдовательно, не имѣлъ представленія о происходившихъ тамъ спорахъ и несогласіяхъ, все же онъ, несмотря на требованіе цеха золотыхъ дѣлъ мастеровъ формальнаго баллотированія, готовъ скорѣе усмотрѣть въ этомъ требованіи **не**великіе споры и несогласія, чѣмъ, руководствуясь § 24 Обряда, велѣть приступить къ баллотированію, и старается потому всѣми силами не столько по убѣжденію въ лишней придирчивости цеха золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сколько „во избѣжаніе всякихъ формальностей“ уговорить представителей цеха отказаться отъ своего требованія.

Итакъ, въ теченіе 15 дней всѣ выборы были произведены. Магистратъ вздохнулъ свободно! Непріятныя процедуры для него кончились и кончились въ его пользу: Город-

ской Голова — онъ же и бургомистеръ юстиціи; Депутатъ — онъ же синдикъ города; 5 лицъ, выбранныхъ для сочиненія наказа и для дальнѣйшихъ совѣщаній по дѣламъ Законодательной Комиссіи, тоже, очевидно, свои люди!

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ Сборника.)

І. Змигродскій.

О преподаваніи философіи въ университетахъ.

Съ самаго начала своего вступленія на философскую каѳедру пишущій эти строки испытывалъ особенный интересъ къ вопросу о способахъ преподаванія и изученія философіи. Въ теченіе годовъ я думалъ надъ этимъ вопросомъ, читалъ подходящія книги и статьи въ журналахъ и наконецъ практически примѣнялъ при преподаваніи своихъ философскихъ курсовъ различные методы, стараясь отыскать пріемы самые простые и наиболѣе цѣлесообразные, позволяющіе достигать требуемыхъ результатовъ въ наикратчайшій срокъ съ наибольшею увѣренностью и удачею. Этотъ же вопросъ былъ взятъ мною въ качествѣ темы для вступительной (ненапечатанной) лекціи въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Варшавскомъ университетѣ 10 сентября 1903 года. Для примѣненія различныхъ пріемовъ въ университетскомъ преподаваніи философіи я имѣлъ возможности болѣе, чѣмъ кто-либо другой, потому, что я преподавалъ философію въ трехъ русскихъ университетахъ съ самымъ разнообразнымъ составомъ слушателей, отличавшихся другъ отъ друга національностію, общимъ міровоззрѣніемъ, степенью и качествомъ культуры, возрастомъ, предварительною подготовкой, ходомъ образованія и т. д.

Не могу не сказать при этомъ случаѣ, что вопросъ о методахъ преподаванія той или другой науки, къ сожалѣнію, въ общемъ мало вызываетъ къ себѣ интереса среди университетскихъ преподавателей. Большинство послѣднихъ совершенно игнорируетъ педагогическіе вопросы, нѣкоторые

же и самое занятіе такими вопросами ставятъ ниже своего достоинства потому де, что они — профессора, ихъ дѣло разрабатывать науку, у насъ де университетъ, а не гимназія; педагогика это — дѣло учителей средней школы. Случалось мнѣ даже слышать и такія утвержденія, что де мое дѣло только прочесть лекцію, а тамъ уже дѣло не мое, а дѣло студентовъ разбираться въ ней, какъ хотятъ. Если они не усваиваютъ себѣ содержанія прочитаннаго курса, то это ихъ собственная вина: они либо лѣнивы, либо невнимательны, либо наконецъ не имѣютъ достаточной для университета подготовки и должны восполнять открывающіеся пробѣлы собственными силами. Нельзя не сказать, что эта точка зрѣнія удобна для преподающихъ, но учащіеся не всегда съ нею легко примиряются. Преподаваніе какъ философіи, такъ и другихъ наукъ, ведется обыкновенно по рутинѣ и, преимущественно, въ формѣ монологической или такъ называемой лекціи. Лекціонная система университетскаго преподаванія въ послѣднее время возбуждала, однако, на Западѣ, на родинѣ университетовъ, противъ себя ожесточенное гоненіе со стороны нѣкоторыхъ педагоговъ, подробно указывавшихъ ея недостатки, истинные и мнимые. Эти противники лекціонной системы желали бы видѣть ее окончательно изгнанною изъ университетовъ и предлагаютъ замѣнить ее либо діалогическимъ преподаваніемъ, либо даже — прямо чтеніемъ книгъ подъ руководствомъ профессора, при чемъ самое „преподаваніе“ — въ теперешнемъ смыслѣ слова — совершенно упразднилось бы. Мы будемъ говорить еще объ этомъ ниже, пока же замѣтимъ, что исканіе новыхъ и лучшихъ путей всегда почтенно, но исключительность, крайность, единоспасительность обыкновенно вредны. Мы спѣшимъ оговориться, что лично мы вовсе не принадлежимъ къ числу тѣхъ ожесточенныхъ противниковъ лекціонной системы, которые требуютъ ее совсѣмъ уничтожить въ университетахъ и замѣнить лекціи одними, напр., практическими занятіями. Въ теченіе вѣковъ лекціи служили методомъ преподаванія, и результатами историческаго опыта никогда и

никому нельзя пренебрегать вообще, — а въ частности педагогу. А если и въ лекціонной системѣ есть важныя для успѣховъ слушателей стороны, то искусный педагогъ именно и долженъ показать свое умѣнье, комбинируя въ своей практикѣ выгодныя стороны различныхъ методовъ преподаванія. Не беря на себя смѣлости разсуждать здѣсь о значеніи лекціонной системы вообще, мы полагаемъ лишь по отношенію къ своей спеціальности, т. е. философіи, что лекціи являются незамѣнимымъ методомъ. Невыгодныя стороны лекціонной системы никакъ не связаны съ самою ея сущностію, а проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ разобщенности лекцій отъ другого пріема преподаванія — отъ практическихъ занятій. Нигдѣ, ни въ Западной Европѣ, ни въ Америкѣ лекціи однѣ, сами по себѣ, не читаются: къ нимъ присоединялись и присоединяются практическія упражненія, и центръ преподаванія полагается именно въ послѣднихъ. Только у насъ въ Россіи о практическихъ занятіяхъ совсѣмъ позабыли, а ограничились исключительно однѣми лекціями теоретическими. Понятно, что у насъ то именно невыгодныя стороны такой ограниченности методовъ преподаванія должны были сказаться особенно острымъ образомъ, и нападки, вызванныя, собственно говоря, неудачнымъ примѣненіемъ лекціонной системы, повели къ нападкамъ на университетское преподаваніе вообще, и на весь строй его. Поэтому неудивительно, что и у насъ въ Россіи, — и притомъ не въ видѣ подражанія западнымъ протестантамъ, но самостоятельно начинаютъ приходить къ мысли о необходимости иной постановки учебнаго дѣла въ университетахъ, отвергая цѣлесообразность и удовлетворительность того типа преподаванія наукъ (лекціонной системы), который сложился у насъ и сталъ въ нашихъ университетахъ господствующимъ, даже единственнымъ. Чрезвычайно живо сознали потребность новыхъ методовъ въ преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Между нашими университетскими юристами вопросъ о замѣнѣ лекцій практическими занятіями нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ предметомъ самой ожесточенной и страстной по-

лемики, причемъ нынѣшняя „удобная“ система преподаванія нашла-таки себѣ немало и защитниковъ. Съ другой стороны, и министерство народнаго просвѣщенія тогда же принялось весьма энергически насаждать въ университетахъ, — преимущественно, опять-таки на тѣхъ же только юридическихъ факультетахъ — практическія занятія и ассигновывало довольно значительныя суммы на ихъ устройство, веденіе и на пріобрѣтеніе для нихъ же спеціальныхъ семинарскихъ библіотекъ. Тогда было рекомендовано и устройство студенческихъ кружковъ научнаго характера, въ которыхъ студенты путемъ живого общенія съ профессоромъ и подъ его непосредственнымъ руководствомъ могли бы заниматься интересующими ихъ научными дисциплинами въ болѣе широкомъ объемѣ, нежели это имѣетъ мѣсто теперь при существующей системѣ чтенія лекцій и вытекающей изъ этой системы разобщенности профессора и его аудиторіи.

Вопросъ объ изученіи философіи является интереснымъ и современнымъ съ точки зрѣнія науки и академической педагогики; въ то же время онъ важенъ и въ соціальномъ [1]) отношеніи. Между тѣмъ всякое дѣло можетъ дать наибольшій и надежный результатъ только при сознательномъ и планомѣрномъ его проведеніи. Поэтому надобно выяснить прежде всего цѣль преподаванія философіи. Средства должны быть цѣлесообразны, и вѣдь, только опредѣливъ, намѣтивъ себѣ цѣль, можно потомъ выбирать и средства для достиженія этой цѣли. Философія преподается большому числу юношей и въ теченіе долгаго времени. Такъ какъ при этомъ вовсе не имѣютъ того въ виду, чтобы изо всѣхъ ихъ сдѣлать спеціалистовъ по философіи, ибо не всякій, кто хочетъ, — можетъ стать философомъ, а не всякій, кто можетъ, хочетъ быть имъ, то, очевидно, есть какая то особая польза отъ философіи, которой ожидаютъ для юношей, изучавшихъ эту науку.

---

1) Ниже станетъ ясно, въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь слово „соціальный“.

Оставляя въ сторонѣ проблему объ общественной и общенаучной пользѣ философіи, которую нельзя не признать громадною, поставимъ себѣ задачею рѣшить болѣе узкій и чисто педагогическій вопросъ: какую пользу можетъ принести философія въ отношеніи воспитанія? Какія силы душевныя могутъ развиться отъ изученія философскихъ наукъ?

При усвоеніи всѣхъ наукъ вообще дѣйствуютъ двѣ душевныя силы: память и мышленіе. Но при различныхъ наукахъ роль и взаимное отношеніе этихъ двухъ силъ мѣняется: напр., при изученіи исторіи память играетъ несравненно бо̀льшую роль, нежели при изученіи математики и философіи; въ послѣднихъ наукахъ первенствующую роль играютъ пониманіе, сметка, мышленіе. Если кто-либо правильно докажетъ, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ обоихъ катетовъ, но при томъ забудетъ, что этой теоремѣ по древней традиціи присвоено имя Пиѳагора, то такое лицо нельзя назвать незнающимъ математики. Но, разсказывая о дѣятелѣ XVIII вѣка, помѣщать его въ XV вѣкъ, есть уже грубое незнаніе исторіи. Философія, подобно математикѣ, при изученіи ея предъявляетъ особенныя требованія не къ памяти, а къ мышленію. Безъ упражненія мышленія нельзя быть философомъ, хотя бы мы памятью наизусть усвоили себѣ всѣ сочиненія всѣхъ философовъ. Можно сказать даже болѣе: философія, какъ познаніе познанія, наука наукъ, — самое-то мышленіе (въ логикѣ и теоріи познанія) дѣлаетъ предметомъ науки и мышленія. Такимъ образомъ философія есть наука мышленія par excellence, и ничто не можетъ въ такой сильной степени изощрить и закалить мышленіе, какъ именно изученіе философіи и упражненіе въ ней. Основной законъ мышленія — это законъ достаточнаго основанія. Съ помощью достаточныхъ основаній мы осмысливаемъ наше знаніе, располагаемъ данныя въ порядкѣ причинъ и слѣдствій. Философія, какъ наука мышленія, стремится обосновать всѣ науки, выработать стройную и логически обоснованную систему міровоззрѣнія. Спеціалистъ, изучившій фи-

лософію вмѣстѣ со своей спеціальной наукой, будетъ лучше оцѣнивать мѣсто и значеніе своей науки въ общемъ ряду наукъ, и привыкнувъ къ философскому стремленію обосновывать все имъ мыслимое, самую свою спеціальность станетъ обработывать въ логически-состоятельномъ видѣ. Онъ будетъ не только копить знанія, но и приводить ихъ въ систему — именно потому, что мышленіе его закалено философскими занятіями, — и на философіи онъ вообще научился мыслить, пріобрѣлъ навыкъ къ мышленію. Слѣдовательно, помимо своего въ высшей степени важнаго содержанія, помимо великихъ и многоцѣнныхъ своихъ результатовъ, философія и въ педагогическомъ отношеніи чрезвычайно полезна, какъ наука, особенно развивающая въ юношѣ мыслительную способность. Вотъ почему философія является какъ бы пропедевтикою всѣхъ остальныхъ наукъ, вотъ почему философію и ея исторію предлагаютъ для изученія, преимущественно, въ самомъ началѣ факультетскаго образованія. Человѣкъ, изощрившій свое мышленіе усвоеніемъ себѣ философіи, будетъ, конечно, сильнѣе другихъ при изученіи прочихъ наукъ; онъ будетъ усваивать ихъ сознательнѣе, въ лучшей системѣ и по лучшему методу.

Если изученіе философіи такъ важно, а цѣль этого изученія неоспорима и освящена вѣками исторической традиціи, то вопросъ о средствахъ къ наилучшему достиженію этой цѣли, дѣйствительно, долженъ быть разрѣшенъ съ особенною осмотрительностію и обстоятельностію.

Переходя къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ нынѣшняго способа преподаванія философіи въ русскихъ университетахъ — въ видѣ чтенія лекцій — остановимся и на темныхъ, и на свѣтлыхъ сторонахъ этой системы.

Результаты современной системы преподаванія философіи въ общемъ ничтожны и даже могутъ быть приравнены нулю. Правда, теперь любятъ много говорить о замѣчающемся будто бы въ обществѣ нѣкоторомъ подъемѣ интереса къ философіи; но, по нашему мнѣнію, этотъ подъемъ — только кажущійся. Какъ и прежде, такъ и теперь интересуются, собственно говоря,

не главнымъ ядромъ философіи, не гносеологіею, логикой или метафизикою, а преимущественно, ея прикладными, вторичными или выводными изъ нея науками, какъ то: этикою, политикою, экономикою, соціологіею и т. д. Но, даже, если и допустить существованіе такого подъема, то опять-таки университетскіе преподаватели философіи оказались бы, повидимому, тутъ ни при чемъ. Этимъ успѣхомъ своимъ философія была бы обязана не цѣховымъ мастерамъ философіи, — а вольной братіи — журналистамъ, изъ числа которыхъ многіе въ теченіе долгихъ лѣтъ упорно пропагандировали въ популярной формѣ то или другое философское направленіе и постепенно расширяли кругъ своихъ читателей и почитателей.

Преподаваніе философіи обыкновенно происходитъ теперь у насъ, въ университетахъ приблизительно такимъ образомъ. Профессоръ читаетъ лекцію по тетради или по конспекту въ теченіе цѣлаго часа. Слушатели обязаны все это время чисто пассивно слушать читаемое имъ, не прерывая профессора ни однимъ вопросомъ. Нѣкоторые изъ нихъ пытаются записывать за профессоромъ. Но, разсматривая подаваемыя мнѣ записки молодыхъ студентовъ — даже стенографическія — я убѣждался часто въ томъ, что существенное не уловлено или плохо формулировано, не такъ, какъ читалось на лекціи . . . Эти записи вообще не могутъ имѣть никакого значенія, потому что толково записывать сложное философское разсужденіе человѣку, впервые знакомящемуся съ этимъ предметомъ, философіею — дѣло почти невозможное. А студенты обыкновенно поступаютъ въ университетъ безъ всякой подготовки по философіи, ибо, хотя и положено въ гимназіяхъ преподавать „философскую пропедевтику“, но она чаще всего преподается тамъ такъ, что, пожалуй, было бы лучше, если бы ея тамъ вовсе не преподавали . . . По окончаніи лекціи профессоръ раскланивается и уходитъ — и такъ дѣло идетъ до самаго экзамена. Для подготовки къ экзамену студентъ не имѣетъ надежнаго руководства и принужденъ прибѣгать либо къ собственнымъ, неудовлетворительнымъ записямъ, либо къ лито-

графированнымъ курсамъ, составленнымъ по тѣмъ же запискамъ, либо, наконецъ, къ какимъ-нибудь случайно попавшимся подъ руку философскимъ книгамъ.

Скажемъ кстати нѣсколько словъ и объ экзаменахъ по философіи. Если производить эти экзамены строго, то при выше очерченныхъ условіяхъ они могутъ стать мукою и истязаніемъ для экзаминантовъ. Очевидно, профессоръ можетъ требовать со студентовъ знаній по философіи только въ такомъ случаѣ, если онъ не ограничивался однимъ только отчитываніемъ лекцій, но прилагалъ старанія къ фактическому распространенію философскихъ свѣдѣній среди своихъ слушателей— такъ, какъ будетъ указано ниже. Въ такомъ случаѣ кара — и вполнѣ заслуженная — падаетъ лишь на голову тѣхъ студентовъ, которые, не смотря на всѣ усилія, на всю работу профессора, игнорировали его предметъ, философію и не придавали ей должнаго значенія. Если же экзамены по философіи вести слабо, то весь философскій искусъ обратится въ пустую формальность, въ балаганъ — и студенты будутъ покидать университетъ, ничуть не ознакомясь съ философіею. Ничего не требовать съ экзаминанта по философіи, впрочемъ, будетъ вполнѣ логично со стороны тѣхъ профессоровъ, которые не работали надъ студентами и ничего имъ не дали, кромѣ чтенія лекцій, хотя бы и были желающіе, жаждавшіе болѣе роскошной философской трапезы. Нельзя не сказать, впрочемъ, что экзамены по философіи — въ Россіи поставлены, за весьма немногими исключеніями, слабовато — и эта небрежность, разумѣется, не содѣйствуетъ распространенію философіи въ нашемъ отечествѣ и къ подъему ея у насъ престижа.

Печальная, но вѣрная дѣйствительности картина преподаванія философіи знакома, впрочемъ, не только намъ, но и Западной Европѣ. Добавимъ еще, что въ философіи (какъ и въ другихъ наукахъ) иной профессоръ на экзаменѣ не удовлетворяется познаніями по философіи вообще, но требуетъ того именно, что́ онъ читалъ въ данный семестръ, или изложенія того именно направленія, какого онъ самъ держится —

и мы увидимъ, что положеніе экзаминанта-студента можетъ стать довольно затруднительнымъ, — особенно, если экзаминаторъ-лекторъ не издаётъ самъ своего курса, или не печатаетъ лекцій, и если готовящемуся къ экзамену приходится прибѣгать либо къ записямъ своимъ и товарищескимъ, гдѣ многое переврано, либо къ книгамъ другихъ авторовъ, гдѣ онъ не находитъ требующейся ему „груберистики“.[1]) Такія и подобныя имъ явленія (строгость не къ мѣсту) и вызвали протесты лицъ, пытающихся во избѣжаніе злоупотребленій уничтожить монологическую или лекціонную систему и замѣнить ее, какъ мы уже сказали, діалогомъ и чтеніемъ книгъ. Приведемъ нѣсколько панегириковъ новымъ методамъ.

Въ діалогѣ, который есть источникъ живой науки, пишетъ одинъ реформаторъ, для того, чтобы поддерживать любопытство учениковъ, надобно заставлять ихъ самихъ отыскивать истины, которыя они познаютъ, такимъ образомъ, чтобы имъ казалось, что они сами открываютъ ихъ въ первый разъ въ наукѣ. Нельзя быть въ преподаваніи философіи черезчуръ догматичнымъ и не надо желать идти черезчуръ быстро. Не слѣдуетъ отбрасывать ложные отвѣты прямо, но надо пытаться элиминировать изъ нихъ элементы истиннаго, ограничивая ихъ и подводя ученика къ правильному рѣшенію проблемы. Очень часто ошибка состоитъ только въ недостаточномъ и неудовлетворительномъ опредѣленіи терминовъ, какими пользуется ученикъ для выраженія своей мысли. Принуждая его дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи словъ, которыя онъ употребляетъ, мы даемъ ему возможность открыть свою ошибку. Дѣйствуя такимъ образомъ, философъ пробудитъ мысль своихъ учениковъ, сдѣлаетъ ихъ способными къ критикѣ и сужденію о томъ, что они читаютъ въ книгахъ.

---

1) Въ свое время профессоръ Военно-Медицинской Академіи Груберъ требовалъ отъ студентовъ не знанія анатоміи вообще, а нѣкоторыхъ своихъ излюбленныхъ коньковъ. Совокупность его своеобразныхъ вопросовъ была записана подъ названіемъ „груберистики“, и студенты изучали къ экзамену не анатомію, а эту самую груберистику, ставшую нарицательнымъ словомъ.

Послушаемъ другого нововводителя о значеніи чтенія. Книга, а не курсъ, сказанный, или что еще хуже, „читаемый“, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ преподаванія, — книга, которую можно читать и перечитывать, гдѣ сейчасъ же можно отыскать интересующее насъ мѣсто, книга, которую удобно можно сравнить съ другими книгами о томъ же предметѣ. Въ настоящее время естественнымъ средствомъ распространять просвѣщеніе является чтеніе — и роль профессора состоитъ, преимущественно, въ томъ, чтобы хорошо направлять чтеніе своихъ учениковъ и научать ихъ пользоваться своими книгами съ умомъ и съ критикою.

Преимущества новыхъ методовъ въ приведенныхъ нами выдержкахъ обрисованы очень увлекательно, но и въ этихъ новинкахъ есть свои зацѣпки, къ которымъ мы еще вернемся... Теперь же прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію методовъ преподаванія, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ психическихъ величинахъ, которыя противостоятъ другъ другу въ процессѣ преподаванія и изученія философіи, а именно объ учителѣ и ученикѣ.

Воспитаніе вообще и обученіе въ частности есть одинъ изъ спеціальныхъ родовъ соціальнаго взаимоотношенія, — и прежде чѣмъ опредѣлять природу этого взаимоотношенія, надо установить характеръ тѣхъ элементовъ, которымъ предстоитъ вступить въ это взаимоотношеніе. Стало быть, предварительно разсмотрѣнія методовъ преподаванія философіи, необходимо представить себѣ, каковы должны быть преподаватель философіи и его ученикъ, если имѣется въ виду наилучшее достиженіе цѣли — обученія философіи. Каковы же тѣ требованія, какія можно приложить къ преподавателю философіи?

Конечно, во всякой профессіи прежде всего необходимо имѣть соотвѣтствующее дарованіе, способность. Въ нашемъ случаѣ необходимо имѣть уже отъ природы педагогическій талантъ. Но вѣдь талантъ педагога, какъ и всякое природное дарованіе, зависитъ не отъ нашей доброй воли, а отъ

Творца всяческихъ, отъ Всемогущаго Бога. А съ другой стороны, и таланта, одного, самого по себѣ еще мало для успѣшнаго прохожденія какой бы то ни было дѣятельности.

Недостачу таланта надо восполнять разными средствами, а прежде всего благими намѣреніями. Безъ благихъ намѣреній и самый талантъ будетъ либо безполезенъ, либо можетъ даже оказаться вреднымъ. Состоятъ же эти благія намѣренія въ желаніи принести добро, т. е. въ данномъ случаѣ — подѣлиться съ учениками своими знаніями, просвѣтить учениковъ, дать имъ почувствовать интересъ и важность нашей науки, философіи, возбудить въ нихъ охоту самимъ потрудиться надъ усвоеніемъ философскихъ свѣдѣній и надъ размышленіемъ о задачахъ философіи. Чтобы выполнить все перечисленное, надобно, значитъ, прежде всего имѣть желаніе дѣлиться собранными знаніями съ тѣми, кому они нужны, кому они могутъ оказать пользу. Разумѣется, для того, чтобы дѣлиться, надо самому имѣть большой запасъ, иначе и дѣлиться будетъ нечѣмъ. Собравши себѣ запасъ философскихъ знаній, преподаватель философіи не можетъ на этомъ останавливаться, но долженъ заботиться потомъ еще о пополненіи и освѣженіи своего запаса, т. е. долженъ изучать свой предметъ вглубь исторически, но вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно слѣдить и за новыми явленіями въ текущей философской литературѣ.

Всякое дѣло дѣлается хорошо тогда, когда оно дѣлается нами съ любовью, съ радостію. Не всякій, кто обладаетъ познаніями, — и любитъ сообщать ихъ; не всякій ученый годится быть профессоромъ. Настоящимъ профессоромъ можетъ быть лишь тотъ, кто любитъ это дѣло, т. е. тотъ, кому приноситъ удовольствіе и радость самый процессъ передачи своихъ знаній другому, лишь тотъ, кто учитъ съ радостью, и для кого лишеніе этой его преподавательской обязанности и дѣятельности является сердечной утратою и печалью. Настоящимъ профессоромъ философіи явится тотъ, кому доставляетъ радость — самая возможность учить философіи, кому пріятна самая эта философская учоба, въ комъ

рождается чувство довольства и удовлетворенія при передачѣ философіи своимъ слушателямъ. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ философія передается безъ радости, индифферентно, или даже съ чувствомъ томленія и досады, туда никогда не слетитъ веселый Эросъ философіи.

Но преподавать философію съ любовью и находить радость въ ея преподаваніи можно, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если любишь самоё философію, если придаешь ей великое уваженіе и честь. На первый взглядъ, кажется, что это единственно возможный случай: ибо кто же станетъ браться за философію, не любя ее? Однако, нельзя забывать, что философскія каѳедры, равно, какъ и каѳедры другихъ наукъ, нерѣдко замѣщаются людьми случайными, не связанными со своею наукой органически. Такія замѣщенія очень нерѣдки у насъ въ духовныхъ академіяхъ, гдѣ распредѣленіе каѳедръ обыкновенно — дѣло чистаго произвола, гдѣ возможно, занимавшись, напр., исторіею англійской церкви или патрологіею, получить каѳедру философіи, какъ первую очистившуюся. Но и въ университетахъ бываютъ на философскихъ каѳедрахъ ученые, не считающіе философію наукою [1]), или же увѣряющіе, якобы философія есть лишь не болѣе, и не менѣе, какъ отрасль искусства и т. п. Мы оставляемъ уже въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ можно браться за такое дѣло, въ которое самъ не вѣришь, но позволяемъ себѣ только думать, что ждать для философіи особеннаго успѣха и приращенія при такихъ условіяхъ нельзя. Мы продолжаемъ настаивать на томъ, что преподавать философію и достоинъ, и можетъ лишь тотъ, кто, считая философію истинною и высшею наукой, желаетъ посвящать ей свои силы и самъ лично, и желаетъ пріобрѣтать для этого служенія философіи другія, юныя силы, — тотъ, кому служеніе философіи и ея проповѣданіе доставляетъ живую

---

1) Профессоръ философіи Кіевскаго университета Гиляровъ произнесъ цѣлую актовую рѣчь для уничтоженія и развѣнчанія науки, по которой онъ самъ и до нынѣ занимаетъ каѳедру.

и чистую радость, кто съ удовольствіемъ дѣлится своими философскими познаніями и заботится о томъ, чтобы его преподаваніе философіи не пропадало втунѣ, но давало обильный плодъ. И при такой усердной работѣ, одушевленной благими намѣреніями, профессоръ философіи, даже — если бы онъ не обладалъ особою силою самобытнаго философскаго творчества и выдающимся педагогическимъ талантомъ, можетъ оказаться весьма и весьма полезнымъ дѣятелемъ на своемъ мѣстѣ, можетъ много сдѣлать для распространенія своей любимой науки. Но, если къ работѣ и благимъ намѣреніямъ присоединяется еще талантъ философски-систематическаго творчества или же дарованіе великаго педагога, то, разумѣется, сила воздѣйствія такого философа на молодежь еще болѣе возрастаетъ, поле его работы еще расширяется.

Во всякомъ случаѣ, одно необходимо въ себѣ развить всякому, кто дерзнетъ выступать въ качествѣ преподавателя философіи — это даръ свободнаго владѣнія рѣчью. Еще Цицеронъ увѣрялъ, что ораторы не родятся, какъ поэты, но ораторами становятся. Разумѣется, всего лучше, когда имѣешь прирожденный даръ рѣчи. Но при нѣкоторомъ отсутствіи его всегда можно выработать въ такой степени, какая необходима для учителя философіи. Философъ долженъ развить себя до того, чтобы читать свои лекціи болѣе или менѣе свободно, не считывая съ тетради. Монотонное чтеніе по тетради вообще убійственно для всякаго преподаванія — и въ конецъ уничтожаетъ философію. Живая интонація, живая рѣчь, живая, на виду у слушателя построяемая фраза сильнѣе дѣйствуетъ — и именно при преподаваніи философіи. Эта живость монолога не можетъ быть оцѣнена достаточно высоко. Въ тетради можно гораздо лучше обточить и округлить фразу, можно лучше продумать логическія ударенія и интонаціи, заучить ихъ предварительно, и съ помощью разныхъ размѣтокъ и подчеркиваній въ тетради воспроизвести ихъ на лекціи. Но именно всякая заученность и вредитъ философіи, именно тутъ-то и не нужны ораторская

округленность и бездушная, но красивая фраза. Необходимо здѣсь изложеніе какъ можно болѣе простое и доступное, съ естественною, незаученною интонаціею. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше; чѣмъ напыщеннѣе, чѣмъ ходульнѣе и неискреннѣе, — тѣмъ хуже. Именно слова и мысли in statu nascendi, эта мысль въ ея рожденіи — при преподаваніи философіи обладаетъ особенными чарами. Чтобы найти себѣ доступъ въ умъ и сердце слушателя съ такими трудными и абстрактными, далекими отъ житейскаго обихода вещами, какъ философія, надо ни на минуту не сходить съ почвы естественности и искренности. Обѣ крайности, и напыщенное ораторство, и мертвенное считываніе съ тетради проскользнутъ мимо и не привлекутъ къ философіи ни одного новаго соратника (commilito)!

Таковы приблизительно всѣ тѣ главныя черты, которыми на нашъ взглядъ, долженъ характеризоваться хорошій преподаватель философіи. Скажемъ теперь нѣсколько словъ и о другой психической величинѣ, участвующей въ процессѣ преподаванія, а именно объ ученикѣ. Какими свойствами долженъ обладать ученикъ, чтобы преуспѣть въ наукѣ философіи?

Опять-таки прежде всего требуется для этого спеціальный философскій талантъ. Талантливыхъ людей вообще меньше, нежели среднихъ и бездарныхъ, но на основаніи своей профессорской практики я думаю, что философскіе таланты между нашею студенческою молодежью встрѣчаются вовсе не такъ рѣдко, какъ обыкновенно полагаютъ. Философскихъ головъ и вообще людей, которые могли бы съ успѣхомъ заниматься философіею, имѣется среди студентовъ довольно, и если не всѣ они обращаются къ философіи и къ наукѣ вообще, то это происходитъ не отъ отсутствія соотвѣтствующихъ дарованій, а отъ другихъ причинъ, о которыхъ я не хочу здѣсь распространяться . . .

Кромѣ таланта къ изученію философіи, надобно имѣть еще желаніе работать надъ нею, интересъ къ ней. Но нельзя имѣть интересъ къ тому, чего не знаешь совсѣмъ, или о чемъ имѣешь совершенно неудовлетворительное представленіе.

Здѣсь выдвигается вопросъ о томъ, нужно ли для успѣха университетскаго преподаванія философіи, чтобы приступающіе къ философскимъ курсамъ студенты уже заранѣе изъ средней школы приносили съ собой нѣкоторыя познанія по этой наукѣ.

Прежніе гимназисты, поступавшіе въ университетъ, пройдя лишь одинъ курсъ л о г и к и, являлись въ аудиторію полными невѣждами по философіи. Въ крайнемъ случаѣ, кое-кто изъ нихъ случайно прочитывалъ какую-нибудь попавшую имъ въ руки философскую книжку. Теперь въ гимназіяхъ къ курсу логики прибавленъ еще курсъ психологіи, и все это вмѣстѣ именуется „философской пропедевтикою“. Въ виду отсутствія разработанныхъ программъ, хорошихъ учебниковъ, ясно сознанныхъ цѣлей и подготовленныхъ преподавателей мы не думаемъ, чтобы теперешній курсъ былъ много успѣшнѣе прежняго. Наконецъ духовные семинаристы поступаютъ къ намъ, пройдя въ семинаріи курсы логики, психологіи и исторіи философіи или обзора философскихъ системъ.

Что касается случайныхъ читателей философской книги, то у итальянцевъ есть на этотъ счетъ весьма мѣткая поговорка: „бойся того, кто прочелъ только одну книгу“. Такіе читатели мнятъ себя обладателями высшей мудрости, а прочтенная ими книга кажется имъ исчерпавшею весь предметъ до глубины.

Относительно лицъ, поступающихъ въ университетъ съ нѣкоторыми предварительными познаніями по философіи, я могу сообщить свои наблюденія надъ семинаристами. Въ большинствѣ случаевъ они оказывались мало годными къ научному изученію философіи на историко-филологическомъ факультетѣ. Было время, когда свѣтскія школы оскудѣли преподавателями философіи, и таковыхъ, случалось, приглашали изъ духовныхъ учебныхъ учрежденій [1]). Это укоренило въ послѣднихъ стран-

1) Какъ и теперь, въ нѣкоторыя провинціальныя гимназіи приглашаютъ преподавателей духовныхъ семинарій на философскую пропедевтику, и въ женскія гимназіи — на педагогику . . .

ный предразсудокъ, якобы философія наравнѣ съ богословіемъ есть наука духовная, или составляющая собою нѣкую монополію духовной касты. На своихъ товарищей, студентовъ изъ гимназистовъ, еще не проходившихъ философіи, семинаристы смотрятъ свысока. Пройденные ими съ грѣхомъ пополамъ жалчайшіе семинарскіе учебнички по психологіи и „обзору системъ“, на ихъ взглядъ, и есть самая суть всей философіи. И такое самомнѣніе семинаристовъ обыкновенно жестоко наказывалось. Въ то время, какъ семинаристы горделиво стояли надъ предлагаемымъ имъ учебнымъ матеріаломъ и примѣривали его къ шаблону полузабытыхъ ими учебничковъ и „записокъ“, гимназисты, по крайней мѣрѣ, тѣ, кто интересовались философіею, быстро овладѣвали историческимъ аппаратомъ этой науки и ad oculos показывали семинаристамъ ихъ философское невѣжество. Такъ было дѣло въ тѣхъ университетахъ, гдѣ мнѣ приходилось преподавать философію. Семинаристы оказывались испорченными для занятій университетскою философіей, и для успѣха имъ пришлось бы переучиваться наново, на что́ обыкновенно изъ ложной гордости они не рѣшались [1]). Мое убѣжденіе, вынесенное изъ опыта, таково, что предварительныя свѣдѣнія по философіи не нужны и даже вредны. Какъ начинать учиться музыкѣ надо непремѣнно у хорошаго учителя, — иначе во всю жизнь не отдѣлаешься отъ дурныхъ привычекъ и никогда не станешь виртуозомъ, такъ и въ философіи предварительное ученіе у плохого учителя хуже полнаго отсутствія такого обученія ; хорошихъ же учителей по философіи въ средней школѣ и ждать не откуда . . .

Итакъ, свѣжесть и неиспорченность философскаго вкуса имѣютъ громадныя преимущества. Лучше ничего не знать по философіи, чѣмъ знать что-либо въ плохомъ и невѣрномъ изложеніи. Наиболѣе обѣщаетъ успѣха — прямой приступъ къ научному занятію философіею подъ руководствомъ универси-

1) Мы не хотимъ обобщать отдѣльные случаи; и духовная школа давала достойныхъ представителей философіи. . . .

тетскаго (и свѣтскаго, не богослова) спеціалиста. Тутъ (конечно, за весьма рѣдкими исключеніями) могутъ быть даны сразу вѣрная точка зрѣнія на предметъ и объективный матеріалъ для усвоенія. Единственно, что́ требуется отъ ученика-студента философіи, это взглядъ на философію, какъ на нѣчто серьезное; хорошо въ студентѣ нѣкое, такъ сказать, заочное благоговѣніе къ философіи. Я о себѣ самомъ хорошо помню, какъ, будучи гимназистомъ, и еще не помышляя о спеціальныхъ занятіяхъ философіею, питалъ уже къ самому имени ея почтеніе и уваженіе.

Спеціальныя познанія по философіи и интересъ къ этой наукѣ (серьезный же интересъ къ ней можетъ возникнуть только тогда, когда нѣсколько вникнешь въ нее — и хоть отчасти уразумѣешь, въ чемъ тутъ дѣло) долженъ дать университетъ — и здѣсь открывается обширное, безконечное поприще для приложенія труда со стороны любящаго свое дѣло спеціалиста — профессора философіи.

Интересъ къ философіи и способность къ изученію этой науки наукъ далеко еще не все. На нихъ однихъ не уѣдешь. Необходимо желаніе потрудиться, необходимы трудъ и трудолюбіе. Трудолюбіе студента, занимающагося философіею, не разъ будетъ подвергаться испытанію, ибо при усвоеніи первыхъ же основаній философіи наряду съ очень интересными вещами приходится преодолѣвать и массу скучнаго, напр., формальную логику и т. п. Я лично, желая испытать, годится ли тотъ или другой интересующійся философіею студентъ къ спеціальнымъ занятіямъ философіею, прежде всего ставилъ на сильную пробу его трудолюбіе, давая для детальнаго изученія и разбора что-нибудь скучное (для начинающаго!) и очень трудное, обыкновенно, разборъ подлинныхъ фрагментовъ софистиковъ. Многіе не выдерживали и сбѣгали. Это показывало, что въ нихъ интересъ къ философіи и любовь къ ней были случайны и во всякомъ случаѣ не такъ велики, чтобы во имя ея напряженно трудиться надъ преодолѣніемъ трудностей. За то выдерживавшіе (при условіи ихъ общей

талантливости и спеціально философской одаренности), показавшіе свое трудолюбіе и работоспособность, свою горячую любовь къ философіи, можно разсчитывать, не измѣнятъ философіи, хотя бы и не сдѣлались профессорами философіи. . . Трудолюбіе, философская работоспособность, терпѣніе и усердіе въ работѣ, хотя бы и моментально скучной и трудной — эти особенности надо цѣнить въ студентѣ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ простую одаренность въ философіи и высказываемый къ ней интересъ. При всемъ интересѣ и при всей даровитости безъ серьёзной работы, безъ терпѣнія и преодолѣнія трудностей, — стать философомъ-ученымъ нельзя.

Но, кромѣ вышеуказанныхъ свойствъ, необходимы для полнаго успѣха еще нѣкоторыя. Необходимо, напр., полное довѣріе и уваженіе къ самой личности своего учителя философіи. Не вѣря въ силы и познанія своего учителя, не питая довѣрія къ его личности, его умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ, не будешь придавать значенія его словамъ и объясненіямъ, — а поскольку личность преподающаго связывается съ преподаваемымъ имъ предметомъ, невольно отвратишься и отъ философіи. Обаятельность и очарованіе самой личности профессора въ свою очередь нерѣдко привлекаетъ любовь и симпатію учениковъ къ предмету каѳедры. Поэтому важны въ юношѣ, приступающемъ къ изученію философіи, скромность, отсутствіе дешеваго зубоскальства и вообще, неумѣстнаго критиканства, ибо для настоящей критики у начинающаго, конечно, не хватитъ ни знаній, ни силъ, ни умѣнья.

Необходимо помнить, что для полнаго пониманія нѣкоторыхъ философскихъ проблемъ и всего ихъ научнаго значенія надобно в р е м я, иногда очень долгое. Самый быстроумный и хитроумный юноша, даже въ деталяхъ познавъ факты исторіи философіи, не въ силахъ, однако, будетъ уразумѣть всю суть и важность нѣкоторыхъ философскихъ положеній. Для полнаго уразумѣнія сути потребуются годы, умственная зрѣлость, извѣстный возрастъ, — и притомъ долгое, п о с т о я н н о е и упорное взвѣшиваніе и разсмотрѣніе этихъ проблемъ.

Первая ступень обученія философіи должна быть со стороны ученика чисто рецептивная, воспринимающая. Проявить нѣкоторую самодѣятельность врядъ ли удастся сразу. Но въ этомъ требованіи первоначальной рецептивности, конечно, не кроется у насъ желанія водить молодого служителя философіи какъ можно долѣе на помочахъ. Какъ мы скажемъ ниже, къ лекціямъ чисто теоретическимъ, по нашей мысли, непремѣнно должны присоединяться практическія занятія, въ которыхъ, наряду со старшими товарищами, понабравшись знаній, опыта и смѣлости, скоро можетъ принять участіе и новичекъ — и такимъ образомъ сравнительно быстро, кромѣ рецептивности, онъ можетъ проявить и самостоятельность, войдя въ живое общеніе со своимъ учителемъ.

Теперь послѣ разсмотрѣнія нужныхъ для наилучшаго успѣха въ философіи свойствъ учителя и ученика, обратимся къ вопросу о томъ, можно ли изгнать лекціи изъ преподаванія философіи. По нашему мнѣнію, лекціи по философіи замѣнить конверсаторіемъ, какъ предлагаютъ нѣкоторые, или собесѣдованіемъ профессора со студентами, при чемъ студенты предварительно подчитывались бы по рекомендованнымъ имъ заранѣе книгамъ, никакъ нельзя и не слѣдуетъ. Студенты, поступающіе въ университетъ, какъ мы уже сказали, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не имѣютъ еще правильнаго, или вѣрнѣе, никакого понятія о философіи. Затѣмъ подчитываться по философіи было бы и трудно, за неимѣніемъ подходящихъ книгъ и по причинѣ скудости русской философской литературы, какъ оригинальной, такъ и переводной. При томъ, конечно, не всѣ стали бы подчитываться, а большинство — по тѣмъ или другимъ причинамъ — приходило бы на конверсаторій совершенно не подготовленными, а стало быть, не могло бы и принимать активнаго участія въ бесѣдѣ. Наконецъ философскія книги безъ подготовки и читать почти невозможно, ибо такого неподготовленнаго читателя первая же страница серьезнаго и спеціальнаго философскаго труда отпугнула бы особенною своею терминологіею, далекою

отъ обыденнаго словоупотребленія и изобилующею иностранными словами. Помню разсказъ одного даровитаго юноши, какъ онъ началъ свое ознакомленіе съ философіею прямо съ „Критики чистаго разума“ Канта, и какъ онъ мучился, не понимая ея, при чемъ не помогали даже и особые своеобразные пріемы, вродѣ того, напр., что онъ для усиленія притока крови къ мозгу и усиленія, стало быть, усвояющей способности своего мышленія ложился на диванъ и спускалъ голову книзу. Но и такія экстраординарныя мѣры не помогли изобрѣтательному юношѣ пойти далѣе первыхъ строкъ творенія Канта. . . . .

Итакъ, первый и предварительный посѣвъ философскаго знанія долженъ быть дѣлаемъ профессоромъ въ видѣ лекцій, въ видѣ чтенія краткаго, систематическаго курса. Профессору философіи нельзя предполагать у своихъ слушателей никакихъ знаній по его наукѣ; ему приходится начинать съ самаго начала, съ объясненія наиболѣе часто встрѣчающихся философскихъ терминовъ. Кромѣ того, въ самомъ началѣ курса философу приходится преодолѣвать два предразсудка, почерпаемые изъ ходячихъ въ обществѣ воззрѣній на философію и обыкновенно приносимыхъ студентами съ собою въ университетъ. Эти предразсудки таковы:

1) философія чрезмѣрно трудна, и постиженіе ея превышаетъ силы обыкновеннаго человѣка, и

2) философія — есть суемудріе и празднословіе, ерунда, недостойная вниманія нормальнаго человѣка; она годится только для нѣсколькихъ смѣшныхъ педантовъ и чудаковъ. Усилія, употребляемыя на ея изученіе, ничуть не вознаграждаются результатами, да и вообще серьезно заниматься философіею не стоитъ въ виду ея скучности, непрактичности и неприложимости къ нуждамъ дѣйствительной жизни.

Въ противность этому профессоръ философіи долженъ стараться поселить въ своихъ слушателяхъ убѣжденіе въ томъ,

1) что философія, какъ наука, хотя и требуетъ при усвоеніи ея вниманія и значительнаго напряженія мышленія,

но и при всемъ томъ не превосходитъ умственныхъ силъ обыкновеннаго человѣка и

2) что изученіе философіи есть дѣло серьезное и высокое. Философскія проблемы не только не скучны и не смѣшны, какъ кажется нѣкоторымъ невѣжественнымъ пошлякамъ и острякамъ, но наоборотъ привлекали къ себѣ интересъ и силы всѣхъ величайшихъ геніевъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ, такихъ геніевъ, какъ Платонъ, Аристотель, Декартъ, Лейбницъ и т. д.

Курсъ философіи, читаемый въ видѣ лекцій, долженъ быть кратокъ и давать только самое общее обозрѣніе важнѣйшаго содержанія данной философской дисциплины. Всѣ данныя, которыя необходимо усвоить памятью, надобно профессору выписывать на доску или диктовать своимъ слушателямъ для отмѣтки въ ихъ тетрадяхъ. Вообще по возможности чаще долженъ прибѣгать профессоръ философіи къ графическому и схематическому способу, иллюстровать линіями и геометрическими фигурами сложныя взаимоотношенія абстрактныхъ понятій. Это схематизированіе я считаю гораздо болѣе полезнымъ, чѣмъ сравненія, къ которымъ любятъ прибѣгать нѣкоторые профессора философіи, желая тѣмъ добиться наглядности и понятности, при чемъ нерѣдко эти сравненія впадаютъ въ тривіальность, да и по французской поговоркѣ comparaison ce n'est pas raison — нерѣдко отводятъ вниманіе слушателя отъ сути дѣла, или даютъ ему невѣрное представленіе. Затѣмъ нельзя никогда забывать о томъ, чтобы соединить читаемую сейчасъ лекцію съ предшествующею. Начиная новую лекцію, необходимо хотя вкратцѣ повторить заключительныя разсужденія, которыми закончилась послѣдняя лекція. При помощи этого извѣстнаго педагогическаго пріема возстанавливается естественная и уже установленная ассоціація идей въ умѣ слушателей, и они невольно входятъ опять въ курсъ дѣла. Кромѣ того, этимъ дается возможность слушателямъ, почему бы то ни было отсутствовавшимъ прошлый разъ, кое-какъ связать слушаемую

лекцію съ рядомъ прошлыхъ чтеній, которыя имъ уже удалось выслушать.

Курсъ долженъ быть общедоступенъ, ясенъ и въ логическомъ отношеніи планъ его долженъ быть схематиченъ и извѣстенъ, такъ чтобы слушатель всегда самъ зналъ, откуда и куда идетъ предлагаемый выводъ, и для какой цѣли онъ дѣлается. Только этимъ путемъ ученикъ можетъ усвоить себѣ общія точки зрѣнія, которыя представляютъ собою душу философіи, и можетъ ознакомиться съ ихъ приложеніемъ и значеніемъ. Что касается рекомендуемыхъ книгъ, то профессоръ дѣлаетъ точныя и подробныя указанія и ссылки на страницы и главы тѣхъ трудовъ, гдѣ студентъ можетъ прочесть о томъ же предметѣ подробнѣе. Глухія ссылки на цѣлыя сочиненія и на отдѣльныхъ писателей (вродѣ dictum cum laude auctoris) совершенно безполезны.

Скажемъ нѣсколько словъ и о тонѣ преподаванія въ философіи. Остроты, конечно, оживляютъ чтеніе вообще, но въ философской лекціи лучше держаться серьезнаго, дѣлового тона и по возможности избѣгать остротъ, дабы не выводить слушателей изъ сосредоточеннаго настроенія. Затѣмъ хорошо придавать изложенію тонъ объективный, чтобы дѣло говорило само за себя, а личность самого лектора стиралась и скрывалась за фактами. Съ молодыми слушателями не надо говорить о своихъ индивидуальныхъ, личныхъ взглядахъ на проблемы, не нужно подчеркивать своего „я“. Авторитетъ учителя философіи не пріобрѣтается сразу, и его притязанія на свои рѣшенія міровыхъ проблемъ могутъ показаться смѣшными —, а тогда потерпитъ ущербъ и все преподаваніе философской науки у этого профессора. Сообщаемые тезисы и аргументы гораздо раціональнѣе представлять не отъ себя, а объективно-исторически, отъ лица самихъ ихъ авторовъ — творцовъ, Платона, Аристотеля, Лейбница и т. п., которые имѣютъ за себя общепризнанный авторитетъ міровыхъ геніевъ, и которыхъ мысли не могутъ показаться юношѣ сомнительными или недѣльными.

Самый лучшій успѣхъ дѣла гарантируется тѣмъ, чтобы студентъ не пытался записывать лекціи философіи цѣликомъ, пропуская при этомъ важное и уловляя отдѣльныя, безсвязныя фразы, перевирая имена и факты. Надо внимательно прослушать часъ, или вовсе ничего не записывая, или только отмѣчая для памяти себѣ общій планъ, схемы, графики, рисунки, изображаемые профессоромъ на доскѣ, списывая съ доски же года, имена и названія сочиненій, а также записывая дословно, если профессоръ найдетъ нужнымъ что-либо продиктовать — подлинныя слова философа, ученіе котораго излагается въ данный моментъ, или собственную формулировку добытыхъ въ разсужденіи выводовъ.

Человѣкъ, одаренный философски и трудолюбивый, несомнѣнно, придя домой съ лекціи, въ тотъ же вечеръ составитъ себѣ краткій конспектъ того, что онъ слышалъ сегодня отъ профессора. Такая работа — составленіе конспекта — принесетъ ему величайшую пользу. При составленіи онъ будетъ поступать вполнѣ сознательно; въ помощь ему приходятъ не безсмысленный наборъ отдѣльныхъ фразъ, но вышеупомянутыя краткія отмѣтки, сдѣланныя имъ на лекціи. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей безграмотныя записи свои по философіи студенты начинаютъ разбирать черезъ годъ, передъ самымъ экзаменомъ — и, разумѣется, ничего не понимаютъ сами въ собственныхъ тетрадяхъ. По нашей методѣ все будетъ воспроизведено немедленно, по свѣжей памяти, точно, согласно съ намѣреніями профессора — и въ общемъ, за годъ получается превосходный курсъ, запись, какой подчасъ нѣтъ и у самого профессора, читавшаго этотъ курсъ, если профессоръ лично не велъ для себя подробнаго конспекта. Что вести такіе конспекты по философіи возможно, я знаю хорошо, потому что самъ такъ слушалъ нѣкогда лекціи Т е й х м ю л л е р а [1]).

По окончаніи отдѣла очень полезно бываетъ посвятить нѣсколько лекцій рекапитуляціи прочитаннаго или р е п е -

1) См. мою запись его лекцій въ I томѣ моего труда „Философія въ Россіи“.

титоріуму. Въ видахъ сбереженія времени и систематичности курса нельзя, разумѣется, разрѣшить перебивать посторонними вопросами теоретическія лекціи. Есть нѣмецкая поговорка, что де и сотня мудрецовъ не сумѣетъ напастись отвѣтовъ на вопросы одного простяка. Уже самая благовоспитанность требуетъ сначала дослушать то, что́ говоритъ собесѣдникъ нашъ, — до конца, а потомъ лишь предлагать вопросы и возраженія. Съ нетерпѣливымъ же собесѣдникомъ, не слушающимъ другого, и думающемъ лишь о своемъ, вообще нельзя вести никакой разумной бесѣды, а тѣмъ болѣе философской. Случайные вопросы, проистекающіе изъ случайной и вполнѣ индивидуальной ассоціаціи идей одного изъ слушателей, которыхъ иногда въ аудиторіи присутствуетъ до сотни и болѣе, прерываютъ теченіе мысли профессора, отводятъ его мышленіе въ сторону, не дозволяютъ слѣдовать разрабатываемому и выполняемому имъ плану лекціи. Помимо праздной потери времени, котораго на философію всегда отводится мало — гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало бы, лекція потеряла бы всякое единство и утратила бы вообще всякій смыслъ, если бы профессора ежеминутно стали прерывать вопросами и соображеніями, приходящими въ голову его слушателямъ.

Репетиторіумъ же ведется въ формѣ вольной бесѣды, отнюдь не нося характера экзамена или полуэкзамена („репетиціи“), не играя никакой оффиціальной роли и ничего не предрѣшая въ предстоящемъ со временемъ экзаменѣ. Кто-либо изъ студентовъ по своей собственной волѣ самостоятельно или при помощи наводящихъ вопросовъ со стороны профессора воспроизводитъ главнѣйшее содержаніе всего того, что́ было прочитано на лекціяхъ курса. Конечно, нельзя гнаться за мелочами, но слѣдуетъ добиваться усвоенія и осмысливанія основъ и руководящихъ мыслей философскаго курса. Такая непринужденная провѣрка имѣетъ громадное значеніе для обѣихъ сторонъ, и для преподавателя философіи, и для его слушателей. Студенты провѣряютъ себя, все ли вѣрно ими понято, и научаются различать, что изъ прочтеннаго на курсовой лекціи

имѣетъ существенное значеніе, а что было только иллюстраціей или имѣло второстепенное значеніе. Со своей стороны профессоръ оріентируется въ томъ, что именно имѣло въ глазахъ студентовъ наибольшій интересъ, что ими усвоено, и что нѣтъ, что понято вѣрно, что извращено, на что они обратили свое вниманіе, и что упустили изъ виду, что имъ оказалось понятнымъ, а что недоступнымъ. Упущенное, но важное или непонятое восполняется на репетиторіумѣ новыми болѣе доступными или болѣе подробными объясненіями профессора. Изъ оказавшихся результатовъ профессоръ почерпаетъ себѣ важныя указанія на будущее время, что и въ какомъ видѣ удобнѣе читать. Это повтореніе помогаетъ преподавателю философіи встать на точку зрѣнія его слушателей, помогаетъ обѣимъ сторонамъ приспособляться другъ къ другу, — и здѣсь завязывается первый узелъ благожелательныхъ взаимныхъ отношеній, — столь важныхъ для философскаго обученія, — на будущее время.

Къ лекціямъ вмѣстѣ съ репетиторіемъ присоединяется цѣлая сѣть практическихъ занятій по философіи. Чтобы эти занятія не теряли интереса въ глазахъ студентовъ, но все крѣпче и крѣпче привязывали ихъ къ наукѣ философіи, практическія занятія по философіи должны быть разнообразны и отнюдь не носить принудительнаго характера. Повторяемъ, только то и дѣлается нами хорошо, что дѣлается не изъ подъ палки, а по своей охотѣ, съ удовольствіемъ и съ интересомъ. Поэтому практическія занятія по философіи не должны быть причисляемы къ обязательнымъ лекціямъ, хотя по существу дѣла они являются необходимымъ дополненіемъ теоретическихъ лекцій, и безъ практическихъ занятій не можетъ быть успѣховъ въ философіи.

Практическія занятія могутъ состоять прежде всего изъ чтенія первоисточниковъ, т. е. сочиненій великихъ философовъ, изученія которыхъ въ подлинникѣ не можетъ замѣнить никакое, хотя бы и самое искусное изложеніе. Притомъ, эти сочиненія либо читаетъ (съ надлежащимъ вы-

боромъ и съ необходимыми подчасъ купюрами) самъ профессоръ и сопровождаетъ прочтенное своими собственными комментаріями, либо (если сочиненія, напр., читаются въ греческомъ подлинникѣ) студенты подготовляются у себя на дому и на лекціи сами переводятъ избранныя мѣста, а профессоръ исправляетъ ошибки студенческаго перевода и объясняетъ смыслъ переведенныхъ студентами философскихъ положеній. Съ поступленіемъ въ университетъ новыхъ поколѣній студентовъ, не изучавшихъ греческаго языка, разумѣется, должна будетъ прекратиться и самостоятельная работа студентовъ надъ текстами греческихъ мыслителей.

Затѣмъ занятія могутъ еще состоять въ р е ф е р и р о в а н і и студентами прочитанныхъ ими философскихъ трактатовъ и монографій. Самымъ важнымъ видомъ практическихъ занятій должно признать свободный конверсаторій. Студенты имѣютъ уже нѣкоторую подготовку, они уже прослушали курсъ (или отдѣлъ такового) и прочли въ дополненіе къ нему нѣсколько книгъ, успѣли уже все это взвѣсить, имѣли время обдумать, переварить усвоенное ими и претворить его въ свою плоть и кровь. Теперь они уже съ успѣхомъ могутъ выступить с о б е с ѣ д н и к а м и. Собесѣдованія должны быть ведены не только между профессоромъ и студентами, но получаютъ особенный для учащихся интересъ, когда завязывается бесѣда или диспутъ между самими студентами. Профессоръ долженъ незамѣтно, но искусно держать бесѣду въ логическихъ предѣлахъ, отнюдь не давая диспутантамъ уклоняться отъ темы въ сторону или же придавать бесѣдѣ ненаучный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заботиться о сохраненіи приличнаго тона въ бесѣдѣ и не допускать нарушенія между студентами добрыхъ, товарищескихъ отношеній, неуклонно внушая имъ, что научные споры должны имѣть цѣлью не самолюбіе и не славолюбіе, а объективное разысканіе истины. При соблюденіи всѣхъ указанныхъ условій бесѣда получаетъ, дѣйствительно, поучительный характеръ и горячій интересъ. Я никогда не забуду того огня и воодушевленія, съ какимъ

однажды въ моей аудиторіи въ теченіе цѣлыхъ двухъ часовъ подрядъ дебатировалась такая, казалось бы, мало притягательная тема, какъ устройство вселенной по Анаксимену.

Предлагая студентамъ книгу или тему для реферата, всего лучше заранѣе позаботиться объ оппонентахъ, и притомъ оппонентахъ подготовленныхъ. А потому практичнымъ является для каждаго предстоящаго реферата избраніе докладчика и еще одного или нѣсколькихъ оппонентовъ, которые въ такой же мѣрѣ, какъ и самъ докладчикъ, разработали бы матеріалы темы, могли бы еще до диспута составить по данному вопросу свое обоснованное мнѣніе, а затѣмъ на диспутѣ, противоставивъ его мнѣнію докладчика, оспаривали бы послѣднее, или вообще, или въ части, если возможно, и поддерживали свои собственные тезисы.

При началѣ устройства конверсаторія большое значеніе имѣетъ самая личность профессора, его темпераментъ. Флегматику, конечно, трудно завязать, поддержать и разогрѣть бесѣду, тогда какъ живой и отзывчивый темпераментъ преподавателя окажется въ этомъ случаѣ весьма на мѣстѣ. Но по мѣрѣ того, какъ студенты входятъ во вкусъ философскаго собесѣдованія, преподавателю надобно устранять себя и давать побольше высказываться студентамъ, не только въ собесѣдованіи съ профессоромъ, но въ особенности въ дебатахъ между собою подъ наблюденіемъ профессора.

Конверсаторіи имѣютъ громадное значеніе; только съ помощью ихъ можно выполнить высшую задачу университетскаго преподаванія: пробудить въ студентѣ научные запросы и научную самодѣятельность. Разъ въ комъ-либо пробужденъ неугасающій интересъ къ философскимъ проблемамъ и развилась философски-научная самодѣятельность, онъ уже пріобрѣтенъ для философіи.

Выше мы уже коснулись вкратцѣ аргументовъ противъ лекцій. Установивъ точку зрѣнія на предметъ, мы можемъ теперь еще разъ подробнѣе ознакомиться съ полемикою pro и contra нынѣшней системы преподаванія философіи. Въ этой

полемикѣ, несомнѣнно, есть кое-какія цѣнныя мысли; неправильныя же положенія обнаружатся при сравненіи ихъ съ выше изложенными.

Одинъ изъ университетскихъ преподавателей философіи сообщалъ въ свое время, что онъ читалъ курсы по психологіи и метафизикѣ въ формѣ діалоговъ. Дѣлалъ онъ это такимъ образомъ. Приходя на лекцію, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у кого какихъ-либо относящихся къ этой области вопросовъ, и отвѣчалъ на нихъ, — если же вопросовъ не было, то начиналъ бесѣдовать на заранѣе уже объявленныя студентамъ темы, спрашивая у студентовъ ихъ собственнаго мнѣнія, и обращаясь къ ихъ психологическому опыту. Если они ошибались, то эти ошибочныя мнѣнія не просто отвергались, но объяснялось основаніе ошибки. Если студенты потрафляли истину, то достигалась иллюзія, якобы они сами это открываютъ великія философскія истины, добытыя когда-то великими геніями: но разъяснялось и то, почему мнѣнія, очевидно, ложныя, могли находить себѣ между философами сторонниковъ. Воспроизводилась въ лицахъ вся исторія философіи, вся борьба направленій. Отъ времени до времени разговоры резюмировались, и результаты ихъ излагались суммарно и систематически.

Авторъ полонъ восторга отъ діалогической системы преподаванія философіи и пытается увѣрить читателя, что де онъ заставлялъ студентовъ самихъ открывать и рѣшать вопросы о свободѣ воли, теоріи безсознательнаго, отношенія души и тѣла, о природѣ души, о происхожденіи идей, теоріи памяти и ея приложеніи къ изученію языковъ, условіяхъ умственнаго развитія, внушенія, телепатіи и т. п. Все это его слушатели-студенты рѣшали однимъ махомъ и собственными усиліями мысли по вопросу на каждую лекцію.

Въ укоръ лекціямъ монологическимъ авторъ наивно ставитъ то, что лекція — не книга. „Каждый разъ, когда я хотѣлъ подумать о какой-либо фразѣ профессора“, говоритъ онъ, „мнѣ мѣшало въ томъ дальнѣйшее теченіе и продолженіе его рѣчи. Я сожалѣлъ, что не могу перелистовать сказанную

лекцію, какъ это дѣлается съ книгою, что не могу остановить оратора, чтобы подумать надъ тѣмъ, что онъ сказалъ, что не могу заставить его повторить нѣсколько разъ то, что мнѣ бы хотѣлось повторить". . . .

Громадное значеніе онъ приписываетъ чтенію и книгамъ, хотя и самъ признаётъ, что даже при чтеніи необходимо содѣйствіе профессора для полученія отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые могутъ быть пробуждены книгою, но въ ней не рѣшены.

Другіе авторы находятъ, что читаемый курсъ черезчуръ подавляетъ умственную самостоятельность ученика. Болѣе сильная, увѣренная и зрѣлая мысль деспотируетъ, и ученикъ даже внутренно не можетъ ей противорѣчить. Это разобщаетъ учителя и его аудиторію. Надо вызвать довѣріе учениковъ и свободное съ ихъ стороны выраженіе мыслей. Обыкновенно они боятся сказать плохо и не умѣютъ выражаться: не хватаетъ имъ терминовъ. Надо развивать въ нихъ инициативу мысли, приспособляясь къ трудности философскихъ проблемъ и недостаточной зрѣлости учениковъ. Надобно замѣтить, что діалогическую форму преподаванія философіи ея приверженцы хотѣли бы ввести не только въ университетѣ, но даже и въ средней школѣ.

Учитель долженъ, по этому воззрѣнію, самъ выбирать вопросы; діалогъ въ его рукахъ имѣетъ быть не только педагогическимъ пріемомъ, но искусствомъ методически вести и направлять разговоръ. Надобно держаться на уровнѣ своихъ учениковъ и освобождать философію отъ ея техническаго аппарата, по возможности все перекладывая на простую рѣчь. При господствѣ монологической системы учитель философіи уподобляется преподавателю гимнастики, который говоритъ о пріемахъ, но не показываетъ и не продѣлываетъ ихъ самъ передъ учениками. Ученику не даютъ порождать живой мысли — ему подносятъ лишь фальсификацію живой мысли, высиженную въ ученомъ кабинетѣ. Наконецъ, діалогъ не исключаетъ по временамъ и монолога, подобно тому, какъ и въ обыкновенномъ разговорѣ собесѣдники не все обмѣниваются

между собой короткими фразами: иногда кто-либо изъ нихъ говоритъ одинъ и болѣе продолжительное время, а прочіе молчатъ и слушаютъ.

Мы видимъ, что все сказанное здѣсь ничуть не подрываетъ значенія лекцій, и что указываемые нѣкоторые недостатки ихъ имѣютъ достаточный коррективъ въ присоединеніи къ лекціямъ практическихъ занятій.

Искусственность и нѣкоторую рекламность защитниковъ новаго метода сильно и неопровержимо выставляютъ на видъ защитники стараго метода, „консерваторы“.

Успѣхи, оказываемые при новой системѣ, говорятъ эти консерваторы, болѣе объясняются природнымъ педагогическимъ талантомъ самихъ этихъ преподавателей, чѣмъ особо выгодными свойствами новаго метода. Нельзя вообще вѣрить въ единоспасительность одного лишь, какого бы то ни было метода преподаванія философіи. Лекціи прямо необходимы для „послушниковъ“ философіи. Надо же сознаться въ томъ, что ученики-студенты не въ силахъ сами открывать рѣшеній философскихъ проблемъ, да еще въ опредѣленный часъ или урокъ; они и не могутъ знать или угадывать тѣхъ аргументовъ, какіе приводили философовъ къ ихъ рѣшеніямъ. И къ чему вообще открывать Америку во второй разъ, разъ она открыта? Если же заранѣе подучивать учениковъ къ тѣмъ рѣчамъ, какія они будутъ якобы отъ себя высказывать потомъ, — если подсказывать имъ рѣшеніе, то это уже значитъ вводить въ предподаваніе — потайной курсъ, все-таки же — курсъ! А если не подучивать ихъ заранѣе, то ученики, будучи обязаны „творить“ и рѣшать на урокахъ, предварительно будутъ хвататься за книги, какія имъ Богъ пошлетъ, будутъ черпать оттуда, смѣшивая важное съ неважнымъ, вѣрное съ ложнымъ, — и выдавать это все за свое, пріучаясь къ обману. Давать просторъ вольнымъ вопросамъ, перебивающимъ теченіе урока, не значитъ ли предоставить его на волю болтуновъ и шалуновъ, которымъ сказать нечего, но которые умышленно или неумышленно своими разспросами и заявленіями будутъ отвлекать въ

сторону, перерывать нить бесѣды: аудиторія останется безъ руководства, — и не преподаватель будетъ вести свою аудиторію, но аудиторія поведетъ своего учителя, куда случится. Затѣмъ аудиторія на аудиторію не приходится — да и ученики не всѣ одинаково расположены заниматься философіею. Основнымп качествами учителя должны быть добросовѣстность, благожелательность и истинное убѣжденіе въ своемъ дѣлѣ (conscience, bienveillance, la vraie conviction). И зачѣмъ упрекать курсы въ схоластичности, зачѣмъ непремѣнно воображать себѣ курсъ лекцій въ видѣ говоримаго учебника (manuel parlé)? Развѣ курсы всегда проходятъ мимо ушей учениковъ или оказываются выше ихъ силъ? Лекторъ, произносящій лекцію, разумѣется, не обязанъ держаться мертвеннаго, разъ на всегда установленнаго текста, но долженъ видоизмѣнять свои чтенія, сообразно данному моменту и впечатлѣнію, производимому на слушателей. Профессоръ философіи не обязанъ быть автоматомъ безъ глазъ и ушей: ему надобно ловить впечатлѣнія учениковъ на ихъ лицахъ, угадывать ихъ по посадкѣ учениковъ, по самой ихъ манерѣ, какъ они записываютъ лекціи. Тогда и видишь, въ чемъ для нихъ оказываются затрудненія, что̀ надо повторить, на чемъ надо настаивать и что̀ сказать, формулировать иначе. Въ этомъ то и состоитъ искусство профессора философіи. Его дѣло — это искусство мыслить передъ другими и для другихъ, онъ долженъ быть живымъ примѣромъ процесса мысли (l'exemple vivant d'une pensée qui se fait)!

Въ сводкѣ этихъ замѣчаній, одни изъ которыхъ оставлены нами въ неприкосновенности оригинала, другія же нѣсколько подразвиты нами, найдется немало матеріала, подтверждающее сказанное у насъ выше.

Такъ какъ результаты сознательнаго педагогическаго опыта не могутъ не быть цѣнными для трудящихся на томъ же поприщѣ, то я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторыя указанія относительно того, какъ самъ я читалъ главнѣйшія философскія дисциплины изъ числа преподаваемыхъ въ университетахъ.

Будучи обязанъ преподавать „логику“ студентамъ-филологамъ, я избралъ въ качествѣ руководства, читаемаго и разбираемаго на лекціяхъ, знаменитыя Elementa logices aristoteleae Адольфа Тренделенбурга. Эта цѣнная книжка содержитъ въ себѣ внимательно выбранныя величайшимъ знатокомъ Аристотеля подлинныя мѣста изъ сочиненій Стагирита съ ихъ латинскимъ переводомъ и латинскимъ же комментаріемъ. Взяты, преимущественно, мѣста изъ первыхъ частей аристотелева „Органона“.

Такой выборъ я сдѣлалъ по слѣдующимъ причинамъ. Лично я вовсе не поклонникъ школьной формальной логики, за которою до сихъ поръ, по примѣру самого Аристотеля, считаютъ нужнымъ сохранять характеръ введенія, философской пропедевтики, не замѣчая, однако, что эта рутина на практикѣ оказывается очень вредною. Наоборотъ, самъ то я отнюдь не вѣрю въ пресловутое пропедевтическое значеніе школьной логики, — и даже боюсь, что во многихъ случаяхъ изученіе этой рутинной логики навсегда убиваетъ въ молодыхъ людяхъ всякій интересъ къ самой философіи, заставляя думать, что и вся эта наука столь же суха, пустячна и наивна. Равнымъ образомъ не вѣрю я и въ научность для нашей нынѣшней, критической философіи разныхъ традиціонныхъ уродливыхъ фигуръ и модусовъ, по которымъ якобы совершаются, и по которымъ будто бы должны провѣряться процессы мысли. Но разъ логика упорно удерживается въ программахъ нашихъ университетовъ и гимназій, и разъ наши воспитанники-филологи въ свое время обязаны будутъ сами въ свою очередь преподавать въ гимназіи эту именно формальную логику, то, читая нашимъ слушателямъ логику вообще, знакомя ихъ съ различными логическими направленіями, нельзя упустить изъ виду обязанности ознакомить ихъ съ типомъ логики той, которую преподаютъ въ школахъ, и къ которой — какъ это ни странно! — и по сіе время нѣкоторые ученые считаютъ возможнымъ относиться въ серьезъ, словомъ съ логикою, такъ сказать, искаженно-аристотелевою. Но вмѣсто того, чтобы

догматически и съ серьезнымъ видомъ преподавать эту искаженную логику Аристотеля, и хорошо помня ту скуку, какую изученіе ея навѣвало когда-то на меня самого, я предпочелъ вставить въ свой курсъ логики въ качествѣ одного изъ отдѣловъ ознакомленіе съ логикою Аристотеля въ подлинникѣ по вышеупомянутой книжкѣ Тренделенбурга. Я хотѣлъ ознакомить моихъ учениковъ съ настоящею логикою Аристотеля [1]). Ввести это чтеніе Тренделенбурговой книжки было возможно благодаря тому, что всѣ студенты историко-филологическаго факультета тогда еще знали по гречески достаточно для того, чтобы подъ руководствомъ спеціалиста быть въ состояніи читать выборки изъ текстовъ Аристотеля, кстати, не обладающаго обширнымъ словаремъ, а потому съ внѣшней стороны при чтеніи текста не представляющаго затрудненій. Главная же трудность, усвоеніе самой мысли, облегчалась моими разъясненіями. Для студентовъ выгода состояла при этомъ въ томъ, что они безъ особыхъ усилій ознакомлялись въ подлинникѣ еще съ однимъ греческимъ писателемъ, — съ которымъ имъ негдѣ было освоиться, кромѣ этого случая, — и въ добавокъ ознакомлялись съ однимъ изъ величайшихъ умовъ не только эллинской древности, но и всего человѣчества. Благодаря тому, что мнѣ приходилось работать, по большей части, съ немногочисленною аудиторіею, дѣло въ общемъ шло хорошо, — и всѣ выпуски моихъ учениковъ по Юрьевскому и Казанскому университетамъ вышли, ознакомившись въ курсѣ логики съ подлиннымъ Аристотелемъ.

Считая необходимымъ ознакомить каждаго своего слушателя по философіи съ Аристотелемъ въ оригиналѣ, я слѣдовалъ примѣру своего незабвеннаго учителя Тейхмюллера, въ свою очередь державшагося опять-таки традиціи своего учителя Тренделенбурга, и ни одного семестра не оставлявшаго безъ чтенія со студентами какого-либо аристотелева текста.

1) Изъ этихъ занятій выросла потомъ моя книжка „Логика Аристотеля. Историческій и критическій этюдъ“. Варшава, 1906.

Правда, свои „Элементы“ самъ Тренделенбургъ предназначалъ не для студентовъ, а для гимназистовъ. Но преподаваніе логики въ нашихъ гимназіяхъ поставлено такъ плохо, что тренделенбурговы гимназическіе „Элементы“ оказались для нашихъ студентовъ подходящими въ самый разъ.

При чтеніи, переводѣ текстовъ и разборѣ ихъ студентами я давалъ непрерывный комментарій. Комментаріи самого Тренделенбурга, приложенные къ его „Элементамъ“, и его же нѣмецкая книжка, предназначенная для учителей, преподающихъ по его „Элементамъ“, Erläuterungen, скоро оказались для насъ не вполнѣ подходящими. Поэтому, оставивъ ихъ, мы сопровождали чтеніе отрывковъ изъ Аристотеля собственными замѣчаніями историческаго и критическаго характера. Замѣчанія наши касались разныхъ сторонъ текста и философіи Аристотеля. Мы устанавливали соотношенія между аристотелевою логикою и логикою его ближайшихъ преемниковъ, между подлинною логикою Аристотеля и логикою формальною, характеризовали значеніе логики Стагирита для своей эпохи, для среднихъ вѣковъ, для новой философіи и для нашего времени, обрисовывали историческую роль, какую она сыграла, производили оцѣнку разбираемаго и изучаемаго типа логики сравнительно съ другими, нынѣ имѣющимися логическими типами, разсматривали совмѣстимость послѣдующихъ прибавокъ съ духомъ истинной логики Аристотеля и т. д. Вообще преподаваніе аристотелевой логики ставило себѣ слѣдующія цѣли: выпукло, но возможно сжато изложить важнѣйшее содержаніе логики Аристотеля, показать ея оригинальность, ея стройность и ея живую связь съ другими частями философской системы Аристотеля, особенно же съ метафизикой и гносеологіей (о чемъ нерѣдко забываютъ), выставить на видъ ея здоровую основу и правильную тенденцію — связь съ эмпирическимъ познаніемъ фактовъ природы, жизни и исторіи, отсутствіе того убійственнаго формализма, который столь характеренъ для логики византійцевъ и схоластиковъ, отмѣтить изумительную живучесть этой логики, нѣкоторыми своими

вѣтвями (подчасъ даже отмершими) достигающей и до нашей современности, наконецъ доказать нелѣпость большей части надстроекъ, которыми логисты ближайшаго къ создателю этой науки времени пытались якобы обогатить его систему и тѣмъ безпощадно ее уродовали . . . .

Вообще же въ курсѣ логики я считалъ необходимымъ не только отдавать важное мѣсто сообщенію историко-философскихъ данныхъ, но останавливался подробно и на проблемахъ тѣхъ наукъ, которыя, по убѣжденію нашихъ современниковъ-философовъ, близко соприкасаются съ наукою логики, а именно гносеологіи и психологіи. . . .

Вотъ перечень главнѣйшихъ вопросовъ, на которыхъ я останавливался въ курсахъ логики.

Опредѣленіе науки логики. Ея отношеніе къ другимъ наукамъ и ея практическое значеніе. Общій обзоръ исторіи логики. Различныя направленія въ логикѣ: формальная, метафизическая, гносеологическая, психологическая, математическая и т. п.

Ученіе о мышленіи. Психологическія условія мышленія. Значеніе для мышленія — воображенія и чувствованій вообще. Логическія оцѣночныя чувствованія. Основные законы мышленія, особливо законъ достаточнаго основанія. Общія категоріи положительнаго и отрицательнаго.

Ученіе о формахъ мышленія. Общее между понятіемъ, сужденіемъ, умозаключеніемъ. Понятіе. Содержаніе и объемъ понятія. Роды и виды. Сужденіе. Раздѣленіе сужденій и ихъ взаимоотношенія. Умозаключеніе. Виды силлогизмовъ. Индукція, ея условія, средства и значеніе. Отношеніе индуктивныхъ методовъ къ дедуктивнымъ. Различные виды дедуктивныхъ методовъ. Аналогія.

Опредѣленіе или дефиниція. Виды и составныя части его. Правила опредѣленія.

Классификація и ея виды.

Ученіе о познаніи. Различныя гносеологическія направленія: сенсуализмъ, эмпиризмъ, раціонализмъ, идеализмъ, кри-

тицизмъ, позитивизмъ, скептицизмъ, мистицизмъ и т. п. Душа и тѣло. Внѣшнее раздраженіе и ощущеніе. Значеніе памяти и привычки въ процессѣ познанія. Законъ причинности. Психогенезисъ образовъ и представленій. Формированіе общихъ понятій. Субъектъ и объектъ. Душа и внѣшній міръ. Міропониманіе наивное или донаучное, научное и философское. Матеріализмъ и имматеріализмъ (панпсихизмъ), индивидуализмъ и универсализмъ. Вопросъ о границахъ и достовѣрности познанія. Философія и отдѣльныя науки. Классификація наукъ и ихъ взаимныя отношенія. Методологическіе пріемы отдѣльныхъ наукъ. Вопросъ объ единствѣ всего человѣческаго знанія.

Ученіе объ истинѣ. Истина, заблужденіе, ложь. Доказательства и ошибки. Истина научная, философская, нравственная, религіозная. Идея истины въ ея отношеніи къ идеямъ блага и красоты.

Если спорно то, что̀ именно преподавать подъ именемъ „логики“ (фактически теперь въ разныхъ университетахъ подъ этою фирмой преподаются и изучаются разныя науки), то еще болѣе спорнымъ оказывается на практикѣ вопросъ, что̀ давать въ видѣ обязательнаго курса психологіи. Разумѣется, это стоитъ въ самой тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что психологи до сихъ поръ не могутъ столковаться на счетъ того, какъ единообразно опредѣлить, что̀ же такое — наука психологія. Я приведу здѣсь рядъ вопросовъ, какія я обыкновенно трактовалъ въ прочитанныхъ мною курсахъ психологіи.

1. Опредѣленіе психологіи и необходимость опредѣленія понятія души.

2. Наивно-миѳологическое пониманіе души въ дофилософскій періодъ и въ неполучившей философскаго образованія части современнаго общества.

3. Общій взглядъ на исторію психологіи. Ея начатки. Психологія первыхъ греческихъ философовъ, Анаксимена, Гераклита, Демокрита.

4. Психологія въ ряду другихъ частей великихъ философскихъ системъ греческихъ философовъ Платона и

Аристотеля[1]). Душа, какъ источникъ движенія. Смѣшеніе функцій психическихъ и біологическихъ.

5. Пиѳагоръ и восточное ученіе о метемпсихозѣ (переселеніи душъ).

6. Психологія средневѣковая. Вліяніе христіанства на понятіе души. Споры ѳомистовъ и аверроистовъ о судьбѣ и безсмертіи индивидуальной души. Индивидуалисты и универсалисты.

7. Значеніе Декарта въ исторіи психологіи. Основаніе имматеріализма души и несвязанность этого принципа съ картезіанскимъ общимъ матеріализмомъ. Гносеологическій принципъ и значеніе критицизма для понятія индивидуальной души. Сознаніе. Отношеніе Декартовой психологіи къ воззрѣніямъ Аристотеля и средневѣковья.

8. Локкъ, какъ основатель „аналитически-историческаго“ метода разработки психологіи. Переходъ отъ гносеологіи къ психологіи. Исторія познанія и разложеніе психическихъ сложныхъ группъ на ихъ первоначальные простые элементы. Отношеніе Локка къ Декарту, Демокриту и средневѣковью.

9. Значеніе Берклія для психологіи. Юмъ, его великія психологическія теоріи, особенно теорія „я“.

10. Психологія Лейбница въ связи съ его гносеологіею и метафизикою.

11. Вольфіанская психологія и критика ея Кантомъ.

12. Общая схема философскихъ направленій въ ихъ отношеніи къ психологіи.

13. Психологія универсализма (или идеализма) въ противоположеніи ея психологіи индивидуализма.

14. „Психологія“ матеріализма (древняго, эпохи Возрожденія, XVIII вѣка, энциклопедисты, Ламетри, Кон-

---

1) Изъ исторической части моего курса психологіи составилась моя книжка „Психологическія воззрѣнія древнихъ греческихъ философовъ“. Петербургъ, 1906.

дильякъ, Кабанисъ; XIX вѣка — Фейербахъ, Бюхнеръ, Молешоттъ, Фохтъ и др.

15. Позитивистическая психологія (Контъ и др.; сродство съ матеріализмомъ, разочарованіе въ философіи); „психологія безъ души“; нападки на метафизическую или умозрительную психологію и психологія, какъ наука о душевныхъ явленіяхъ.

16. Отношеніе психологіи къ физіологіи и физикѣ. Примѣръ зрѣнія — и различеніе въ этомъ случаѣ оптики, физіологіи и психологіи зрѣнія. Физіологическая психологія, психофизика, экспериментальная психологія, психометрія. Введеніе инструментовъ и статистики въ область психологіи, Фехнеръ, Вундтъ и пр. Законъ Вебера и Фехнера.

17. Источники науки психологіи.

18. Методы психологіи; общее ихъ обозрѣніе.

19. Различныя дѣленія и классификаціи психическихъ явленій.

20. Ощущенія; ихъ классификація. Исторія понятія ощущенія въ психологіи.

21. Теорія представленій или образовъ.

22. Теорія памяти. Ассоціація идей и исторія этого ученія.

23. Мышленіе, фантазія. Репродукція и творчество.

24. Теорія чувствованій и ихъ классификація.

25. Теорія воли; споръ о свободѣ воли и ея обусловленности.

26. Теорія сознанія и безсознательныя явленія (Лейбницъ, Гербартъ, Гартманъ и др.)

27. Качественное и количественное пониманіе сознанія — сознаніе и сознательность. Вниманіе.

28. Потокъ сознанія.

29. Элементъ сознанія; моментъ сознанія. Смѣна сознанія. Единство душевной жизни и единство одного момента сознанія. Категорія времени. Происхожденіе послѣдней.

30. Законъ несліянности и нераздѣльности психическихъ элементовъ; законъ ограниченности сферы сознанія. Два слоя

сознанія — простое, непосредственное сознаніе и сознаніе опосредствованное.

31. Теорія самосознанія и „я“.

32. Вопросъ о безсмертіи души.

33. Теорія происхожденія души (изъ матеріи, креатіанство, традукіанство, преэкзистенція, перевоплощеніе и т. д.).

34. Личность человѣка; характеръ; личное психическое развитіе.

35. Отношеніе сознанія, тѣла и внѣшняго міра. „Я“ и „не я“. Категорія пространства. Сущность и значеніе тѣла. Тѣло и душа и ихъ взаимоотношеніе по теоріямъ матеріалистовъ, Декарта, Спинозы, окказіоналистовъ и Лейбница.

36. Общее ученіе о душѣ; душа, какъ единое и многое сразу.

37. Душа здоровая и больная. Вопросъ о наслѣдственности. Природныя наклонности и предрасположенія. Чудовищныя, уродливыя, чудаковатыя, преступныя натуры. Вопросъ о вмѣняемости. Психологія массъ.

38. Психологія расы, пола, возраста, національности; значеніе культуры; психологія дикарей.

39. Психологія животныхъ. Одушевленность въ мірѣ.

40. Значеніе психологіи и ея отношенія къ другимъ наукамъ, педагогикѣ, психіатріи, эстетикѣ, гносеологіи, метафизикѣ, логикѣ, этикѣ, соціологіи, исторіи, антропологіи, этнографіи и т. д.

Въ преподаваніи исторіи философіи, какъ древней, такъ и новой я всегда обращалъ особенное вниманіе на ознакомленіе студентовъ съ первоисточниками и подлинными сочиненіями, стараясь излагать того или другого философскаго автора не въ своей болѣе или менѣе произвольной схемѣ, но по возможности представляя въ извлеченіи весь трактатъ въ той послѣдовательности, какая имѣется въ оригиналѣ. Такого метода держался я, начиная съ важнѣйшихъ фрагментовъ дософистиковъ, продолжая Платономъ и Аристотелемъ, — и потомъ — Декартомъ, Лейбницемъ, Бэкномъ, Гоббсомъ, Локкомъ, Беркліемъ, Юмомъ и т. д.

Во введеніи къ курсу исторіи философіи я подробно останавливался на слѣдующихъ вопросахъ:

Исторія философіи, какъ наука, и значеніе ея въ общей философской системѣ. Отношеніе исторіи философіи къ другимъ отраслямъ историческаго знанія. Раздѣленіе исторіи философіи по культурнымъ періодамъ въ исторіи человѣчества. Исторія греческой философіи и ея отношеніе къ философіи восточной. Общая характеристика греческой философіи и раздѣленіе ея на періоды. О значеніи „школъ“ въ греческой философіи. Связь исторіи греческой философіи съ исторіею древнегреческой науки и т. д.

Очень важною стороною дѣятельности профессора философіи, на которую въ общемъ, — надо сказать правду, — очень мало обращаютъ вниманія, является подготовка молодыхъ ученыхъ спеціалистовъ. Я лично всегда придавалъ этому подготовленію огромное значеніе. Если возможно, надобно намѣчать подходящихъ лицъ съ перваго или второго семестра ихъ штудій — и вести ихъ соотвѣтствующимъ образомъ все время ихъ университетскаго курса. Только въ такомъ случаѣ окажутся дѣйствительно достаточными тѣ два года, какіе по принятому нашимъ министерствомъ узусу полагаются достаточными по окончаніи курса для подготовки къ экзамену на ученую степень, и которые оно оплачиваетъ. На самомъ же дѣлѣ двухъ лѣтъ, если аспирантъ на каѳедру не готовился къ магистерскому экзамену еще на студенческой скамьѣ (именно по данной спеціальности — по философіи), оказывается мало. Приведемъ здѣсь нѣсколько извлеченій изъ тѣхъ инструкцій, какія я составлялъ для руководства въ занятіяхъ оставляемымъ при университетѣ моимъ ученикамъ, профессорскимъ стипендіатамъ по каѳедрѣ философіи и такимъ образомъ отъ вопроса о преподаваніи философіи студентамъ перейдемъ къ вопросу о преподаваніи философіи молодымъ спеціалистамъ, — ко второй и высшей задачѣ университетскаго преподаванія.

Инструкція для профессорскаго стипендіата должна на-

мѣчать не только пути общаго научнаго развитія въ предѣлахъ той или другой спеціальности, но и должна еще указывать тѣ отдѣлы и вопросы избранной стипендіатомъ науки, точное знаніе которыхъ для него особенно важно и явится потомъ непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія ученой степени и достиженія профессорскаго званія.

Спеціальное изученіе философіи должно быть основано на подробномъ и основательномъ изученіи исторіи философіи въ ея памятникахъ и первоисточникахъ. Если многіе философскіе вопросы являются въ наше время спорными и зависимыми отъ того или другого направленія, то единственно лишь изученіе исторіи философіи можетъ дать намъ безспорныя и объективныя точки зрѣнія на предметы философіи, единственно исторія философіи можетъ застраховать молодого, начинающаго мыслителя отъ односторонних научныхъ увлеченій при выработкѣ имъ себѣ міросозерцанія. Пріобрѣтши твердыя историческія основы, можно впослѣдствіи обратиться и къ вопросамъ систематической философіи, вопросамъ гносеологіи, метафизики, психологіи, общенаучной методологіи, логики, этики, эстетики и т. д.

Исторія философіи должна быть изучена стипендіатомъ равномѣрно въ обоихъ ея отдѣлахъ, и древнемъ, и новомъ.

Въ основу изученія греческой, древней философіи, разумѣется, полагаются сочиненія Платона и Аристотеля.

Изъ Платона желательно изученіе стипендіатомъ важнѣйшихъ, перечисленныхъ далѣе діалоговъ. Подъ изученіемъ разумѣется неторопливое, обстоятельное чтеніе этихъ діалоговъ въ подлинномъ греческомъ текстѣ съ нужными комментаріями и анализами. Можно брать либо старое изданіе Штальбаума или новыя изданія, болѣе надежныя со стороны филологической критики текста, напр., Миллера. При чтеніи сочиненій Платона можно въ трудныхъ мѣстахъ консультировать лучшіе переводы Платона, нѣмецкій — Шлейермахера, французскіе Сессе и Жюля Симона (Виктора Кузеня); русскіе переводы — Карпова и Соловьева ненадежны. Для многихъ діалоговъ

имѣются спеціальныя изданія текста и особые переводы [1]). При изученіи діалоговъ можно ознакомиться и съ нѣкоторыми новѣйшими трудами по вопросамъ о подлинности и хронологіи сочиненій Платона.

Къ діалогамъ, стóящимъ изученія по ихъ содержанію, надобно отнести Теэтета, Государство, Парменида, Протагора, Федра, Федона, Горгія, Менона, Апологію Сократа, Пиршество, Критона, Филеба, Софиста, Политика. Изученіе Сократа по діалогамъ Платона дополняется „Меморабиліями“ Ксенофонта.

Къ изученію Платона присоединяется потомъ изученіе Аристотеля, изъ твореній котораго особенно важны для философа Метафизика, нѣкоторыя книги и мѣста изъ „Органона“ (по выбору руководителя), Психологія, Реторика, Поэтика, Политика, Никомахова Этика, нѣкоторыя главы„ Физики“. Изъ числа общихъ изданій Аристотеля полезны могутъ быть соотвѣтствующіе тома Дидотовской коллекціи (то же и по отношенію къ Платону), не столько латинскою глоссою, сколько приложенными анализами и „абсолютнѣйшимъ“ (absolutissimus) регистромъ. Важенъ и индексъ Боница (въ изданіи Берлинской Академіи). Для всѣхъ указанныхъ сочиненій Аристотеля есть спеціальныя изданія, то старыя, то болѣе новыя (напримѣръ, для Метафизики — Боница, Психологіи — Тренделенбурга, Политики — Зуземиля и т. д.). Русскихъ переводовъ Аристотеля рекомендовать нельзя. Не всегда надежны и французскіе переводы. На нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ переводы самые надежные, къ сожалѣнію, не по всѣмъ указаннымъ сочиненіямъ — отчасти приложенные къ названнымъ изданіямъ, отчасти вышедшіе отдѣльно (Метафизика — Боница, Психологія — Рольфеса и т. д.). При изученіи Аристотеля придется ознакомиться и съ нѣкоторыми о немъ монографіями.

Изученіе первоисточниковъ по исторіи древней философіи

---

1) Мы не имѣемъ въ виду приводить библіографію, какъ здѣсь, такъ и ниже.

завершается ознакомленіемъ съ доксографами и избранными фрагментами изъ сочиненій философовъ дософистическаго и послѣаристотелевскаго періодовъ по изданіямъ Муллаха, Дійльса, Узенера „Эпикуреа“; нельзя оставить безъ вниманія и христоматію Риттера и Преллера.

Постояннымъ руководствомъ по исторіи греческой философіи долженъ служить большой, классическій трудъ Целлера (есть къ нему регистръ), который дополняется курсомъ Гомперца, а такъ же монографіями Тейхмюллера и Танри. Весьма полезно было бы ознакомиться и съ сочиненіемъ Діогена Лаэртскаго. Изученіе греческой философіи хорошо дополнить ознакомленіемъ съ философіею индусовъ по трудамъ Дейсена и Гарбе. По вопросу о зависимости греческой философіи отъ восточной вообще историческая справедливость требуетъ отъ молодого философа хотя бы заглянуть въ книги Глядиша, Рёта, Шрёдера, Группе, Роде, Вольфганга Шульца. По исторіи философіи средневѣковой, патристики и схоластики изученіе первоисточниковъ возможно значительно сократить. Похвально, если стипендіатъ прочтетъ избранныя главы изъ „Источника знанія“ Іоанна Дамаскина, Confessiones Августина, Monologium и Proslogium Ансельма и полемики съ нимъ Гонилона; не мѣшаетъ заглянуть и въ Summa theologiae Ѳомы Аквинскаго.

Для патрологіи рекомендуется книга Барденхевера; по исторіи догматики и соединенія эллинства съ христіанствомъ — трудъ Гарнака; по византійской философіи стипендіатъ можетъ обратиться къ сочиненію Крумбахера и къ монографіи Лянгена о Дамаскинѣ. По схоластикѣ къ услугамъ изучающаго — курсы Штёкля, Оро, Прантля (исторія логики), равно монографіи Вернера, Лёве, Каулиха. Для справокъ рекомендуется исторія средневѣковой литературы Эберта.

Философія Возрожденія не имѣетъ особенной важности. Для оріентированія можно читать спеціальные труды Шульце и Бурхардта. Изъ первоисточниковъ — съ Бруно для на-

чинающаго не стоитъ знакомиться, изучая какое-либо его сочиненіе въ полномъ объемѣ; въ видахъ экономіи времени и труда достаточно ознакомиться съ нѣкоторыми выдержками изъ разныхъ сочиненій по указанію руководителя. О литературной дѣятельности Бруно можно почерпнуть нѣкоторыя указанія у Клейна въ его исторіи драмы. Есть и спеціальныя монографіи о Бруно, напр. Брунхофера.

Изученіе исторіи новой философіи должно быть основано опять-таки на широкомъ и обстоятельномъ чтеніи первоисточниковъ, сочиненій великихъ мыслителей этого періода. Нѣкоторыхъ, менѣе замѣчательныхъ философовъ, Гоббса, Мальбранша, Гёйлинкса, да и Френсиса Бэкна можно читать въ отрывкахъ (напр. у Бэкна его отрывки объ индукціи). До нѣкоторой степени допустимы купюры при чтеніи и въ сочиненіяхъ Спинозы, кромѣ „Этики“. За то цѣликомъ должны быть прочитаны Декарта „Метафизическія размышленія“ (особенно внимательно — первыя два) и „Разсужденіе о методѣ“, Локка „Опытъ“, Беркли „Трактатъ о принципахъ человѣческаго знанія“, Юма „Изслѣдованіе“ — и по крайней мѣрѣ, хоть первая книга „Трактата“. Изъ трудовъ Лейбница необходимо ознакомиться съ „Новыми Опытами“, и съ нѣкоторыми частями переписки (напр., корреспонденціи съ Кларкомъ, де-Боссомъ, Арно и съ нѣкоторыми его малыми трактатами („Монадологія“, „О вселенскомъ духѣ“ и т. п.). Очень поучительна такъ же полемика Декарта съ критиками его „Размышленій о первой философіи“. Къ Беркли и Юму слѣдовало бы прибавить еще чтеніе Рида и ознакомленіе съ шотландскою школой вообще. XVIII вѣкъ можно изучить по „Мемуарамъ“ Дамирона, монографіямъ Морлея и курсу литературы Геттнера. Изученіе Канта можно ограничить только его тремя „Критиками“ и „Пролегоменами“. Это все — матеріалъ громоздкій и трудно усвояемый, но плоды не вознаграждаютъ усилій, потраченныхъ на изученіе Канта. Разумѣется, при „Критикѣ чистаго разума“ можно пользоваться громаднымъ, но не законченнымъ комментаріемъ Файгингера, имѣя, однако, въ виду,

что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ неудовлетворителенъ. Изученіе преемниковъ Канта тоже надо сократить значительно. Достаточно будетъ, если молодой философъ не поскучаетъ ознакомиться съ „Назначеніемъ человѣка“ Фихте, „Идеями о философіи натуры“ Шеллинга, „Энциклопедіею“ Гегеля, съ „Міромъ, какъ воля и представленіе“ Шопенгауера. Результаты и здѣсь врядли вознаградятъ за труды по путешествію въ этой безплодной (кромѣ развѣ Гегеля) области. Гораздо плодотворнѣе было бы, наряду съ тѣмъ, обратить вниманіе на психологическія и метафизическія идеи Гербарта. Дальнѣйшая любознательность по исторіи философіи этого періода можетъ быть обращена на философію Мена де-Бирана и Огюста Конта.

Что касается общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, то стипендіату могутъ оказаться весьма полезными труды Виндельбанда, Гёффдинга, Эрдмана, Хармса, и нѣкоторые томы курса Куно Фишера. Для біографической части можно порекомендовать „Философскихъ классиковъ“ серіи Блеквуда. Много общихъ свѣдѣній по „исторіи понятій“ стипендіатъ найдетъ въ курсахъ Виндельбанда (общемъ), у Жане и Сеэля, у Кнауера, Тейхмюллера, у историковъ разныхъ направленій: Ланге (матеріализмъ), Вильмана (идеализмъ), Лааса (идеализмъ и позитивизмъ), Риля (критицизмъ), Гартмана (исторія метафизики), Шаллера (философія природы), Целлера (нѣмецкая философія), Мэкъ-Коша (шотландская школа), Ремюза, Куно Фишера (англійская философія), Гримма (исторія теоріи познанія), Юэлля (индуктивная наука), Бауманна (философія математики, времени и пространства), въ трудахъ Либмана (анализъ дѣйствительности), Эйкена, Вале и др.

Изучивъ указанныя явленія и періоды философіи, утвердившись въ знаніи исторіи философіи вообще, молодой поборникъ ея будетъ знать всѣ главнѣйшія проблемы этой науки, онъ можетъ уже болѣе или менѣе самостоятельно оріентироваться среди тѣхъ партій и направленій, какія раздѣляютъ современныхъ философовъ, можетъ и самъ приступить къ вы-

работкѣ собственныхъ взглядовъ въ области разныхъ философскихъ дисциплинъ, какъ то метафизики, психологіи, этики и такъ далѣе.

Что касается метафизики, то почти всѣ проблемы этой науки будутъ для стипендіата хорошо извѣстными и близкими изъ внимательно проштудированныхъ имъ твореній Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Локка, Берклія, Юма, Канта, Гербарта, не говоря уже о тѣхъ, кто ославилъ метафизику и превратилъ названіе этой науки почти въ бранное слово, т. е. Шеллинга и Комп. Для ознакомленія съ ближайшими къ намъ по времени системами „первой философіи“ — достаточно будетъ ограничиться только замѣчательнѣйшими, напр., Лоцце и Тейхмюллеромъ съ одной стороны, — Спенсеромъ, Дюрингомъ и Вундтомъ, съ другой.

Заслуживаютъ интереса вопросы общей логики, классификаціи наукъ и ихъ методологіи. Достаточное знакомство съ этими вопросами можно было бы вынести изъ изученія трудовъ Огюста Конта, Спенсера, Вундта, Зигварта, Д. С. Милля и др. Безъ знанія нѣкоторыхъ хотя отдѣловъ высшей математики нельзя приступать къ изученію такъ называемой „математической логики“, напр., въ старомъ трудѣ Джевонса и особенно въ новыхъ работахъ Шрёдера, Эрдмана и т. д.

Богатый историческій матеріалъ по психологіи стипендіатъ извлечетъ изъ сочиненій Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Локка, Лейбница, Юма, Гербарта, Мена де Бирана. Цѣнныя замѣчанія по исторіи психологіи имѣются въ курсѣ Фолькманна, въ книгахъ Зибека, Хармса, Зоммера, Дессуара и др. Научное возрожденіе психологіи въ XIX столѣтіи можно прослѣдить по очеркамъ Рибо и по трудамъ выдающихся психологовъ этого періода, Бенеке, обоихъ Миллей, отца и сына, Спенсера, Бэна, Рише, Роменса, Дельбёфа. Съ экспериментальною психологіею стипендіатъ ознакомится изъ курсовъ Фехнера, Вундта, Кюльпе и Цiэна. Затѣмъ въ видахъ расширенія и углубленія психологическихъ

свѣдѣній мы всегда рекомендовали стипендіатамъ усердное чтеніе монографій и статей психологическаго содержанія въ текущей новой литературѣ и новѣйшихъ книжкахъ спеціальныхъ философскихъ журналовъ Mind, Revue philosophique, Revue de métaphysique et de morale, L'annee philosophique и — psychologique, Archiv für Philosophie, Philosophische Studien и т. п. Весьма полезно было бы для стипендіата прослушать курсъ общей физіологіи, анатоміи мозга и нервной системы, а такъ же ознакомиться съ какимъ-либо курсомъ психіатріи (Крафтъ-Эбинга, Крепелина и др.).

И по этикѣ всѣ важнѣйшія проблемы этой науки будутъ извѣстны стипендіату изъ трудовъ Платона, Аристотеля, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте и др. Спеціальныя свѣдѣнія по исторіи этики стипендіатъ имѣетъ почерпнуть изъ курсовъ и книгъ Жане, Фаге, Гюйо, Циглера, Кёстлина, Іодля, Сиджвика, Л. Шмидта, Форлендера, Летурно, Пюньера. Къ этому можно присовокупить изученіе этическихъ трактатовъ Паульсена, Вундта, Гёффдинга и др. Не безъ пользы было бы и ознакомиться съ системою христіанской этики Мартенсена.

Нѣкоторые отдѣлы этой программы могутъ быть пройдены съ возможно высокою степенью обстоятельности, другіе — менѣе подробно въ связи съ условіями занятій и собственными индивидуальными интересами готовящагося къ каѳедрѣ философіи. Но ни въ какомъ случаѣ инструкція не должна связывать аспиранта, или стѣснять его, ибо письмена умерщвляютъ, духъ животворитъ. А потому наилучшею гарантіею успѣха философскихъ занятій стипендіата я считаю живое и теплое общеніе руководителя и стипендіата, благожелательное отношеніе, съ одной стороны, — довѣрчивое и внимательное, съ другой.

Лицамъ постороннимъ, не имѣющимъ возможности слушать университетскіе курсы философіи, но желающимъ ознакомиться съ этой наукой болѣе или менѣе основательно, я рекомендовалъ всегда начинать свое введеніе въ философію чтеніемъ безсмертныхъ первыхъ двухъ „Медитацій“ Декарта. Здѣсь

они не только попадаютъ на исходную точку всей нашей новой философіи, отъ которой мы доселѣ еще не можемъ отказаться, но и получаютъ великій образчикъ томленій философской мысли генія; здѣсь читатель наглядно убѣждается въ томъ, что философія есть дѣло великое, дѣло высочайшей важности, такое дѣло, которое составляетъ самую главную задачу всего человѣческаго знанія. Ознакомившись съ Декартомъ, можно продолжать философскія занятія чтеніемъ II и IV книги Локкова „Опыта“, далѣе трактатами Берклія и Юма, съ одной стороны, — избранными сочиненіями Лейбница съ другой. Съ Лейбницемъ мы переходимъ на почву исторической традиціи, и отъ него естественно пойти ретроспективно, т. е. ознакомиться съ важнѣйшими сочиненіями Платона и Аристотеля.

Полезными при ознакомленіи съ философіею оказывались еще книжки Г. Тейхмюллера „Безсмертіе души“ и А. А. Козлова „Свое слово“ въ пяти частяхъ.

Замѣчу еще, что я считаю совершенно непрактическою современную постановку изученія философіи на самихъ факультетахъ, именно послѣдовательность, въ какой предлагаются отдѣльныя дисциплины. Въ видѣ пропедевтики предлагаются логика или психологія, а — важнѣйшее — исторія философіи, особенно новой, преподается потомъ, на высшихъ курсахъ. Между тѣмъ всякому понятно, что научный характеръ и логика, и психологія могутъ получить только въ томъ случаѣ, когда преподаваніе ихъ обосновано на историческомъ фундаментѣ. Такимъ образомъ, преподавая логику и психологію, тратишь много времени на историческія введенія и справки. Потомъ это же самое вторично приходится разбирать въ спеціальномъ курсѣ исторіи философіи. Слѣдовательно, гораздо раціональнѣе было бы начинать изученіе философіи — внѣ зависимости отъ какихъ-либо побочныхъ поводовъ — съ объективныхъ данныхъ исторіи философіи, — съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи при преподаваніи спеціальныхъ курсовъ логики и психологіи быть въ состояніи

прямо на эти данныя ссылаться, какъ уже на извѣстныя; такимъ образомъ, помимо болѣе правильнаго приступа къ философіи — съ ея исторіи, выгадывалось бы много времени, и преподаваніе логики и психологіи могло быть поставлено гораздо подробнѣе и спеціальнѣе.

На этомъ мы и можемъ пока закончить свои замѣтки о преподаваніи философіи. Суммируя все сказанное, мы придемъ къ такому заключенію. Изученіе философіи со стороны студента должно, на нашъ взглядъ, заключаться въ слѣдующемъ и распадаться на такіе моменты:

1) толковое и внимательное слушаніе лекцій, по возможности, безъ записи, или если съ записью, то съ самою короткой, отмѣткою общаго плана и схемы прочтеннаго профессоромъ;

2) составленіе на дому конспектовъ лекцій, если кто имѣетъ время и охоту къ подобному труду;

3) чтеніе указанныхъ на лекцій пособій;

4) рекапитуляція прошлыхъ лекцій съ профессоромъ, подготовка къ такого рода репетиціямъ и отвѣты на вопросы преподавателя:

5) участіе въ практическихъ занятіяхъ и конверсаторіяхъ;

6) самостоятельная работа, изученіе первоисточниковъ и матеріаловъ;

7) составленіе работъ, рефератовъ и докладовъ по философіи и обсужденіе таковыхъ въ качествѣ автора или оппонента подъ руководствомъ профессора-спеціалиста.

Со своей стороны профессоръ долженъ 1) добросовѣстно готовиться къ лекціямъ, 2) читать толково, ни въ какомъ случаѣ не по тетради, указывая надежныя и удобопонятныя пособія, 3) рекапитулировать и суммировать прочтенное — въ концѣ отдѣловъ, 4) побуждать изучать первоисточники, 5) вести всевозможныя практическія занятія, конверсаторіи, бесѣды, руководить философскими кружками, студенческими философскимъ обществами и т. д.

Идеаломъ учителя философіи, — идеаломъ вѣчнымъ и

недосягаемымъ — въ культурной исторіи европейскаго человѣчества явился Сократъ, всю свою жизнь, безъ остатка, превратившій въ неустанное и непрестанное преподаваніе философіи. Кто забудетъ сцену изъ платонова діалога, когда Сократа будятъ раннимъ утромъ ради пріѣзда „Протагора“! Сократъ не оставилъ намъ въ наслѣдіе своей особенной философской системы, какую считаетъ своимъ долгомъ завѣщать потомству почти каждый профессоръ философіи въ германскихъ университетахъ. И безъ изобрѣтенія собственной системы Сократъ обусловилъ своею дѣятельностію весь позднѣйшій пышный расцвѣтъ философіи на аѳинской почвѣ, — и за то всѣ аѳинскія школы философіи, несмотря на полное подчасъ разногласіе въ своихъ философскихъ мнѣніяхъ, съ одинаковымъ почтеніемъ считали стараго Сократа своимъ учителемъ. Его иногородніе ученики рисковали иногда жизнью, тайкомъ пробираясь въ Аѳины, несмотря на грозное запрещеніе, — и все ради того только, чтобы услышать мудрую рѣчь своего дорогого учителя.

Сократъ уподоблялъ свое философски-педагогическое искусство ремеслу своей матери-акушерки. Какъ та помогала родить, такъ и онъ помогалъ родамъ мудрости. Онъ не брался, подобно софистамъ, насадить въ другомъ чуждую ему мудрость, научить тому или иному опредѣленному знанію, не стремился сдѣлать изъ своего собесѣдника непремѣнно партійнаго приверженца своей собственной доктрины. Сократъ поступалъ иначе. Онъ пробуждалъ въ ученикѣ „философскій эросъ“, любовь къ философской истинѣ, стремленіе къ ея отысканію. Сократъ только помогалъ родамъ самостоятельной мысли, а потому свою педагогику и называлъ въ шутку маёвтикою, акушерствомъ. Любопытно, что Сократъ не дожидался, чтобы къ нему заявлялись любители мудрости, прося научить. Нѣтъ, онъ бралъ свое добро, — т. е. законную добычу философіи — вездѣ, гдѣ только она ему попадалась. Скитаясь по улицамъ и площадямъ, онъ ловилъ себѣ учениковъ, не ради выгодъ своихъ личныхъ, но единственно ради

того, что на челѣ ихъ онъ провидѣлъ, что они способны заниматься философіею и стать въ обители ея полезными дѣятелями.

Первое знакомство съ философомъ нерѣдко бываетъ непріятно. Ошибочно считать философа пророкомъ, глаголомъ жгущимъ сердца людей. Философъ заманиваетъ не чувствомъ, не возгласомъ, но разсужденіемъ холоднымъ и безпристрастнымъ. Споръ, затѣянный Сократомъ съ его будущимъ ученикомъ, часто бывалъ непріятенъ для самолюбія будущаго философа. Путемъ неопровержимыхъ доказательствъ Сократъ убѣждалъ собесѣдника — подчасъ — неожиданно для того, что онъ де ничего и ни въ чемъ не понимаетъ, хотя самъ онъ ранѣе считалъ себя свѣдущимъ въ разныхъ вещахъ. Но убѣдившись — хотя и не безъ урона для самолюбія — въ своемъ незнаніи, онъ достигалъ высшей — сравнительно съ прежнею — ступени умственной зрѣлости: въ немъ пробуждалась работа критической и творческой мысли, доселѣ дремавшей — и самое это пробужденіе мысли для учителя философіи цѣнно въ высшей степени. Пускай ученикъ не согласенъ со своимъ учителемъ, пусть онъ споритъ съ нимъ, — но въ немъ возженъ огонь философіи, въ немъ вспыхнулъ эросъ — и если это натура вообще благородная, то этотъ эросъ не потухнетъ въ немъ, а по мѣрѣ углубленія въ философію, будетъ все разгораться и горѣть яркимъ свѣтомъ.

Важнѣйшимъ средствомъ къ обученію философіи у Сократа являлась живая дружеская бесѣда (діалогъ), — бесѣда, а не болтовня, — разговоръ, логически-искусно направляемый къ извѣстному выводу (уже заранѣе полученному руководителемъ) и сдерживаемый въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Свидѣтельство исторіи указываетъ, что и вообще вездѣ философія, гдѣ только она приносила плодъ — и для науки, и для жизни, — изучалась въ живомъ, тѣсномъ и дружественномъ общеніи учителя и учениковъ. Въ древней Греціи философія изучалась именно въ такъ называемыхъ ш к о л а х ъ (пиѳагорейскій орденъ, школы іонійская, элейская, Академія, Лицей — перипатетическая школа и т. д.). Въ средніе вѣка

философская традиція хранилась и поддерживалась въ разныхъ монастыряхъ: монахи однихъ монастырей преемственно — другъ отъ друга — являлись, напр., номиналистами, монахи другихъ — реалистами и т. п. Но старый Сократъ все-таки смотрѣлъ на дѣло шире всѣхъ: возвышаясь надъ узкими предѣлами одной какой-либо школы, онъ предпочиталъ широкое изысканіе философской истины и старался лишь объ одномъ: пробудить философскую самодѣятельность, заставить учениковъ мыслить и съ любовію искать самихъ, а не довольствоваться усвоеніемъ готовыхъ результатовъ. Эта же самая задача — пріобрѣтать для философіи любящихъ ея послѣдователей и пробуждать въ нихъ философски-научную самодѣятельность, критику и изысканіе — предстоитъ и современнымъ, нашимъ профессорамъ философіи.

Профессоръ философіи долженъ приглашать своихъ слушателей — сподвижниковъ — въ дружномъ, живомъ и постоянномъ общеніи съ нимъ работать надъ наукою наукъ, надъ познаніемъ познанія, надъ философіей, обѣщая трудиться не впереди, а посреди своихъ друзей — учениковъ, съ одинаковымъ у всѣхъ философскимъ эросомъ. . .

Проф. Евгеній Бобровъ.